

АНТИНОМИИ



yearbook.uran.ru/
fp.uran.ru/ezh/about/

2021

Том 21
Выпуск 2

Рустэм Ярцев

Проблема Геттиера
с позиций
рационального скептицизма

Андрей Емельянов

Смерть Сократа:
ключевые
философские интерпретации

Василь Сакаев

Понятие радикализации:
обзор научных подходов
в современной
зарубежной литературе

Алексей Стомба

Неклассическая правовая мысль
на постсоветском пространстве

Олег Рой

Особо охраняемые природные
территории: от консервации
к развитию

Виктория Грошевая

Борьба со злостными
неплательщиками алиментов
силами оперативных
подразделений милиции Донбасса
в 1940–1950-е годы

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 2

Екатеринбург – 2021

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАЩЕНИНИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г. ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>



Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 21

Issue 2

Yekaterinburg 2021

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>



The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Ярцев Р.А.</i> Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма.....	7
<i>Емельянов А.С.</i> Смерть Сократа: ключевые философские интерпретации	25

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Сакаев В.Т.</i> Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе.....	45
--	----

ПРАВО

<i>Стовба А.В.</i> Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве	73
<i>Рой О.М.</i> Особо охраняемые природные территории: от консервации к развитию	90
<i>Грошевская В.К.</i> Борьба со злостными неплательщиками алиментов силами оперативных подразделений милиции Донбасса в 1940–1950-е годы	109

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- R. Yartsev.** The Gettier Problem
from a Position of Rational Skepticism7
- A. Emelyanov.** Death of Socrates:
Key Philosophical Interpretations25

POLITICAL SCIENCE

- V. Sakaev.** The Concept of “Radicalization”:
an Overview of Scientific Approaches
in Modern Foreign Literature45

LAW

- A. Stovba.** Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space.....73
- O. Roy.** Protected Areas: From Conservation to Development90
- V. Groshevaya.** The Fight of Operational Divisions
of the Donbass Militia against Vicious Nonpayers
of Alimony in 1940–1950s.....109

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY



Ярцев Р.А. Проблема Геттиера с позиций рационально-го скептицизма. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 7–24.

УДК 165.0

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7

Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма

Рустэм Альбертович Ярцев

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа, Россия

E-mail: rust-66@yandex.ru

*Поступила в редакцию 07.10.2020, поступила после рецензирования 19.01.2021,
принята к публикации 25.01.2021*

Настоящая статья посвящена обсуждению проблемы Геттиера, более полувека остающейся неразрешенной эпистемологической головоломкой. Предложенные Э. Геттиером контрпримеры ведут к необходимости ревизии классического тройственного определения знания, цель которой видится в устранении неоднозначности трактовки истины данным определением. Показывается ошибочность большинства путей решения проблемы, которые лишь сужают «зазор» между «объективной» истиной и «истиной субъекта» в определении, не спасая его от новых, более изощренных, контрпримеров. Обосновывается правильный путь решения, состоящий в освобождении классического определения от требования интерсубъективности знания, исполнение которого в реальных когнитивных практиках невозможно. В этом направлении предлагается новое решение, основу которого составляет авторская концепция рационального скептицизма, объединяющая в научном познании:



© Ярцев Р.А., 2021

1) глобальный скептицизм, выражаемый тезисом «Я знаю только то, что я ничего не знаю»; 2) локальный скептицизм, ограниченный принятыми предпосылками и преодолеваемый в результативных научных исследованиях; 3) универсальный научный метод, нормирующий каждое научное исследование как очередность этапов постановки вопроса, выдвижения гипотез, проверки гипотез и синтеза ответа, скептической рефлексии над ответом. Предлагаемое решение определяет знание как обоснованное убеждение познающего субъекта, которое не является истинным в интерсубъективном смысле, а принимается за истину лишь данным субъектом, убежденным также в истинности обоснования и его предпосылок. Благодаря этому в рациональных когнитивных практиках легализуется пересмотр знания различными субъектами, который позволяет объяснить парадоксы Геттиера, обнаружив под маской «объективной» истины, опровергающей чьи-либо обоснованные убеждения как знание, «всего лишь» истину пересматривающего их субъекта. Эффективность предлагаемого решения иллюстрируется для любительского научного познания на таких известных примерах, как «корова на лугу», «получение Смитом работы», «обман девушки при знакомстве». Раскрывается теоретическое и практическое значение решаемой проблемы.

Ключевые слова: проблема Геттиера, знание, истина, пересмотр, рациональный скептицизм, научный метод

The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism

Rustem A. Yartsev,

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

E-mail: rust-66@yandex.ru

Received 07.10.2020, revised 19.01.2021, accepted 25.01.2021

Abstract. This article focuses on the discussion of the Gettier problem, which has remained an unresolved epistemological puzzle for more than half a century. Counterexamples proposed by E. Gettier highlight the need for auditing the classical triple definition of knowledge aimed at eliminating the ambiguity of the interpretation of the truth using this definition. It shows the fallacy of the most ways to solve the problem, which only narrow the “gap” between the “objective” truth and the “truth of the subject” in the definition, without saving it from new, more sophisticated counterexamples. The correct solution path is substantiated, which consists in freeing the classical definition from the requirement of knowledge intersubjectivity, the implementation of which is impossible in real cognitive practices. A new solution is proposed in this direction, the basis of which is the author’s concept of rational skepticism, combining the following aspects of scientific knowledge: 1) universal skepticism of the thesis “I know that I know nothing”; 2) local skepticism, limited by accepted premises and overcome in effective scientific research; 3) universal scientific method that normalizes each scientific research as a sequence of stages of posing a question, putting forward hypotheses, testing hypotheses and synthesizing answer, skeptical reflection on the answer. The proposed solution defines knowledge as a justified belief of the cognizing subject, which is not true in the intersubjective sense, but is accepted as true only by the given subject, who is also convinced of the truth of the justification and its prerequisites. Due to this, rational cognitive practices legalize the

revision of knowledge by various subjects, which allows one to explain Gettier's paradoxes, having discovered under the guise of "objective" truth, refuting anyone's justified beliefs as knowledge, nothing but the truth of the subject who revises them. The effectiveness of the proposed solution is illustrated for amateur scientific knowledge on such well-known examples as "a cow in the meadow", "Smith getting a job", "Deceiving a girl upon meeting". The theoretical and practical significance of the problem is revealed.

Keywords: Gettier's problem; knowledge; truth; revision; rational skepticism; scientific method

For citation: Yartsev R.A. The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 7-24. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7.

Введение. Как известно, обсуждаемая проблема увидела свет в 1963 г., когда малоизвестный ученый Э. Геттиер опубликовал свою знаменитую статью (Gettier 1963), где против классической трактовки знания были выдвинуты фальсифицирующие контрпримеры, ведущие к парадоксам. С тех же пор в зарубежной эпистемологии продолжаются дискуссии по проблеме, которые пока так и не привели к общепризнанному решению. На каждом из предложенных путей решения, обзор которых содержится в учебной литературе (Клейнман 2016), обнаруживаются свои недостатки; их детальному анализу посвящен, в частности, ряд современных отечественных публикаций (Антоновский 2010; Демин 2019; Куслий 2011). Результаты данного анализа подтверждают общий вывод о том, что проблема Геттиера по сей день остается неразрешенной головоломкой для специалистов–эпистемологов.

Следуя по пути, открытому нашими предшественниками, мы получили новое решение обсуждаемой проблемы, претендующее на достоверность и практическую значимость, которое излагается в настоящей статье. Поэтому приводимый здесь обзор уже известных решений не стремится к полноте изложения, а касается лишь их наиболее существенных недостатков, препятствующих устранению парадоксов знания. Более подробно мы рассматриваем лишь идеи Г.К. Ольховикова, чей ответ на критику создает впечатление неузвимости предложенного им решения (Куслий 2011: 43), а также Я.В. Шрамко, избравшего, на наш взгляд, правильную стратегию. Кроме того, для ясности и полноты описания нашего решения проблемы потребовалось раскрыть концепцию рационального скептицизма, которая подробно обсуждается в других работах (см., напр.: Ярцев 2013; Ярцев 2015а; Ярцев 2015б; Ярцев 2018).

Сущность проблемы. В классическом определении знание трактуется как обоснованное истинное убеждение или правильное мнение с объяснением (Платон 1993: 263). Из данного определения вытекает, что любое знание содержит три обязательных элемента: 1) убеждение или мнение познающего субъекта, который верит в нечто как в истину; 2) истину, являющуюся объективным содержанием предмета субъективного верования; 3) имеющееся у субъекта обоснование в поддержку того, что предмет верования является истиной, а не заблуждением. Однако на многочисленных

примерах так называемых *случаев Геттиера* доказывається, что этого определения недостаточно для дефиниции знания, поскольку, даже если субъект обладает всеми тремя элементами последнего, он может тем не менее заблуждаться.

Приведем здесь лишь два подобных примера. Первый пример взят из учебника и описывает ситуацию «корова на лугу» (Клейнман 2016: 41). Хозяин потерял из виду корову, но гость его успокаивает тем, что недавно шел по лугу и видел животное пасущимся. Присмотревшись в нужном направлении, хозяин действительно различает что-то крупное, в черных и белых пятнах. Это подтверждает слова гостя, и хозяин заключает, что его корова в самом деле находится на лугу. Однако позже, на обратном пути через луг, гость замечает, что корову совсем не видно из-за деревьев, а хозяин, вероятно, принял за нее прицепившийся к дереву огромный лист черно-белой бумаги. Ясно, что при этом владелец коровы заблуждался, пусть даже имел о ней искреннее и обоснованное мнение, по случайности оказавшееся истинным.

Другой аналогичный пример приводит сам Э. Геттиер (Gettier 1963: 122). Некто Смит конкурирует с неким Джонсом за право занять некую должность, скорее всего, получит Джонс. Смит при этом знает, что у Джонса в кармане есть десять центов. Отсюда он делает вывод, что должность займет человек с десятью центами в кармане. Однако позже выяснилось, что должность досталась самому Смигу, в кармане которого также обнаружили 10 центов. В итоге получается, что прогноз Смита оказался верным и приобрел полный набор признаков знания, хотя этот соискатель, безусловно, ошибался в своих расчетах.

Обратим внимание на небольшое различие между данными примерами, которое, однако, весьма существенно для рационального скептицизма. Так, в ситуации «корова на лугу» аргументы, опровергающие достоверность ранее известного обоснования, были получены конкретным лицом (гостем). В конкурсной же ситуации опровержение имеет обезличенную форму некоторой «объективной» истины, не допускающей сомнений ни в том, что должность получил именно Смит, ни в том, что у него в кармане было как раз 10 центов. Однако обезличенное представление аргументации является неполным и неточным, потому что по умолчанию всегда предполагает когнитивную деятельность людей – в данном случае, тех, кто издает приказы о приеме на работу, информирует конкурсантов, шарит по карманам и т.п.

Из приведенных примеров ясно, что классическое определение знания следует пересмотреть, исключив из объема данного понятия все, что относится к «случаям Геттиера». Однако что именно здесь подлежит изменению, где находится источник вскрывшейся проблемы? Анализ и сопоставление признаков знания позволяют найти ответ на этот вопрос. Так, А.Л. Никифоров замечает, что первый и третий элементы определения характеризуют установки субъекта, тогда как второй элемент имеет совершенно иную природу, сообщая «о некоем объективном (или интересубъективном) факте» (Никифоров 2009: 64). В том же направлении движется мысль Л. Загзеб-

ски, которой «удалось показать, что, если в теории знания существует разрыв между истинной и обоснованием (локальной надежностью, причинно-следственной связью и так далее), можно создать случай Геттиера, который опровергнет такую теорию» (Демин 2019: 67).

С нашей стороны проблема видится следующим образом. Прежде всего, здесь в самом деле налицо расхождение между определением истины во втором и всех прочих признаках знания. Вторым признаком определяет ее как *истину объективную*, которая достоверна абсолютно или безусловно и имеет для человеческого познания интереснейшее значение. Остальные же признаки говорят о ней как об *истине субъекта*, объективность которой основана на аффекте веры в безошибочность собственных представлений, а также в безошибочность и достаточность найденного обоснования. Отсюда ясно, что достоверность истины субъекта относительна или условна, поскольку всегда присутствует ненулевая вероятность ошибки. Когда ошибка выявляется, то тут же обнаруживается расхождение между объективной истиной и истиной субъекта, потому что роль первой уже берет на себя опровергающая точка зрения. Ошибки при этом могут возникать в рассуждениях субъекта и в используемых предпосылках, иногда не затрагивая общий вывод или результат познания, что подводит под тройственное определение знания также и опровергнутое *мнение*, создавая видимость парадокса.

Последняя ситуация, очевидно, как раз иллюстрируется случаями Геттиера. Таким образом, проблемой рассматриваемого определения является неоднозначное понимание истины в нем как разрыв или «зазор» между объективной истиной и истиной субъекта в аспекте достоверности познания. Каким же способом можно устранить этот «зазор»?

Пути решения. Если тройственному определению знания соответствуют «случаи Геттиера», которые являются не знанием, а заблуждением, то напрашивается очевидная идея – ужесточить данное определение, добавив к нему четвертый признак, дополнительно обуславливающий знание. Иллюстрируя эту идею воображаемым переходом от «треугольника» к «квадрату», П. Клейнман выделяет четыре дополнительных условия, каждое из которых призвано по-своему справиться с проблемой Геттиера (Клейнман 2016: 43):

1. Условие об отсутствии ложных посылок, на которых основывается мнение субъекта.
2. Условие наличия причинной связи между наблюдаемым объектом внешней среды и мнением субъекта.
3. Условие надежной (неоспоримой) причины, приводящей субъекта к истинному мнению.
4. Условие оспоримости, признающее мнение субъекта знанием лишь до тех пор, пока нет обоснования, указывающего на обратное.

Не вдаваясь в критику этих условий, которая отражена в приведенной литературе, укажем на главный их недостаток, препятствующий решению проблемы знания. Заметим, что первые три условия «по своей природе» отличны от четвертого. Цель каждого из них состоит в том, чтобы добавить ко второму признаку знания еще один, вспомогательный, признак,

усиливающий *требование объективности* выясняемой истины требованием объективности либо ее предпосылок, либо внешнего каузального фактора (экстернализм), либо же неоспоримой причины, обуславливающей достоверность вывода (релейабиллизм). Авторы соответствующих новаций явно рассчитывали на то, что усиленные таким образом требования к знанию повлекут за собой исключение из него случаев Геттиера. Однако эти надежды, как нам думается, напрасны, потому что предлагаемые новшества лишь сужают «зазор» между объективной истиной и истиной субъекта, не устраняя его, и по данной причине сохраняют за вновь полученным «квадратным» определением знания все шансы пасть жертвой новых, более изощренных, контрпримеров Геттиера. Таким образом, наша точка зрения здесь поддерживает результаты Л. Загзебски.

Иначе и быть не может, поскольку гарантировать объективность обосновывающих истин субъект познания не способен, равно как и объективность истины, поддерживаемой обоснованием, которое вообще не следует приписывать субъекту, если оно недоступно для него (см., напр.: Куслий 2011: 46). Отсюда становится понятным единодушие, с которым различные авторы при рассмотрении очередной дополняющей теории знания говорят о том, что и она не обеспечивает абсолютной достоверности убеждений субъекта (Антоновский 2010: 111; Демин 2019: 63–64, 66; Куслий 2011: 46). Поэтому для подтверждения наших выводов рассмотрим лишь один пример, относящийся к первому из четырех условий.

В своей статье Г.К. Ольховиков выдвигает определение знания, которое требует, чтобы все суждения, входящие в обоснование как посылки, были истинными (Ольховиков 2009: 50). На это определение Л.Д. Ламберов ответил контрпримером в духе Геттиера, содержание которого сводится к следующему. Парень по имени Джек знакомится с девушкой, представившись ей как Эрнест. Девушке Джек понравился, и она поверила ему, проникшись убеждением в том, что перед ней действительно Эрнест и что парня только с таким именем она сможет полюбить. Убеждение девушки обоснованно, потому что молодой человек сам так назвался. Но оно оказывается также истинным, поскольку никто из собеседников не догадывается, что настоящее имя Джека как раз Эрнест. Знает ли девушка, что обманщика на самом деле зовут Эрнест? присутствуют ли ложные посылки в ее рассуждении? – автор примера задает риторические вопросы, предполагающие отрицательный ответ (Ламберов 2010: 85–86).

Защищая свое определение, Г.К. Ольховиков обобщает выставленный контрпример до «архетипической» ситуации С: «Агент а в разговоре с агентом b делает некое утверждение p, считая его ложным. Агент b, поверив этому утверждению, начинает считать p истинным. Однако а ошибался, считая p ложным; в действительности p истинно. В таком случае b прав, считая p истинным, однако кажется весьма вероятным, что b не знает, что p» (Ольховиков 2010: 99). Ситуация С не может служить для построения контрпримеров к защищаемому определению O2, утверждает далее автор, приводя в качестве доказательства следующее рассуждение: «Как бы ни выглядело обоснование b своей уверенности в p, существуют лишь две возможности.

Либо это обоснование содержит утверждение “а верит/считает, что р”, либо нет. В первом случае обоснование b включает в себя ложное суждение и, следовательно, не удовлетворяет условиям O2. Таким образом, построение контрпримера оказывается невозможным. Во втором случае невозможно утверждать, что b поверил в р потому, что был введен в заблуждение агентом а: b пришел к выводу, что р, не на основании доверия к свидетельству а, а на основании других фактов, независимых от смысла этого свидетельства. Например, он мог иметь независимое экспертное заключение о том, что в действительности р. Тогда статус р в качестве знания b определяется статусом тех независимых от смысла утверждения а фактов и принципов, на основании которых b решил, что р истинно. Таким образом, вся ситуация может быть переформулирована без ссылок на ненамеренную ложь а, а значит, использование С для построения контрпримера не является существенным» (Ольховиков 2010: 100).

Из приведенного текста ясно, что автор считает свидетельство а ложной посылкой для b, не соглашаясь здесь с Л.Д. Ламберовым и отвергая тем самым его пример как случай Геттиера в отношении O2. Но принимать чье-либо свидетельство за ложную посылку нельзя лишь на том основании, что оно *может оказаться* ложным: во всяком случае, любой судья считает свидетельские показания важной частью содержательной аргументации по рассматриваемому делу. При этом он хорошо понимает, что свидетели могут лгать, предупреждая об ответственности за дачу ложных показаний. Однако до тех пор, пока факт дачи свидетелем ложного показания не вскрылся судом, оно участвует в судебном разбирательстве как истинная посылка. Вернемся к примеру с Джеком-Эрнестом. Девушка узнает от парня его имя, никаких опровержений этому нет, отсюда она правомерно заключает, что молодого человека зовут Эрнест: именно так и действует большинство из нас при знакомстве с людьми. Но, допустим, это недоверчивая девушка, обладающая навыками молодого судьи, которую терзают сомнения насчет имени нового знакомого. Тогда у нее должен найтись еще ряд аргументов в поддержку версии «Эрнест». Во-первых, человек обычно лучше всех знает, как его зовут, поэтому компетентность знакомого в качестве эксперта высока. Во-вторых, подлог, как правило, совершается с корыстной целью, которая в данном случае не просматривается. В-третьих, тот, кто представился как Эрнест, в разговоре с девушкой ни разу не был пойман на лжи, а из ее знакомых еще никто и никогда не представлялся чужим именем: отсюда по индукции ясно, что в данном случае человек также правдив.

Допустим далее, что беспокойный критический дух девушки настолько силен, что вслед за Г.К. Ольховиковым без труда расправится с каждым из представленных аргументов, объявив их все «ложными послылками» и потребовав «независимой экспертизы». Могут ли тогда удовлетворить этот дух «эксперты», называющие Джека Эрнестом в присутствии девушки, или такие «заключения», как показанный ей документ с фотографией парня, выданный солидным учреждением на имя Эрнеста? Конечно же нет, потому что «эксперты» могут участвовать в обмане, а документы – оказаться фальшивыми. Чтобы сэкономить на дальнейших рассуждениях, сошлемся

на классический труд К. Поппера, где демонстрируется регресс в бесконечность обоснований на примере с проверкой газетной новости (Поппер 2004: 45-46), и перейдем сразу к выводу. Итак, проблема с определением O2 не в каком-либо его логическом изъяне, а в том, что оно не применимо на практике, поскольку нельзя достоверно разделять истинные и ложные посылки. Если агент b запретит считать истинными любые посылки, не обладающие абсолютной достоверностью, то он должен будет вслед за свидетельством а исключить из обоснования р те «факты и принципы», ложность которых теоретически возможна, в результате чего он останется вообще без посылок и не сможет каким-либо образом обосновать р. Если же ослабить столь жесткое требование и разрешить те посылки, в истинности которых b «всего лишь» убежден, то перед O2 вновь возникает неразрешимая проблема Геттиера.

В дополнение к сказанному упомянем еще о такой альтернативе трояственного определения, как «философско-научное» определение знания: «...знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, intersубъективным предложением или системой таких предложений» (Никифоров 2009: 63). Вводимые здесь критерии общезначимости и intersубъективности аналогичны признаку объективной истины, поскольку предъявляют к знанию требования, не исполнимые в человеческом познании. Ведь оба критерия выражают идеал, которого не могут достичь конкретные истины субъектов, ибо ни для одной из них нельзя гарантировать повсеместного распространения и всеобщего согласия как в настоящие, так и будущие времена. Кроме того, не следует обуславливать знание языковой формой его представления, которая необходима лишь для обмена информацией между различными субъектами. Всякое знание носит, прежде всего, личностный характер (Полани 1985), и субъект часто пользуется им неявным образом, не вербализуя своих представлений об истине и не имея своей целью распространение знаний. Из «вербального» же определения вытекает, что перевод предложения с одного языка на другой сопровождается изменением знания, первоначально выраженного на языке оригинала, а это противоречит традиционным воззрениям.

Рассмотрим теперь последнее из четырех условий – условие оспоримости знания в том случае, если найдено новое, опровергающее, обоснование, которое означает необходимость пересмотра убеждений субъекта. Сразу же заметим, что данный принцип поддерживается и наукой, положения которой всегда открыты для возможной фальсификации с последующей заменой на новое знание, и судебной практикой, допускающей пересмотр решений суда ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако удивительным образом именно условие оспоримости меньше всего обсуждается в дискуссиях по проблеме Геттиера. Лишь у Я.В. Шрамко процесс познания трактуется «как смена одних убеждений другими, осуществляемая в ходе их перманентного критического пересмотра» (Шрамко 2005: 6). Множество убеждений субъекта здесь понимается как его «эпистемическое состояние», а для рациональных эпистемических состояний вводятся познавательные операции расширения, сокращения и ревизии, в связи с чем

исследуется сводимость проблемы роста знания к проблеме сокращения убеждений. Однако до ревизии тройственного определения знания и решения проблемы Геттиера автор не доходит, сохраняя иллюзию «стопроцентной достоверности» знаний субъекта как подмножества всех его «мнений» (Шрамко 2005: 6) и рассматривая познавательный скептицизм только как «водораздел между “всего лишь мнениями” и “подлинными знаниями”, преодоление которого является необходимой предпосылкой развития и роста наших знаний» (Шрамко 2005: 18).

На этом утверждении автора остановимся особо. П.С. Куслий по данному поводу справедливо замечает, что в рамках обсуждаемой логики приращения и ревизии верований остается непонятным, каким именно образом может произойти обретение субъектом нового знания (Куслий 2011: 40). Думается, что первопричиной затруднений Я.В. Шрамко послужила неверная трактовка им тезиса, приписываемого Сократу: «Я знаю только то, что я ничего не знаю» (Серов 2005: 864). Эта трактовка устраняет противоречие, возникающее при буквальном понимании тезиса, путем замены первого употребления глагола «знаю» на «убежден». Однако мы не можем здесь согласиться, во-первых, с искажением мысли Сократа вследствие отбрасывания слова «только», в результате чего исходный тезис звучит так: «Я убежден в том, что я ничего не знаю» (Шрамко 2005: 17). Во-вторых, с истолкованием тезиса как «положения, фиксирующего исходный пункт процесса познания» (Шрамко 2005: 4) и задающего упомянутый выше «водораздел», который преодолевается в познании. В-третьих, с утверждением о том, что истолкование тезиса как скептической или агностической позиции ведет к его обесмысливанию (Шрамко 2005: 4). По первому пункту заметим, что слово «только» не могло употребляться Сократом без смысловой нагрузки, а сохранение этого слова в редакции Я.В. Шрамко искажает исходный тезис: выходит, что Сократ лишь сознается в собственной глупости, отрицая за собой обладание не только знаниями, но и мнениями, за исключением мнения о тотальном незнании. По второму пункту мы уже достаточно разъяснили выше, что никакой «стопроцентной достоверности» знаний никакое обоснование дать в принципе не может, а потому указанный автором «водораздел» выступает не только исходным, но и конечным пунктом любого познавательного процесса. По третьему же пункту мы, напротив, считаем, что тезис Сократа как раз и является манифестом скептицизма по отношению к знанию, и готовы теперь изложить его собственную трактовку.

Конечно, Сократ – не школьник, чтобы указывать ему на тот очевидный факт, что произнесенная им фраза самоприменима и в применении к себе противоречива. Но если философ это осознавал, то единственной причиной, по которой он решил высказаться парадоксально, могло быть желание придать своему тезису яркую литературную форму. И цель в данном случае была достигнута, потому что тезис стал афоризмом, крылатым выражением. Если бы Сократ выразился точнее: «Я знаю только то, что я *больше* ничего не знаю», – и при этом даже короче: «Я *вообще* ничего не знаю», то афоризма бы не получилось, и обсуждать нам сегодня было бы, наверное, нечего. Однако смысл его формулы, мы считаем, именно таков. Но как же

тогда правильно транслировать ее средствами современного языка? Ясно, что в актуальном понимании знания как когнитивной или эпистемической ценности (Черняк 2009) она становится не меньшей бессмыслицей, чем высказывание об отсутствии всяких убеждений. Однако древнегреческий философ вряд ли понимал «знание» иначе, чем отличая его от «мнения» по достоверности. Поэтому тезис Сократа сегодня, на наш взгляд, адекватно трактуется как «Достоверность знаний не абсолютна» или «В познании не достигается объективная истина». Но ведь это же и есть скептический принцип!

С античных времен известно, правда, классическое возражение против скептицизма, также состоящее в самоприменимости: если и сомнение сделать сомнительным, то «скептицизму наступает конец» (Фишер 2003: 70). Но у скептицизма есть, на наш взгляд, достойный ответ: сомнительность самого сомнения лишь доказывает необходимость иных когнитивных практик, которые либо преодолевают всякий скептицизм, либо не нуждаются в нем, равно как и в обосновании своего знания. Например, А.З. Черняк отмечает, что можно теоретически сомневаться в чем-либо, но на практике верить в это без обоснования (Черняк 2009: 70). Мы также согласны с А.Ю. Антоновским, указывающим на необходимость решать проблему определения знания с учетом когнитивных стандартов различных практик (Антоновский 2010: 118). Излагаемое же далее решение этой проблемы относится к научному познанию как рациональной практике, подчиненной скептицизму и другим когнитивным принципам, которых, насколько можно судить, придерживался также Сократ. Данное решение можно охарактеризовать как ревизию тройственного определения через вводимый признак оспоримости знания, устраняющую возможность опровержения случаями Геттиера.

Решение проблемы. Чем же условие оспоримости, составляющее содержание четвертого, дополнительного, признака знания, принципиально отличается от других трех условий? Тем, что оно не пытается усилить требование объективности истины во втором признаке знания, а, напротив, снимает его. Ведь допущение оспоримости релятивизирует познаваемую истину, которая теперь понимается не как объективная истина, а как истина субъекта, нуждающаяся уже в обосновании. Такая трактовка, конечно, ничего не добавляет к тройственному определению, поскольку и без того содержится в двух других признаках знания. Наоборот, она редуцирует данное определение, устраняя необходимость второго признака, который ныне уже не применяется к какому-либо конкретному знанию. Тем самым «треугольник» определения сворачивается до «отрезка», что на практике означает реализацию тезиса Сократа: действительно, если объективная истина не достигается в познании, то требование ее следует исключить из определения знания как избыточное.

Впрочем, тройственную форму определения можно все же сохранить, если отделить содержание устанавливаемой истины от сопутствующих ему у субъекта аффектов веры. В таком случае предлагаемое определение знания будет включать следующие признаки:

1. Положение, принимаемое познающим субъектом за истину.
2. Обоснование, выдвигаемое субъектом в поддержку истинности положения.
3. Убежденность субъекта в истинности положения, обоснования и его предпосылок.

Если попытаться охватить все три признака в общей формулировке, то знание определяется как *обоснованное убеждение, принимаемое за истину*. Сразу же, однако, следует оговорить, что данное определение относится не к любому, а лишь к *рациональному* знанию как знанию рациональных когнитивных практик, осознающих возможность заблуждения и пытающихся его избежать путем истребования обоснований. Здравый смысл человека обычно рационализирует содержание применяемых когнитивных практик, добавляя к их стандартам правила обоснования, базирующиеся на авторитете неких лиц, текстов или процедур как достоверных источников знания. Однако отрицать иррациональное познание все же нельзя хотя бы из-за того, что практические решения при дефиците времени порой принимаются интуитивно. Поэтому общее определение знания должно рассматривать последнее просто как убеждение познающего субъекта в истинности чего-либо. На наш взгляд, такое определение не слишком расходится с обыденными представлениями о знании.

Несмотря на данную оговорку, проблему Геттиера следует решать, очевидно, в стандартах рациональных когнитивных практик, применяющих исправленное нами тройственное определение, которое требует обоснования как обязательной составляющей знания. Более того, логический характер обоснований, эмпирические предпосылки и беспристрастность выводов, отличающие любое учитываемое здесь обсуждение случаев Геттиера, свидетельствуют о том, что решение одноименной проблемы необходимо искать в стандартах именно научного познания. По этой причине мы изложим теперь содержание рационального скептицизма, принимаемого нами за основной принцип науки как когнитивной практики.

Прежде всего, подчеркнем, что скептицизм, задаваемый тезисом Сократа, применяется ко всему научному знанию, включающему не только принимаемые на веру предпосылки, но и обосновываемые результаты научных исследований: истинность как тех, так и других может пересматриваться с развитием науки. Такой скептицизм имеет принципиальное методологическое значение: ведь любое его ограничение означает запрет на пересмотр знания, препятствующий обнаружению и исправлению ошибок, от которых не застраховано ни одно исследовательское обоснование. Скептицизм данного вида можно назвать радикальным или глобальным, отличая его от локального скептицизма, действие которого ограничено множеством положений конкретного научного исследования, принимаемых исследователем за истину, в том числе предпосылок и выводимой из них аргументации. В силу своей ограниченности локальный скептицизм преодолевается познающим субъектом, который в рамках своей аргументации может однозначно судить об истинности тех или иных получаемых результатов. Важность же для научного познания локального скептицизма обусловлена как

раз необходимостью конструктивного результата в исследовании, что означает и неразумность для исследователя радикальных сомнений (Сокал, Бриксмон 2002: 59, 156). Скептицизм данного вида, скорее всего, является также тем «водоразделом» на пути к знанию, о котором пишет Я.В. Шрамко.

Помимо локального скептицизма, который действует внутри научного исследования и может быть преодолен, имеется еще одна причина, по которой скептицизм глобальный не ввергает исследовательский процесс в хаос: это наличие универсального научного метода, обязательного к применению в каждом исследовании. Под данным методом понимается наиболее общая исследовательская процедура, которая не подменяет собой методы частных наук, но предполагает их использование: аналогичная ей процедура ведения судебного дела, предусмотренная законом, также не уточняет особенности конкретных разбирательств, опираясь при этом на специализированные установления. Однако, в отличие от своего судебного аналога, нормы универсального научного метода распространяются среди ученых не путем предписываемых установлений, а неявным образом, через обучение на примере реальных исследований, в проведение которых вовлекается обучаемый. Это возможно, потому что по своей простоте данный метод сравним с так называемым *ритмическим методом* поэзии, требующим рифмования фрагментов текста: ведь трудно себе представить, чтобы кто-то овладевал поэтическим мастерством по учебникам стихосложения, а не по образцам популярных стихотворений. Простоту метода подтверждает его гипотетико-дедуктивное содержание, известное каждому ученому на практике и эксплицируемое нами в виде последовательности из четырех основных этапов: 1) постановки вопроса; 2) выдвижения гипотез; 3) проверки гипотез и синтеза ответа; 4) скептической рефлексии над ответом. Отметим также, что проверка каждой из выдвинутых гипотез предполагает обязательное использование процедур логического подтверждения и опровержения, в результате чего формируется обоснованный ответ на поставленный вопрос.

Теперь необходимо уточнить, что под научным исследованием мы понимаем любой когнитивный процесс, осуществляемый согласно изложенному методу. Отсюда следует, что, во-первых, автором такого исследования может быть не только профессиональный ученый, но и любой познающий субъект. Во-вторых, автор может исследовать абсолютно любой интересующий его вопрос без оглядки на потребности практики или специалистов. В-третьих, данный исследователь может принимать любое непротиворечивое множество предпосылок, в истинность которых он верит. Сказанное ведет к необходимости отличать любительское научное познание от профессиональной науки, которая интересуется помимо этого некогнитивным ценностным отбором знаний. Таким образом, мы полагаем, что при условии соблюдения соответствующих когнитивных норм не следует лишать результаты любительских исследований права считаться полноценным научным знанием: ведь и любительскую поэзию, не обладающую достаточной художественной ценностью, никто не считает из-за этого прозой.

Другой особенностью нашего подхода к науке является признание личностного характера любого знания, участвующего в научном исследо-

вании, поскольку даже коллективные изыскания предполагают отдельных авторов, каждый из которых либо самостоятельно разбирает свой круг взаимосвязанных вопросов, либо имеет собственное представление по вопросам, разрабатываемым в соавторстве. Любые же действия исследователя во внешнем мире охватываются его мышлением, пределов которого вообще не покидают исследования, генерирующие решение теоретических проблем без опоры на какую-либо новую информацию извне. Отсюда ясно, что специалисты одной области могут обладать научным знанием противоречивого содержания, хотя каждый из них обычно убежден в достаточности имеющегося обоснования и высказывает претензии на интерсубъективность своих взглядов. Сказанное вполне отражает реалии борьбы научных школ, не препятствуя при этом необходимости решать возникающие спорные вопросы новыми исследованиями. Тем же оппонентам, кто еще надеется повысить статус научного знания за счет «объективности» познаваемых истин, укажем на необходимость различать объективную истину как идеал и как инструмент познания. В качестве идеала эта категория, бесспорно, необходима, поскольку требует от исследователя бескомпромиссной борьбы с заблуждением в рамках принятых предпосылок. В качестве же инструмента она не применима к научному знанию, которое отказывается отвечать нашим высоким устремлениям. И если мы впредь будем пользоваться устаревшими, неадекватными теориями познания, то окажемся без интеллектуальной поддержки как перед случаями Геттиера, так и перед коперниканскими революциями, неевклидовыми геометриями, кризисами физики или какой-либо иной *эпистемической напастью*, которая может обрушиться на наши головы в любой момент в самом неподходящем месте.

Обратимся теперь непосредственно к проблеме Геттиера. В соответствии со сказанным будем считать героев всех контрпримеров субъектами любительского научного познания, проводящими независимые исследования и обменивающимися иногда информацией. При этом мы, конечно, не станем спорить, если кто-либо будет настаивать на профессиональном значении случаев Геттиера для эпистемологии. Каждый из таких случаев, очевидно, связан с пересмотром некоторого наличного знания, осуществляемым либо автором первоначального исследования, либо другим лицом, находившимся в курсе рассуждений автора (ситуация «корова на лугу»), либо неустановленным лицом (как в двух других приводимых примерах). Понятно, что последний вариант пересмотра можно уточнить и свести его к одному из двух предшествующих вариантов. Например, ситуацию с получением работы мы разрешим по первому варианту, предположив, что Смит получил информацию о своем назначении на должность от главы компании и сам же обнаружил деньги у себя в кармане. А ситуацию со знакомством молодых людей мы достроим до второго варианта введением нового персонажа – мамы Джека, изначально знавшей тайну его усыновления; этот персонаж и будет пересматривать знание об имени парня.

Как можно видеть, пересмотр по первому варианту сопровождается заменой старого знания на новое: несмотря на то что результат изначального и повторного исследования может быть одинаков, при пересмотре

происходит замена прежнего обоснования на новое, более глубокое, а в соответствии с тройственным определением это является признаком нового знания. Старое же знание не утрачивает свой научный характер, но «сдается в архив», становясь такой же исторической принадлежностью, как, например, теория флогистона. И мы видим, что у Смита были солидные основания в пользу как первичного заключения, так и последующего отказа от него – ведь в обоих случаях он получал информацию от самого компетентного в данном вопросе лица, не заинтересованного к тому же в обмане! И во второй раз такая информация послужила «новым обстоятельством», потребовавшим пересмотра научного «дела», не говоря уже о том, что у себя в кармане Смиты было гораздо вернее считать деньги, чем у Джонса.

Во втором варианте пересмотра исследователь также изменяет старое знание на новое, но исследуемым предметом для него служит личностное знание другого субъекта, подвергаемое фальсификации. Основанием для пересмотра служат различные нарушения, выявляемые в ранее проведенном исследовании и оспаривающие установленное им научное знание. Если эти нарушения подтверждаются, то «сдается в архив» не опровергнутое знание, по-прежнему приписываемое автору первоначального исследования, а знание о достоверности такого знания, которым ранее обладал исследователь-ревизор. Например, в ситуации «корова на лугу» гость, убедившись в ошибочности наблюдений хозяина и выявивший причину ошибки, изменяет знание не о том, что сам хозяин обладает личностным знанием о корове на лугу, а о том, что это знание достоверным образом обосновано и, следовательно, может считаться актуальным научным знанием. Обратим внимание еще на две когнитивные особенности разбираемого примера. Во-первых, собственное знание о пасущейся на лугу корове, установленное эмпирическим путем еще до визита к хозяину, гость пересматривает дважды: когда расширяет исходное обоснование, поверив в данные подтверждающих наблюдений хозяина, и когда удаляет из обоснования эти данные после фальсификации, заменяя их данными о повторно увиденной корове. Во-вторых, в итоге последнего, третьего по счету исследования гость устанавливает различие между знанием хозяина и своим знанием о корове на лугу, состоящее не в полученном результате, а в его обосновании: понятно, что лишь свое знание гость при этом считает достоверно обоснованным.

В примере со знакомством вопрос о пасущейся или отсутствующей на лугу корове трансформируется, очевидно, в вопрос о настоящем имени парня, также допускающий два возможных ответа. Однако роль компетентного «гостя» исполняет уже не только мама Джека, владеющая информацией о его настоящем имени, но и сам молодой человек, знавший себя как Джека еще до того, как назваться Эрнестом. Следовательно, в роли заблуждающегося «хозяина», чье исследование подвергают ревизии, здесь также оказываются два лица – Джек по отношению к маме и девушка по отношению к самому Джеку. Различие между двумя примерами с точки зрения пересмотра «гостем» личностного знания «хозяина» несущественно и состоит лишь в том, что ни маме, ни Джеку, умышленно введившим своих «хозяев» в заблуждение, не требуется для опровержения их взглядов знать что-либо еще

в дополнение к факту удавшейся дезинформации. Пересмотр и опровержение при этом происходят сразу же по получении недостоверных сведений обманутым человеком, чья исследовательская аргументация принципиально не интересуется «гостя» на предмет обоснования собственного знания, как в предыдущем примере: по данной причине ни мама, ни Джек вообще не пересматривают свое знание об имени. Отметим также, что для второго примера характерен и другой тип различия между личностным знанием задействованных лиц: на этот раз оно затрагивает не только обоснование, но и обосновываемый результат. Правда, если бы мама Джека знала, что он представился девушке под именем Эрнест, то зафиксировала бы совпадение своего знания о предмете со знанием девушки, как и в первом примере, по результату, но не по имеющемуся обоснованию.

Обратим внимание на то, что ни в одном из рассмотренных примеров ревизор первоначального исследования не делится пересмотренным знанием с заблуждающимся исследователем: гость не разъясняет хозяйину коровы ошибки наблюдений, мама не раскрывает Джеку тайны усыновления, а Джек не сознается девушке в обмане. Если бы такое произошло, то информированное лицо, несомненно, изменило бы свое знание по вопросу в соответствии с первым вариантом пересмотра ситуации, обсуждавшимся на примере со Смитом. Для обоснования модификации тройственного определения знания важно также показать, что ни одно из пересматривающих исследований не приводит к получению объективной истины, которая бы обладала «стопроцентной» достоверностью. Поэтому дополним каждый из трех изложенных выше случаев Геттиера таким образом, чтобы выявилась необходимость ревизии пересматривающих исследований. Например, порывшись основательно в своих карманах, Смит может обнаружить другой десятицентовик, что тут же фальсифицирует его выводы об обладателе работы; спустя еще некоторое время может выясниться, что первая монета была фальшивой, и ситуация, таким образом, «возвращается на место». В примере с пастбищем на следующий день гость может еще раз посетить хозяина и, застав корову в стойле, понять, что накануне обознался и видел на лугу не эту, но похожую корову. Наконец, некий юрист может разъяснить маме Джека, что документы на усыновление были оформлены с нарушением законности, вследствие чего молодой человек должен называться своим первоначальным именем Эрнест. Таким образом, все случаи Геттиера перестают служить опровергающими контрпримерами при удалении из тройственного определения знания признака объективной истины, поскольку новое определение устраняет «зазор» в когнитивном статусе пересматривающей и пересматриваемой истин, отныне полагаемых личностным знанием конкретных познающих субъектов при наличии у них рациональных обоснований.

Остается еще заметить, что рациональный скептицизм помогает справиться не только с проблемой Геттиера, но и с ее «антипроблемой», когда условия знания нарушаются, а субъект тем не менее им обладает. В качестве иллюстрации воспользуемся случаем «корова на лугу», переконструированным нами следующим образом. Гость на пути к хозяину проходит через луг, но не видит там никакой коровы; вместо нее на лугу лежит огромный лист

черно-белой бумаги. Во время последующего разговора с гостем хозяин смотрит в сторону луга и указывает на пасущуюся там корову: собеседник понимает, что хозяин принял за корову лист бумаги, но хранит молчание. Однако на обратном пути он действительно застаёт на лугу корову, убеждается, что деревья не мешают ее видеть со стороны хозяйского дома, а лист бумаги обнаруживает унесенным ветром в сторону деревьев. Отсюда гость заключает, что наблюдения хозяина были достоверны и он в самом деле обладал знанием о «корове на лугу». Анализ этого случая мы оставляем читателю.

Заключение. Завершим статью обсуждением теоретического и практического значения проблемы Геттиера. Как было показано выше, случаи Геттиера помогают вскрыть и устранить недостаток в тройственном определении знания, что служит доказательством важности данной проблемы для эпистемологии. Сходного мнения придерживаются и другие анализировавшие ее авторы из нашего списка литературы, за исключением А.Л. Никифорова, согласно которому «статья Геттьера» «как философское произведение ... не заслуживает никакого внимания» (Никифоров 2009: 67). Однако приводимая автором аргументация представляется слишком формальной и не выдерживающей критики (Ламберов 2010: 87-90).

Другой исследователь, Т.С. Демин, выражает сомнение в практической значимости проблемы (Демин 2019: 70-72). При этом он, как нам думается, не разделяет значимость самой проблемы и того определения знания, к которому ведет ее решение. В первом, более узком, смысле практической значимости с автором можно согласиться – проблема Геттиера сама по себе слишком ничтожна, чтобы ученые, юристы, журналисты и даже теологи вдруг озаботились случаями Геттиера в своих когнитивных практиках. Однако во втором, более широком, смысле значимость проблемы нельзя, на наш взгляд, недооценивать. Ведь устранение из человеческого познания объективной истины и других инструментальных категорий аналогичного содержания есть важный шаг на пути к рационально-скептическому мировоззрению, способному надежно противостоять и анархизму, и догматизму в любой когнитивной практике. Значение этого шага особенно велико для общества, не успевшего еще полностью освободиться от последствий многолетнего доминирования «диалектического материализма», если даже среди эпистемологов укоренены предрассудки против субъективизма, скептицизма, релятивизма и самой возможности универсального научного метода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антоновский А.Ю. 2010. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 101-118.

Демин Т.С. 2019. Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. Т. 56, № 3. С. 58-75.

Клейнман П. 2016. Философия : Краткий курс. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 272 с.

Куслий П.С. 2011. Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Т. 14, № 2. С. 34–54.

Ламберов Л.Д. 2010. Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттиера // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 84–90.

Никифоров А.Л. 2009. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. Т. 21, № 3. С. 61–73.

Ольховиков Г.К. 2009. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. Т. 70, № 2. С. 44–53.

Ольховиков Г.К. 2010. О реальных и мнимых недостатках определения знания как истинного и обоснованного мнения // Эпистемология и философия науки. Т. 26, № 4. С. 91–100.

Платон. 1993. Теэтет // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 192–274.

Полани М. 1985. Личностное знание. Москва : Прогресс. 345 с.

Поппер К. 2004. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Москва : АСТ. 638 с.

Серов В. (сост.) 2005. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. Москва : Локид-Пресс. 880 с.

Сокал А., Брикмон Ж. 2002. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. Москва : Дом интеллектуал. книги. 248 с.

Фишер К. 2003. Введение в историю новой философии // К. Фишер. История новой философии. Москва : АСТ. С. 39–216.

Черняк А.З. 2009. Знание как функция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Т. 8, № 4. С. 69–80.

Шрамко Я.В. 2005. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // Философия науки. Т. 24, № 1. С. 3–19.

Ярцев Р.А. 2013. Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»? // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Т. 51, № 4. С. 153–158.

Ярцев Р.А. 2015а. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности // Аспирантский вестник Поволжья. № 3–4. С. 187–197.

Ярцев Р.А. 2015б. Рациональность в структуре науки // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Т. 63, № 4. С. 71–76.

Ярцев Р.А. 2018. Метод науки. Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 205 с.

Gettier E. 1963. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. Vol. 23. P. 121–123.

References

Antonovsky A.Yu. Semantic contextualism and the problem of non-standard definition of knowledge, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 101–118. (in Russ.).

Chernyak A.Z. Knowledge as a function, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, vol. 8, no. 4, pp. 69–80. (in Russ.).

Demin T.S. Gettier problem: what should we do with the puzzle of analytical epistemology?, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 58–75. (in Russ.).

Fischer K. Einleitung in die Geschichte der neueren Philosophie, *K. Fisher, Istoriya novoy filosofii*, Moscow, AST, 2003, pp. 39–216. (in Russ.).

Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge?, *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.

Kleinman P. *Philosophy: From Plato and Socrates to Ethics and Metaphysics, an Essential Primer on the History of Thought*, Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016, 272 p. (in Russ.).

Kusliy P.S. Knowledge, the Gettier problem, and Some Discussions in Contemporary Russian Epistemology, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 34-54. (in Russ.).

Lamberov L.D. The Importance of Being Serious: Some Critics of Gettyer, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 84-90. (in Russ.).

Nikiforov A.L. Analysis of the concept of "knowledge": approaches and problems, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61-73. (in Russ.).

Olkhovikov G.K. Knowledge as a true and informed opinion: how to neutralize counterexamples, *Logos*, 2009, vol. 70, no. 2, pp. 44-53. (in Russ.).

Olkhovikov G.K. On the real and imaginary shortcomings of the definition of knowledge as a true and informed opinion, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 26, no. 4, pp. 91-100. (in Russ.).

Plato. The Theaetetus, *Platon. Sobranie sochineniy, in 4 vols.*, Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 192-274. (in Russ.).

Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*, Moscow, Progress, 1985, 345 p. (in Russ.).

Popper K. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, Moscow, AST, 2004, 638 p. (in Russ.).

Serov V. (comp.) *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions*, 2nd ed., Moscow, Lokid-Press, 2005, 880 p. (in Russ.).

Shramko Ya.V. Knowledge and belief: their development and critical revision, *Filosofiya nauki*, 2005, vol. 24, no. 1, pp. 3-19. (in Russ.).

Sokal A., Brickmont J. *Fashionable Nonsense. Postmodern Intellectuals' Abuse of Science*, Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 2002, 248 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. *Method of Science*, Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018, 205 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. Rationality in the Structure of Science, *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 63, no. 4, pp. 71-76. (in Russ.).

Yartsev R.A. Scientific Research: "the Court of Reason" or "Evolutionary Selection"?, *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 51, no. 4, pp. 153-158. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Dualism of Common Sense as the Basis of Scientific Rationality, *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*, 2015, no. 3-4, pp. 187-197. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустэм Альбертович Ярцев

доктор философских наук, профессор кафедры автоматизированных систем управления Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), г. Уфа, Россия; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>; SPIN-код: 1585-9373; E-mail: rust-66@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rustem A. Yartsev

Doctor of philosophy, Professor of the Department of automated control systems, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>; SPIN-код: 1585-9373; E-mail: rust-66@yandex.ru



УДК 1(091)

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_25

Смерть Сократа: ключевые философские интерпретации

Андрей Сергеевич Емельянов

Курский государственный университет,

г. Курск, Россия

E-mail: andrei.e1992@mail.ru

*Поступила в редакцию 29.04.2021, поступила после рецензирования 21.06.2021,
принята к публикации 23.06.2021*

Тема статьи – реконструкция события смерти Сократа, а также герменевтика его последних слов, обращенных к ученикам незадолго до своей кончины. Опираясь на древнегреческие тексты и последующую традицию, автор выделяет три ключевые интерпретации данных слов. Согласно первой трактовке смерть Сократа – это своего рода лекарство от жизни (Платон, Ксенофонт, Ф. Ницше). В рамках второй она понимается как акт парресии или форма философской веридикции истины (Ж. Дюмезиль, М. Фуко). Третья интерпретация преследует цель деконструкции «героического» пафоса этого события. С опорой на исторические источники выдвигается гипотеза, в соответствии с которой Сократ рассматривается как политический преступник, враг афинской демократии. Исходя из данного тезиса его смерть раскрывается в качестве религиозной практики ритуала козла отпущения. В таком ракурсе это выражение Сократа («Мы должны Асклепию петуха») воспринимается как ирония и гротеск и не оказывает, по сути, серьезного влияния на общий контекст его философской практики. На наш взгляд, каждая из трех представленных интерпретаций формирует свой оригинальный горизонт в понимании философии как терапии души. Так, в первом случае речь идет о формате утешительной беседы как заботы о самом себе. Во втором – о рассмотрении фигуры мыслителя как «философа на баррикадах» (забота о других) – о традиции, которая находит свое продолжение в «поездках» Платона в Сиракузы к Дионисию, а также в революционных действиях мая 1968 г. Наконец, третий формат философской терапии реконструирует перед нами механизм древнейшей социальной практики, в рамках которой образ мудреца и его философское учение рассматриваются обществом как яд, угрожающий его фундаментальным основаниям. Последнее обстоятельство проблематизирует фигуру философа и его роль в контексте политической, религиозной и социальной жизни общества. Если две первые формы понимания философии как социальной



© Емельянов А.С., 2021

терапии репрезентируют ее дискурс как средство «исцеления», которое возникает для того, чтобы излечить общество от внутренних недугов, то последняя, напротив, в символической форме изображает общественное осуждение философа и саму его смерть как единственное лекарство, которое может спасти общество от болезни, которая именуется философией.

Ключевые слова: Сократ, последние слова Сократа, парресия, ритуал козла отпущения, фармакон, социальная терапия

The Death of Socrates: Key Philosophical Interpretations

Andrey S. Emelyanov

Kursk State University,

Kursk, Russia

E-mail: andrei.e1992@mail.ru

Received 29.04.2021, revised 21.06.2021, accepted 23.06.2021

Abstract. The subject of the article is the reconstruction of the death event of Socrates, as well as the hermeneutics of his last words spoken shortly before his death. Based on ancient Greek texts and a subsequent tradition, the author identifies three key interpretations of these words. According to the first interpretation, the death of Socrates is a kind of a cure for life (Plato, Xenophon, F. Nietzsche). Within the framework of the second one it is understood as an act of parrhesias or a form of philosophical verdict of the truth (J. Dumézil, M. Foucault). The third interpretation aims to deconstruct the “heroic” pathos of this event. Based on historical sources, a hypothesis is put forward according to which Socrates is considered as a political criminal, an enemy of Athenian democracy. Based on this thesis, his death is revealed as a religious practice of the scapegoat ritual. From this perspective this expression of Socrates (“We owe a rooster to Asclepius”) is perceived as irony and grotesque and does not, in fact, seriously affect the general context of his philosophical practice. In our opinion, each of three interpretations presented forms its original horizon in understanding philosophy as the therapy of a soul. So in the first case we are talking about a comforting conversation format as caring about ourselves. In the second case, we are talking about the consideration of the figure of a philosopher as a “philosopher on barricades” (caring for others) – about a tradition that finds its continuation in Plato’s “trips” to Syracuse to visit Dionysius as well as in the revolutionary actions of May 1968. Finally, the third format of philosophical therapy reconstructs the mechanism of ancient social practice in front of us during which the image of the sage and his philosophical practice are considered by society as *poison* which threatens with its fundamental foundations. The latter problematizes the figure of a philosopher and his role in the context of a political, religious and social life of a community. If the first two forms of understanding philosophy as a social therapy represent its discourse as the means of “healing”, which arises in order to cure society from internal ailments, then the latter, on the contrary, symbolically depicts a philosopher’s public condemnation and his death itself as the only medicine that can save society from a disease called philosophy.

Keywords: Socrates; last words of Socrates; parrhesia; scapegoat ritual; pharmacon; social therapy

For citation: Emelyanov A.S. The Death of Socrates: Key Philosophical Interpretations, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 25-44. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_25.

Введение. В 2012 г. в здании афинского фонда Онассиса состоялся суд, на котором был оправдан «отец европейской философии», учитель Платона, Алкивиада и Ксенофонта – Сократ. В заседании суда приняли участие десять юристов из Греции, Великобритании, Швейцарии, Франции и США. Со значительным перевесом победила сторона защиты, хотя треть присяжных заседателей (почти триста человек) остались непреклонны и продолжали настаивать на его вине. Казалось бы, «маскарад» закончен, сила права и демократии восторжествовала, пусть и спустя две с половиной тысячи лет. Однако, забегаая вперед, укажем, что невиновность Сократа при достаточно глубоком анализе может быть не столь очевидна, как нам представляется на первый взгляд.

Истории и биографии «отца европейской философии» посвящено бесчисленное множество книг и исследований. Что касается данной работы, то она преследует не оправдательную или обвинительную цель. Ее предмет – отнюдь не политическое или этическое содержание акта суицида философа. Мы ставим своей задачей исследование феномена «смерти философа», то есть рассмотрение смерти Сократа сквозь призму социальной практики философа. Социальная практика философа, по сути, в таком случае оказывается не только актом насилия над самим собой, но и определенной литерой, а также дискурсом, который говорит намного больше, чем может сказать философ. Литерой – поскольку приглашает к разговору о судьбе и предназначении философа в обществе. Дискурсом – поскольку таит в своей глубине определенную пентаграмму, которую необходимо расшифровать.

Преувеличение или нет, но вся последующая за Сократом история философии представляет собой не что иное, как опыт расшифровки его смерти. Вместе с тем как раз последним словам «О Критон! Мы должны Асклепию петуха. Так отдайте, позаботьтесь об этом» (Платон 1993: 80), которые произнес философ, прежде чем сказать своей смертью то, что нельзя выразить вербально, вся последующая философия уделила недостаточное внимание (Madison 2002: 422). Кроме первых попыток объяснения смысла этого обращения, предпринятых Ксенофонтом, Олимпиодором и Плутархом, во всей последующей традиции мы встречаемся с достаточно фрагментарными и неоднозначными трактовками. Так, Тертуллиан пишет о том, что Сократ приказал принести в жертву петуха Асклепию «в благодарность его отцу Аполлону, оракул которого провозгласил его мудрейшим из всех» (Тертуллиан 2005: 46). Согласно Оригену, это своеобразный «мистический обряд» перед смертью (Origen. Adv. Celsum. VI, 632 (Origenes 1899)). По Артемидору, просьба о жертве Асклепию продиктована вещим сном, который увидел Сократ незадолго до этого (Артемидор 1999: 413). Для Тертуллиана и для Лактанция (Лактанций 2007: 218) этот обряд послужил аргументом для того, чтобы, несмотря на всю мудрость

«отца» классической античной философии, указать на ее языческий и антихристианский фундамент.

Однако даже эти, весьма скудные, интерпретации не вступают ни в какое сравнение с тем «молчанием», которое мы обнаруживаем вплоть до середины XIX в. Ни Средневековье в лице Августина или шартрской школы, ни Ренессанс в лице Марсилио Фичино (см., например, его комментарий на платоновский «Федон» в «Argumentum Phaedonem»), ни Новое время в лице кембриджских неоплатоников не уделяют никакого внимания последним словам Сократа. Молчание нарушается в первой трети XIX в. Так, в переводе на английский «Федона», осуществленном Эммануэлем Беккером (Plato 1825: 297-298), появляется внушительный комментарий, в котором важное место уделяется интересующему нас фрагменту. Затем тема последних слов Сократа получает свое продолжение уже у Ницше, а в XX в. – у Кумона, Дюмезиля и Фуко.

В нашем исследовании, опираясь на этот (сравнительно небольшой) пласт философских текстов, а также исторических комментариев, мы обратимся как минимум к трем основным интерпретациям события смерти Сократа. Каждая из трех представленных вариаций реконструирует свой собственный горизонт понимания последних слов Сократа. Каждая из них репрезентирует уникальный сюжет философской практики. Амбивалентность смерти Сократа рисует перед нами три проекции, в рамках которых разворачивается фигура философа и (самое главное) благодаря которым это событие получает свое обоснование и предназначение как социальная практика.

Интерпретация I. Смерть как «лекарство от жизни». Первая интерпретация события смерти Сократа была дана его учениками: Платоном и Ксенофонтом. Тексты указанных философов создают один из традиционных и популярных в современной историко-философской среде шлейфов или (выражаясь точнее) герменевтический нарратив в понимании его смерти. Согласно этому герменевтическому нарративу событие смерти Сократа, рассматриваемое в контексте платоновской философии, связывается с процессом *очищения* или *исправления себя*. Сама по себе идея очищения или исправления себя восходит к орфическим и протоорфическим мистериальным культам Древней Греции. В центре этой мистериальной культуры лежит практика «освобождения души». Поначалу (VI–V вв. до н.э.) орфическая идея очищения или исправления себя была распространена среди рабов, о чем свидетельствуют различные негативные коннотации вроде «религии рабов» (Burkert 2006: 41). Для Древнего мира раб – это даже не человек, а «говорящее орудие» (Варрон 1963: 43). Раб – это не только телесность, возведенная в гипертрофированную степень, но и плоть, которая из-за того и страдает, что подчинена определенному космическому порядку. Отсюда все то, что освобождает раба от телесности (например, мистериальная вакханалия, суицид и даже насильственная смерть), позволяет рабу (или человеку) отбросить свою плоть и тем самым освободить свой дух, или гений.

У Платона идея освобождения души является одной из центральных. Она, словно «нить Ариадны», пронзает платоновское учение о припомина-

нии, об идеях, о государстве и об образовании, связывая его в целостное полотно. Неслучайно и то, что диалог «Федон» как раз задевает эту краеугольную тему платоновской философии. Во фрагментах 105с и 106b указанного выше текста Платон обращается к вопросу бессмертия души. Сама душа состоит как бы из двух частей: смертной, благодаря которой человек познает окружающий себя мир, и бессмертной, которая представляет собой некий сосуд или вместилище идей. Таким образом, если человек встречается со смертью, то смертная душа умирает, а бессмертная, наоборот, возвышается, избегая небытия (106e). Именно поэтому, как пишет Платон, «о своей душе следует заботиться не только при жизни, но и после смерти» (107с). Еще ранее встречаем метафору «освобождения души от тела» как стремления, которое свойственно каждому, кто жаждет истины (66b-e), подобно Сократу. Далее освобождение души от тела рассматривается как акт очищения себя. Само тело определяется в орфическом ключе как оковы души, а смерть – как финальный этап в «тщательном отрешении души от тела» (Платон 1993: 18). Иными словами, согласно Платону философская смерть (то есть событие, ожидающее, прежде всего, самого Сократа) – это освобождение и отделение души от тела (Платон 1993: 19).

Освобождение души от тела и есть подлинная философия. Именно в этой практике перехода души в иную сферу заключается то, чем был занят Сократ и чему он учил своих учеников. Отсюда основным нарративом, который можно здесь установить, выступает репрезентация смерти Сократа в качестве излечения от болезни, которая называется телесной «жизнью» (Wilamowitz-Moellendorff 1920: 58, 178). Сходной позиции придерживался и Ксенофонт, говоря во введении к «Апологии Сократа», что еще до суда «он [Сократ] считал смерть для себя предпочтительнее жизни» (Ксенофонт 2003: 173). Трактовки смерти Сократа у Платона и Ксенофонта прямо противоположны. Если первый рассматривает ее как акт освобождения души, то второй сужает горизонт интерпретации от непостижимого величественного процесса восхождения души в сферу идей до границ практической жизни. Согласно Ксенофонту, жизнь Сократа сама по себе была приготовлением к смерти. И то обстоятельство, что боги даруют возможность избежать страданий и волнений старчества, позволяет ему понимать смерть как благо (Ксенофонт 2003: 174-175). Несмотря на разницу в трактовках, и Платон, и Ксенофонт воспринимают смерть Сократа как благо, как лекарство от жизни.

Социально-терапевтический момент события смерти Сократа здесь ограничивается не только рамками *личного* освобождения и исцеления от телесности (которая мешает познанию) или от старческих волнений. Дело в том, что философская смерть (тем более суицид) есть событие *демонстративное*. Если сама смерть является событием личного выбора, то ее интерпретация уже не принадлежит самому Сократу и становится темой рефлексивного анализа для его учеников и последующих комментаторов. В смерти Сократа видят уже политический или философский жест, адресованный не только афинскому демосу, но и последующим поколениям. В особенности это касается стоической суицидальной практики.

Платоновско-ксенофоновская трактовка смерти Сократа как блага, как лекарства от жизни становится ведущим лейтмотивом во многих текстах и комментариях. Этой линии придерживаются стоики и Олимпиодор (см. неоплатонический комментарий: Westerink 1976). Ни М. Фичино, ни И. Аргиропуло, ни Ф. Шлейермахер напрямую не обсуждают последние слова Сократа и тем более их внутренний пафос, однако можно предположить, по-видимому, что такой подход к рассмотрению смерти философа (как освобождения души от тела или лекарства от жизни) был им известен и носил безапелляционный характер. По крайней мере, возвышенные образы «колесницы души» (Ficino 1559: 22, 107-108), философии как «воображения смерти» (*excogitation mortis*) (Цит. по: Hankins 2003: 130), а также «необходимости смерти» (*Sterbenwollen*) (Plato 2020: 44)¹, которая проистекает из характера самой жизни Сократа, делают такие трактовки небезосновательными.

Неизвестно, пользовался ли Ф. Ницше собственным переводом Платона или обращался к переводу и комментариям Шлейермахера. Так или иначе, в «Веселой науке» мы (снова) встречаемся с достаточно тривиальной и традиционной трактовкой жизни мыслителя как приготовления к смерти. По Ницше, Сократ является философом пессимизма, которого необходимо преодолеть, как и в целом всю древнегреческую философию. Последнюю фразу Сократа он понимает следующим образом: «О Критон! Жизнь – это болезнь». По его мнению, такая интерпретация свидетельствует о том, что «Сократ страдал от жизни» (Ницше 2014: 523). Таким образом, несмотря на то что Ницше не приемлет трактовку жизни и (что самое главное) трактовку философской практики как приготовления к смерти, его интерпретация не выходит за традиционные границы дискурса, обозначенные еще Платоном и Ксенофонтom.

Интерпретация II. Смерть как акт парресии. В предыдущей части мы уже сказали о том, что интерпретация философской смерти как лекарства от жизни возникает сравнительно рано. Мы обнаруживаем ее у ближайших учеников Сократа. Однако сам характер диалогов Платона, их метафизическое и дискурсивное богатство создают такую ситуацию, при которой его позиция может быть преломлена под совершенно иным углом. В данном случае речь идет о той трансформации во второй половине XX в., которой подвергается взгляд на событие смерти Сократа и вообще на его практику философствования. Стоит сделать ряд уточнений. Новая интерпретация возникает, во-первых, на текстуальном массиве платонистической философии, то есть в определенной степени она релевантна и когерентна реальному содержанию жизни Сократа. Во-вторых, данная интерпретация, как мы увидим далее, несмотря на ряд обстоятельств, делающих ее противоположной первой, в некотором смысле даже дополняет и развивает ее.

Вторая интерпретация (сравнительно недавняя) была предложена Мишелем Фуко в его предсмертном курсе лекций «Мужество истины II»

¹«...und daß die Stelle im “Theaitetos” über die Flucht von hinnen eine Erläuterung über das Sterbenwollen im “Phaidon” sein solle»).

(Le courage de la vérité), прочитанном в стенах Коллеж де Франс в 1983–1984 г. Этот лекционный курс продолжает тему «заботы о себе и о других» и, что особенно важно, тему парресии как формы веридикции истины. В лекции от 15 февраля 1984 г. Фуко исследует содержание предсмертной речи Сократа, изложенной в «Федоне» (118а). Корреляция предсмертной речи Сократа и предсмертного лекционного курса, в котором Фуко обращается к прояснению обстоятельств смерти первого, задает определенный ритм и такт в дальнейшем обсуждении этого вопроса. Вопрос о предназначении философа становится личным вопросом для самого Фуко. Эта интерпретация становится синергией эпох и поколений, древности и настоящего.

Итак, смерть Сократа Фуко рассматривает как акт парресии. Как акт философского мужества перед лицом смерти. Такую интерпретацию французский философ строит на основании трактовки, данной Дюмезилем, позиция которого, в свою очередь, восходит к Францу Кумону (Cumont 1943). Фуко, Кумон и Дюмезиль традиционно настаивают на трактовке смерти Сократа как «лекарства». Что подвергается значительной трансформации, так это содержание «болезни», от которой была призвана «вылечить» смерть Сократа. Дюмезиль, как и Фуко вслед за ним, говорят о том, что болезнь, от которой страдал Сократ, – вовсе не жизнь, а «дурное мнение» (Dumézil 1984: 143). Они совершенно верно указывают, что представление о жизни как страдании и смерти как освобождению души полностью противоречит позиции Сократа. От мира не следует бежать. Ведь если от мира мы и убежим, то от богов, которые смотрят и наблюдают за нами (Платон 1993: 12), мы скрыться не сможем. Жизнь – это не тюрьма, а тело – это не заточение. Таким образом, «можно предположить, что болезнь, за исцеление от которой следует поднести Асклепию петуха, – это то, от чего излечился Критон, когда, беседуя с Сократом, смог освободиться от мнения всех и каждого, способного портить души, сделав выбор в пользу истинного мнения, основанного на отношении к самому себе и к истине» (Фуко 2014: 113). Отсюда философия, которой занимался Сократ и которая приводит его к смерти, является не только *собственной терапией*, но и *терапией других*. Эта терапия вылечивает не только самого Сократа, но и окружающих его учеников от дурного мнения толпы, предрассудков общества и несправедливости, которые в нем царят.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что означает жертва Асклепию? Это жертва Сократа за собственное исцеление или за исцеление других (своих учеников) от дурного мнения? «В благодарность за что? В благодарность за помощь, оказанную богом, выступающим как бог-исцелитель, всем им – Сократу и его ученикам, которые занялись самими собой» (Фуко 2014: 121). Структуралистская игра между «заботой о самом себе» (*epimeleisthai*), «не забудьте» (*meamelesete*) и «припоминанием» (*anamnesis*) позволяет реконструировать, основываясь на текстах Платона, совершенно иной шлейф содержаний практики философствования.

Итак, согласно второй интерпретации смерть Сократа рассматривается уже не только как собственное и личное «исцеление» от дурного мнения или власти «теней Пещеры» (Платон 1994: 295), но и как «исцеление

других». Кроме того, философский контекст содержания этой социальной практики заключается в том, что смерть Сократа становится еще и актом парресии, или определенным форматом высказывания истины. Именно поэтому смерть Сократа для Фуко – это также и «форма веридикции» истинного знания, которая присуща «исключительно философскому дискурсу». В таком понимании философской практики больше «французского», чем собственно греческого содержания. Здесь Фуко продолжает сартровскую традицию ангажированного философа. В образах Сократа и Платона нетрудно разглядеть черты «философа на баррикадах» мая 1968 г. Черты мужественного философа, занимающегося философией, исцеляющего себя и других, а также всякий раз подвергающего свою душу и души других испытанию. Это мужество говорить истину и заботиться об истине. Это мужество быть философом даже тогда, когда эта практика приближает «терапевта душ» к собственной смерти.

Интерпретация III. Смерть как ритуал козла отпущения. В «Фармации Платона» Деррида указывает на то, что письмо, понятое как фармакон, может быть не только «лекарством», но и «ядом» (Деррида 2007: 116). В обеих интерпретациях, которые мы выше разобрали, смерть Сократа рассматривается как лекарство. В первом случае – как лекарство от жизни, то есть лекарство, необходимое, прежде всего, самому Сократу для того, чтобы освободить душу от оков телесности, ограничивающей познание окружающего. В другом случае смерть Сократа преподносится, скорее, как лекарство для демоса, как акт парресии, как социальная практика, ради которой он сам готов умереть. Однако что если философская практика Сократа, понятая как приготовление к смерти, была на самом деле не «исцелением» себя и афинского демоса, а, наоборот, его «отравлением»? Что если сам Сократ был не «лекарством», а «ядом»? И что если само событие смерти было не величайшим актом несправедливости, трагической ошибкой современников в отношении к его гению, а, напротив, «лекарством», которое должно быть употреблено, словно таблетка или вакцина, для исцеления общества?

Во многом необходимость изменения такого фокуса рассмотрения смерти Сократа обусловлена, во-первых, «героизацией» образа самого Сократа у Платона, Ксенофонта и в последующей за ними традиции, во-вторых, неоднозначностью политической и общественной роли его философии. Последнее обстоятельство становится отправным пунктом в исследовании обстоятельств суда над Сократом, предпринятым Полом Картледжом. В своей книге «Древнегреческая политическая мысль на практике» (Cartledge 2009) он отстаивает тезис: Сократ был осужден вовсе не по сфабрикованному обвинению, а за реальное преступление.

Критику «героического» пафоса жизни и смерти Сократа (который соответствует двум рассмотренным выше интерпретациям) можно условно свести к трем ключевым обвинениям, носящим политический (измена афинскому обществу), экономический (косвенно вытекает из первого, но оказывает важное влияние на умонастроение масс) и религиозный характер.

Первое (политического плана) обвинение заключается в том, что Сократ имеет прямое отношение к «проспартанской» (либеральной) оппозиции, существовавшей тогда в Афинах. Несмотря на то что он принимал участие в ряде сражений¹, политические взгляды его учеников (Платона, Ксенофонта, Алкивиада и Крития) были далеки от позиции афинских консерваторов. И если степень влияния Сократа на политическую позицию Алкивиада и Крития на данный момент является недоказанной и весьма спорной², то в трактатах первых двух мы обнаруживаем открытый пиетет и восторженное отношение к политическому устройству Спарты и законам Ликурга. Конечно, исходя из имеющихся у нас источников, мы не можем с достоверностью утверждать, что Сократ и близкие ему ученики были откровенными коллаборационистами и предателями. Схожий пиетет (причем, не только к Спарте³) мы, к примеру, обнаруживаем и у многих других древнегреческих философов, историков, географов. Однако следует предположить внутреннее состояние афинского общества, пережившего поражение в многолетней войне со Спартой, для того чтобы понять, что такое положение дел вряд ли вызывало восторг среди ее аристократов и не заслуживало осуждения со стороны консервативных кругов. Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что один из пунктов обвинения Сократа – «развращает молодежь» (См: Диоген Лаэртский 2009: 71; Платон 1990а: 77; Ксенофонт 2003: 173) – демонстрирует свою объективность и историческую достоверность.

Второе обвинение напрямую не следует из уст обвинителей Сократа, однако косвенным образом производно от первого, политического, и связано с тем фактом, что «развращенная молодежь» стала, в конечном счете, причиной поражения Афин в борьбе со Спартой. Экономический аспект вытекает из политического. Среди трех обвинителей Сократа мы обнаруживаем Анита, крупного ремесленника и торговца кожей. Само присутствие этого персонажа заставляет Ксенофонта и Платона сделать предположение о существовании определенного олигархического заговора. Однако наличие Анита в числе трех обвинителей указывает на то, что политика Алкивиада и Крития, в воспитании которых активное участие принимал и Сократ, привела к катастрофическим экономическим последствиям. Морская торговля, занимающая центральное место в афинской экономике, была подорвана, что отразилось на благосостоянии не только богатых ремесленных и олигархических семейств, но и простых афинских граждан. У афинского демоса были объективные причины осудить учителя Алкивиада и Крития как того, кто взрастил или воспитал будущих предателей афинского общества.

Наконец, третье обвинение репрезентирует собой религиозный аспект: «не признает афинских богов» (см: Диоген Лаэртский 2009: 71;

¹ При Потидее, при Делии, при Амфиполе (См: Диоген Лаэртский 2009: 65).

² См: Scott 2000: 19-20; Rhodes 2011: 42-43.

³ Например, «Киропедия» Ксенофонта или «История» Фукидида, которые выражают скорее «проперсидскую» направленность.

Платон 1990а: 77 Ксенофонт 2003: 173). Согласно классическим примерам из «Апологии» Ксенофонта и Платона, это обвинение Сократ парирует тремя аргументами. Первый – это ссылка на даймон (Ксенофонт 2003: 174; Платон 1990а: 73-74). Сократ утверждает, что на протяжении своей жизни неукоснительно следовал лишь «божественному голосу» внутри себя. При этом в текстах не указывается имя или какая-либо характеристика божества, которая позволяла бы отнести его к пантеону афинского культа. В качестве второго аргумента Сократ приводит слова дельфийского оракула (Платон 1990а: 74), согласно которому он мудрейший из всех греков. Третий аргумент свидетельствует о том, что Сократ участвовал в религиозных праздниках наравне с другими афинянами (Ксенофонт 2003: 174; Платон 1990а: 76). Тем самым Сократ вовсе не отказывался от афинских богов и воздавал им подобающие афинскому гражданину религиозные почести. Следует подчеркнуть, что лишь последний аргумент в какой-то мере отрицает справедливость выдвинутого обвинения. Напротив, первый и второй не столько опровергали обвинение, сколько, наоборот, доказывали его правомерность.

Дело в том, что религиозное пространство Древней Греции не представляло собой единого конгломерата верований и культов. Внутренний плюрализм Аттики, проявляющийся в плюрализме форм правлений, диалектов и наречий, имел следствием и плюрализм культов. Отсюда становится ясно, почему апелляция Сократа к дельфийскому оракулу и к его пророчеству не принесла ему успеха. В период Пелопоннесской войны дельфийский оракул стоял на «проспартанских» позициях. При этом Афины, стремящиеся к независимости, продвигали идею восстановления делийского ионизма (Chankowski 2008) в противовес дорийской ассоциации, во главе которой стояла Спарта. С учетом того обстоятельства, что незадолго до этого Афины потерпели поражение в борьбе со Спартой, аргументация, отсылающая к дельфийскому оракулу (подчеркнем: враждебному Афинам культу) выглядит если не странно, то как минимум провокационно. Понятно, почему Сократу было предъявлено обвинение в придумывании «новых богов». Обвинение Сократа было не только политически ангажировано. Оно несло характер религиозно-политического осуждения. С точки зрения религиозной политики Афин Сократ был идеологическим предателем. Ведь он разделял тот культ, который проповедовали противники Афин. Консервативные круги делосской симмахии, состоявшие из крупных афинских купцов и ремесленников (к их числу и принадлежал Анит), как мы обнаруживаем, были заинтересованы в религиозном осуждении Сократа, потому что видели в нем угрозу. Угрозу политической и религиозной культуре Афин.

Суммируя эти ключевые обвинения (политическая оппозиция в период войны, подрывная идеологическая деятельность в кругу афинской молодежи и будущих правителей, а также религиозный плюрализм), можно отметить, что они возникли не на пустом месте. Исходя из этого совершенно иначе может быть интерпретирована уже упоминавшаяся нами выше орфическая идея «освобождения души и тела» как акта очищения себя (κάθαρσις δὲ εἶναι), которая была выражена Платоном в «Федоне». Смерть Со-

крата уже не рассматривается здесь в «героическом» ключе как освобождение от мира, как свободный выбор индивида, где сама смерть является целью и средством освобождения. Смерть Сократа – это не акт свободы или политический суицид, как об этом пишет, например, Фрей (Frey 1978). Смерть Сократа – это принуждение, которое может быть вызвано реальным преступлением против афинской демократии и против того религиозного порядка, который в ней существовал. Однако наряду с юридической трактовкой смерть Сократа может быть понята и как таинственный социально-политический и религиозный ритуал, которому его подвергли по выше указанной причине.

В книге «Почему умер Сократ: развенчивание мифов» (Waterfield 2009: 240–242) Робин Волтерфилд делает весьма смелое заявление: Сократ вполне мог быть фармаком (φάρμακός) или, выражаясь иначе, «козлом отпущения/очищения», которого принесли в жертву для очищения города. Эта гипотеза опирается на ряд исторических фактов, на основании которых может быть построена интерпретация смерти Сократа как ритуала козла отпущения.

Во-первых, как указывает Диоген Лаэртский, Сократ родился в «нечистый», согласно древнегреческому календарю, шестой день фаргелиона (Диоген Лаэртский 2009: 73). В этот день афиняне осуществляют мероприятия по очищению города, приуроченные к празднованию Фаргеталий. Совпадение это или изящный повествовательный ход, но, по-видимому, суд над Сократом состоялся через два дня после его дня рождения, то есть на восьмой день фаргелиона. По крайней мере, на это указывает один из фрагментов в самом начале «Федона». В этом фрагменте флиунтиец¹ Эхекрат спрашивает у Федона о последних часах Сократа перед смертью. В один из моментов (58a) Эхекрат удивляется, что решение о казни вынесли давно, а приговор был применен только по прошествии некоторого времени. На что Федон отвечает, что это произошло «по чистой случайности. Вышло так, что как раз накануне приговора афиняне украсили венком корму корабля, который они посылают на Делос» (Платон 1993: 7). Пока культовый корабль «Делия», посвященный известному мифу о Тесее, находился в плавании, в Афинах было запрещено подвергать кого-либо казни. Поэтому Сократ принимает яд только спустя тридцать дней, то есть по возвращении корабля, как на это указывает Критон (Платон 1990b: 97; Ксенофонт 2003: 166). У нас нет точных сведений относительно того, какой именно казни должны были подвергнуть Сократа. Существуют гипотезы (Gill 1973; Frey 1978: 106; Waterfield 2009: 241), указывающие на то, что употребляя яд, Сократ стремился избежать публичной казни. Здесь не совсем ясно следующее: является ли принятие яда самим актом казни или попыткой ее избежать?

Во-вторых, у Платона, Ксенофонта, Диогена Лаэртского и ряда других комментаторов фактов жизни Сократа мы встречаемся с большим числом

¹ Флиунт был стратегическим союзником Спарты в Пелопонесской войне, что в очередной раз указывает на «проспартанскую» позицию большинства окружения Сократа.

указаний на его жреческий статус и на то, что он находился на общественном обеспечении (Платон 1990а: 79; Диоген Лаэртский 2009: 64 2.5, 21; Ксенофонт 2003: 150). В платоновском и ксенофоновском «Пире» Сократ является одним из участников симпозиума, на который вход обычным гражданам был запрещен. В схолиях на комедию Аристофана «Плут» (Jones, Wilson 1969: 243) и у Лисия в «Против нечестия Андокида»¹ (Лисий 1994: 86) мы обнаруживаем интересное описание существовавшей в Афинах традиции кормить и обеспечивать тех, кого в дальнейшем могут подвергнуть ритуалу козла отпущения для того, чтобы очистить город от тех преступлений, которые они ему принесли.

Что касается самого ритуала козла отпущения, то упоминания (многие из которых, правда, противоречат друг другу) о нем мы обнаруживаем в текстах Эсхилла, Гиппонаха, Евполида, Аристофана, Демосфена, Страбона, Плутарха, Герения Филона, Петрония, Лактанция и многих других (Bremmer 1983). Одни тексты возводят этот ритуал к спартанской традиции Апофеты (Страбон 1964: 429). Другие – к галльскому жертвоприношению богам через сожжение². Третьи – к изгнанию, которое косвенно напоминает практику остракизма (Herennius Philo. Ammonius. 142 Valckenaer). Буххард рассматривает становление ритуала козла отпущения через орфическую практику очищения (κάθαρσις) города. Искупительная жертва воспринималась как общественное лекарство, которое должно было быть употреблено и принято неким божеством. Очистительный характер этого ритуала подчеркивается описаниями жертв, которые характеризуются как καθάρμασι (отбросы) и καθάρμα (грязь) (Burkert 1985: 104-105). Источники достаточно неоднозначно трактуют содержание καθάρμασι. По одной версии, в качестве жертвы использовались только рабы, согласно другой – юродивые и люди с какими-либо физическими или психологическими дефектами; в некоторых источниках упоминаются государственные преступники.

На наш взгляд, игра слов φάρμακός (козел отпущения) и φάρμακον (лекарство/яд) отражает определенную смысловую параллель в герменевтике этого древнейшего ритуала, а амбивалентность последнего это лишь усиливает. Козел отпущения выступает в качестве общественного вредителя (φάρμακός), который, с одной стороны, подобно яду (φάρμακον), разъедает гармоничный порядок политической и культурной жизни города, а с другой – благодаря осуждению и казни, оказывается лекарством (φάρμακον) для него.

Ритуал козла отпущения рассматривался как форма социальной терапии, которая призвана, прежде всего, успокоить население города, отвлечь его внимание на «зрелище» или даже провести определенную «работу над ошибками» путем казни. В книге «Насилие и священное» Жирар пишет, что «именно жертва восстанавливает сначала против себя,

¹ В случае с Андокидом и его религиозным бесчестьем в качестве одного из обвинителей также встречается упоминание о Мелете, обвинителе Сократа (Лисий 1994: 84-85).

² Например, Lactantius 10.793-94 и 6Dg = Tzetzes Chiliads 5.728ff (Lactantius Placidus 1997; Ioannis Tzetzae 1997).

а затем вокруг себя испуганное единение признательной общины» (Жи-рар 2010: 98). Стоит отметить, что в своей этической оценке ритуала он, как и Букхард, видит в данном коллективном насилии «машину по производству мифов». Коллективное насилие, которому подвергается козел отпущения и которого, быть может, не избежал Сократ, проистекает из агрессии как устойчивой структуры, присущей всем живым организмам (К. Лоренц). Жирар и Букхард усматривают в ритуале козла отпущения элемент «несправедливости» общества и социальной терапии, которая как устойчивая структура культуры человека присутствует в обществе *a priori*. Разделяя позицию относительно того, что механизм коллективного насилия может быть использован не только в социальных, но и в личных целях, мы вместе с тем не считаем это свидетельством общественной несправедливости. По крайней мере, содержание обвинения Мелета косвенно указывает нам на то, что Сократ подвергается суду вовсе не на пустом месте. При этом у Платона и Ксенофонта мы не встречаем прямого упоминания о том, что Сократ был *фармаκός*, а его смерть является ритуалом козла отпущения.

На наш взгляд, несмотря на слабую аргументацию, эта, третья, интерпретация обладает рядом положительных качеств, которые позволяют расширить историко-философский горизонт понимания обстоятельств смерти Сократа. Прежде всего, речь идет о том, что деконструкция «героического» образа Сократа дает возможность иначе взглянуть на основные сюжеты его практики философствования. Отказ от привилегированности платоновско-ксенофоновской интерпретации позволяет обратить внимание на критический пласт сочинений, описывающих основные пути сократической философии, до этого момента мало используемых в историко-философском дискурсе.

Однако в каком смысле Платон вкладывает в уста политического преступника слова «О Критон! Мы должны Асклепию петуха. Так отдайте, позаботьтесь об этом»? Является ли это художественным реверансом, основная цель которого – «облагородить» реального преступника? По нашему мнению, если все же и признать, что это были последние слова Сократа, – слова, которые были реально им произнесены (что само по себе является спорным), то они могли прозвучать без того масштабного и героического пафоса, приписанного им последующими комментаторами. Последние слова Сократа содержат одновременно *иронию* и *гротеск*. На суде, нарушая все традиции защиты, вместо того чтобы просить помилования или смягчения наказания, Сократ заявляет, что достоин бесплатного обеда в Пританее. Точно также и здесь Сократ прибегает к своему излюбленному приему. Будучи подвергнутым ритуалу козла отпущения, Сократ вполне мог сказать Критону, что в своей смерти он уподобляется петуху, которого приносят в жертву для того, чтобы исцелить Афины от *яда* проспартанской политической оппозиции. Здесь стоит подчеркнуть, что такая трактовка последних слов невозможна не только в пространстве «героического» платоновско-ксенофоновского нарратива, но и в рамках фукольдидаского учения о паресии.

Фармакология как социальная терапия. Феномен смерти Сократа является многозначным и амбивалентным по своему содержанию. Еще Аристотель понимал жизнь как определенную форму существования души, как некоторый синтез телесного и духовного, смертного и бессмертного (Аристотель 1976: 394). Смерть, таким образом, оказывается продолжением жизни.

Продолжением жизни является и тот дискурс, который стремится расшифровать ее код, установив подобие и связь разрозненных кусочков содержания. Однако, дешифруя содержание его смерти, не становимся ли мы невольно свидетелями «нового витка» или «нового этапа» в ее зашифровке и «заколдовывании»? По мнению представителя шартрской школы Бернарда Сильвестра, тайна не нуждается в своем открытии и раскрытии. Эту тайну необходимо прятать за многочисленными обертками (*involutum*) и покровами (*integumentum*) красочных метафор и пестрых аллегорий сказочного рассказа, который выступает одновременно формой доказательства присутствия тайны и ее надежным убежищем (Воскобойников 2018: 156).

Что же скрывается и что раскрывается в этой игре взаимного сокрытия и раскрытия? Содержание философии как определенной социальной практики, к которой прибегает человек или социальная группа для того, чтобы осуществить собственную терапию? Представление о философии как о терапии души (Платон, Плотин, Секст Эмпирик), как заботе о себе (П. Адо, М. Фуко) или как о рефлексивной терапии (Л. Витгенштейн) (Fischer 2011) неразрывно связано с идеей о благе, к которому, согласно древнегреческой философии, стремится каждый человек. Иными словами, философия возникает как социальная практика, как фармакология души и тела, предлагающая человеку или социальной группе определенное «лекарство» (*φάρμακον*) от болезни. Современная индустрия фармакологии и фармацевтики, объединяющая обширные массивы, а также пласты знаний и технологий, проистекает из этой древней социальной практики. Проистекает из этого древнего запроса общества на «победу над собственной смертью». Однако фармакология и фармацевтика – это не только наука, технологии и рынок, но и определенный дискурс, на котором говорят и который обсуждают.

Феномен смерти Сократа и ее интерпретация в качестве определенной литеры, раскрывающей рецепт выздоровления, – интерпретация, согласно которой эта смерть воспринимается как философский жест, как результат той социальной практики и терапии, которой занимался Сократ в афинском обществе, обретает свою особую актуальность в эпоху пандемии. Особенно наглядно это продемонстрировано в дискуссии, которая была предложена Джорджо Агамбеном на страницах журнала «Quodlibet» в статье «L'invenzione di un'epidemia» (Изобретение пандемии) (Agamben 2020). На примере этой дискуссии, которая, заметим, охватила различные социальные группы, мы видим, как интеллектуалы (Жан-Люк Нанси, Славовой Жижек, Джудит Батлер и многие другие) обращаются к философской практике, попутно поднимая другую, не менее важную, чем пандемия, проблему – а именно проблему места философа и философской практики в эпоху

пандемии. Чем являются философский дискурс и философская литература в ситуации пандемии? Является ли философия терапией души наравне с вакцинацией? Является ли она ее продолжением?

Жижек и Агамбен рисуют перед нами два полюса в герменевтике этого спора, каждый из которых оказывается одновременно и продолжением разговора о философии как социальной терапии, и развитием интерпретации смерти Сократа и его последних слов, сказанных ученикам. Один из этих полюсов (революционно-идеалистический) концентрируется вокруг деконструкции «живого» как реального и эволюции символического, в ходе которой утверждается «новый мир», мир виртуального. Победа виртуального мира означает победу над телесным и биологическим миром. Пандемия оказывается средством, позволяющим избавиться от жизни биологической и обрести жизнь символическую и виртуальную. Она помогает похоронить прошлое и устремиться к новому альтернативному будущему. Как раз для того, чтобы это осознать, «нам нужна катастрофа» (Žižek 2020), которая становится приготовлением к «обновлению» и мировому катарсису (κάθαρσις).

Совершенно иной полюс (биополитический) открывает нам Агамбен, говоря о «заговоре» правительств, которые «изобрели» пандемию для того, чтобы под предлогом спасения биологической природы человека, выражаясь сталинским фразеологизмом, «закрутить гайки» и поставить эту самую жизнь под тотальный контроль. Задача философа в это непростое время – быть политическим оводом и «лечить» общество от дурного мнения толпы, предрассудков и несправедливости.

Мы видим, как современная пандемия срывает покровы с прошлого, возобновляя и тем самым продолжая диалоги Платона «Федон» и «Филеб». Реминисценция социальной практики указывает на то, что человек, как и многие века назад, нуждается в лекарстве, нуждается в терапии. Если фармакология и фармацевтика в качестве социальной практики устремлены на *терапию тела*, то философский дискурс выполняет функцию *терапии души*.

Заключение. Последние слова Сократа «О Критон! Мы должны Асклепию петуха. Так отдайте, позаботьтесь об этом», как нами было показано выше, могут быть интерпретированы минимум в трех вариантах. Во-первых, как благодарность за собственное исцеление от жизни, благодарность за личный катарсис, связанный с освобождением души из оков тела. Во-вторых, как акт парресии, как забота не только и не столько о самом себе, сколько о других. Эти две вариации, опирающиеся на одинаковый содержательный фундамент, выражают к тому же и совершенно релевантное отношение к пониманию человеческого *bios*'а. И в первом и во втором случаях жизнь (и ее сохранение) не является первоочередной целью философской практики. Смерть Сократа, понятая как лекарство от жизни, выступает здесь в качестве древнейшей социальной практики «утешения», которая оказывается пропедевтикой к личному освобождению. Однако сама интерпретация этого события смещает фокус с личного на общественное. Философский суицид – это жест, косвенно указывающий на то, что общественные

институты функционируют не гармонично. С учетом этого смерть Сократа есть не что иное, как катализатор, запускающий механизмы оценки и критики общества. Вторая интерпретация указывает нам на иной ракурс рассмотрения биологического существования человека. Смерть Сократа, а также его готовность пожертвовать своей жизнью, является необходимым и, по сути, единственным свидетельством того, что он говорит правду, и тем самым «открывает глаза» на происходящее всем.

Однако, как мы обнаруживаем, эти две интерпретации смерти представляют собой достаточно узкий горизонт в понимании ее содержания. Расширение горизонта исследования посредством обращения к историческим обстоятельствам жизни Сократа рисует перед нами совершенно иную картину. Картину, в которой он выступает преступником, коллаборационистом и предателем в одном лице. Картину, в которой Сократ развращает молодежь, восторгается политическим устройством и верит в богов враждующего государства, воспитывает будущих тиранов и деспотов, которые затем разрушают афинскую демократию и становятся причиной ее краха. Амбивалентность философской практики и феноменология смерти Сократа указывают на то, что социально-терапевтический характер философии остается во многом не определенным и социально-политическая ценность ее «блуждает», приобретая различные значения, вследствие чего философия воспринимается то как социальное «лекарство», исцеляющее общество, то как социальный яд, разрушающий государство до основания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристотель. 1976. О Душе // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / ред. В.Ф. Асмус. Москва : Мысль. Т. 1. С. 369-450.

Артемидор. 1999. Сонник / сост., общ. ред. Р.В. Грищенкова. Санкт-Петербург : Кристалл. 448 с.

Варрон. 1963. Сельское хозяйство / пер. с лат., коммент., вступ. ст. М.Е. Сергеевко. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. 218 с.

Воскобойников О.С. (сост.) 2018. Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Рос. акад. наук ; пер. : О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов ; сост.: О.С. Воскобойников. Москва : Наука. 457 с. (Лит. памятники).

Деррида Ж. 2007. Фармация Платона // Ж. Деррида. Диссеминация / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория. С. 71-218.

Диоген Лаэртский. 2009. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Гаспарова. Москва : ТЕРРА-Кн. клуб. 608 с.

Жиран Р. 2010. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. Москва : Новое лит. обозрение. 436 с.

Ксенофонт. 2003. Сократические сочинения. Москва : АСТ : Ладомир. 757 с.

Лактанций. 2007. Божественные установления. Кн. 1-7 / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В.М. Тюленева. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко. 512 с.

Лисий. 1994. Речи / пер., ст., коммент. С.И. Соболевского ; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. Москва : Ладомир, 388 с.

- Ницше Ф. 2014. Веселая наука // Ф. Ницше. Полное собрание сочинений : в 13 т. / Ин-т философии. Москва : Культур. революция. Т. 3. С. 313-596.
- Платон. 1990а. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 70-96.
- Платон. 1990б. Критон // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 97-111.
- Платон. 1993. Федон // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 7-80.
- Платон. 1994. Государство // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 3. С. 79-420.
- Страбон. 1964. География в 17 книгах / пер. Г.А. Стратановского. Москва : Наука. 944 с.
- Тертуллиан. 2005. Апологетик. К Скапуле / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Брагухина. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко. 256 с.
- Фуко М. 2014. Мужество истины. Управление собой и другими II / пер. с фр. А.В. Дьяков. Санкт-Петербург : Наука. 358 с.
- Agamben G. 2020. L'invenzione di un'epidemia // Quodlibet. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (дата обращения: 16.02.2021).
- Bremmer J. 1983. Sparegoat rituals in Ancient Greece // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 87. P. 299-320.
- Burkert W. 1985. Greek Religion: archaic and classical / trans. J. Raffan. Oxford : Basil Blackwell. 493 p.
- Burkert W. 2006. Kleine Schriften. Bd.3. Mystica, Orphica, Pythagorica / Hrsg. von Fritz Graf. Göttingen : Vandenhoeck & Ruorecht. 329 S.
- Cartledge P. 2009. Ancient Greek Political Thought in Practice (Key Themes in Ancient History). Cambridge : Cambridge Univ. Press. XXIII, 169 p. DOI: 10.1017/CBO9780511801747.
- Chankowski V. 2008. Athènes et Délos à l'époque classique. Recherches sur l'administration du sanctuaire d'Apollon délien. Athens : École Française d'Athènes. 588 p.
- Cumont F. 1943. À propos des dernières paroles de Socrate // Compte rendu de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Vol. 87, iss. 1. P. 112-126.
- Dumézil G. 1984. Le Moine noir en gris debans Verennes. Paris : Gallimard. 176 p.
- Ficino M. 1559. Theologia Platonica. De immortalitate animorum: duo de viginti libris. Parisiis : Apud Aegibium Gorbinum. 348 p.
- Fischer E. 2011. How to Practise Philosophy as Therapy: Philosophical Therapy and Therapeutic Philosophy // Metaphilosophy. Vol. 42, iss. 1-2. P. 49-82. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2010.01680.x.
- Frey R.G. 1978. Did Socrates Commit Suicide? // Philosophy. Vol. 53, iss. 203. P. 106-108. DOI: 10.1017/S0031819100016375.
- Gill C. 1973. The Dead of Socrates // The Classical Quarterly. Vol. 23, iss. 1. P. 25-28.
- Hankins J. 2003. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Vol. 1. Roma : Di Storia e Letteratura. 656 p.
- Ioannis Tzetzae. 1826. Historiarum variarum chiliades. F.C.G. Vogel. 568 p.
- Jones D.M., Wilson N.G. (eds.) 1969. Scholia in Aristophanem. Vol. 1. Fasc. 2 / ed. D.M. Jones & N.G. Wilson. Groningen : Wolters-Noordhoff. 280 p.
- Lactantius Placidus. 1997. Fulgence le mythographe. In aedibus B.G. Teubneri. 704 p.
- Madison L.A. 2002. Have We Been Careless with Socrates's Last Words? A Rereading of the Phaedo // Journal of the History of Philosophy. Vol. 40. P. 421-436.

- Origenes. 1899. Werke. Bd. 1 / Hrsg. von P. Koetschau. Leipzig : J.C. Hinrichs. 379 S.
- Plato. 1825. *Platonis Phaedo* / ed. by I. Bekker. Londini. 305 p.
- Plato. 2020. *Platons Werke II*, 1. Reprint 1805. Berlin : De Gruyter. 1000 p. DOI: 10.1515/9783110582536.
- Rhodes P.J. 2011. *Alcibiades. Athenian Playboy, General and Traitor*. Barnsley : Pen & Sword Military. XVI, 143 p.
- Scott G.A. 2000. *Plato's Socrates as Educator*. New York : SUNY Press. 252 p.
- Waterfield R. 2009. *Why Socrates died: Dispelling the Myths*. New York ; London : W.W. Norton & Company. XXV, 253 p.
- Westerink L.G. (ed.) 1976. *The Greek Commentaries on Plato's «Phaedo»*. Vol. 1. Olympiodorus / ed. L.G. Westerink. Amsterdam ; Oxford ; New York : North-Holland. 204, 408 p.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. 1920. *Platon*. Berlin : Weidmann. XIV, 753 S.
- Zizek S. 2020. Coronavirus is 'Kill Bill'-esque blow to capitalism and could lead to reinvention of communism. URL: <https://www.rt.com/op-ed/481831-coronavirus-kill-bill-capitalism-communism/> (дата обращения: 16.02.2021).

References

- Agamben G. The invention of an epidemic, 2020, *Quodlibet*, available at: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (accessed 16 February 2021). (in Italian).
- Aristotle. About the soul, *Aristotel'. Sochineniya, v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1976, vol. 1, pp. 369-450. (in Russ.).
- Artemidorus. *Dream interpretation*, St. Petersburg, Kristall, 1999, 448 p. (in Russ.).
- Bremmer J. Spagoat rituals in Ancient Greece, *Harvard Studies in Classical Philology*, 1983, vol. 87, pp. 299-320.
- Burkert W. *Greek Religion: archaic and classical*, Oxford, Basil Blackwell, 1985, 493 p.
- Burkert W. *Small fonts III. Mystica, Orphica, Pythagorica*, ed. by Fritz Graf, Göttingen, Vandenhoeck & Ruorecht, 2006, 329 p. (in German).
- Cartledge P. *Ancient Greek Political Thought in Practice (Key Themes in Ancient History)*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009, xxiii, 169 p. DOI: 10.1017/CBO9780511801747.
- Chankowski V. *Athens and Delos in the classical period. Wanted on the administration of the Sanctuary of Apollo Delien*, Athens, École Française d'Athènes, 2008, 588 p. (in French).
- Cumont F. À propos des dernières paroles de Socrate, *Compte rendu de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1943, vol. 87, iss. 1, pp. 112-126. (in French).
- Derrida J. Plato's Pharmacy, *Zh. Derrida. Disseminatsiya*, Yekaterinburg, U-Faktoriya, 2007, pp. 71-218. (in Russ.).
- Diogenes Laërtius. *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*, Moscow, TERRA-Knijniy klub, 2009, 608 p. (in Russ.).
- Dumézil G. *Black Moyne in gray in Varennes*, Paris, Gallimard, 1984, 176 p. (in French).
- Ficino M. *Theologia Platonica. The immortality of the soul, about two pounds*, Washington, Apud Aegibium Gorbinum, 1559, 348 p. (in Latin).
- Fischer E. How to Practise Philosophy as Therapy: Philosophical Therapy and Therapeutic Philosophy, *Metaphilosophy*, 2011, vol. 42, iss. 1-2, pp. 49-82. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2010.01680.x.
- Foucault M. *Courage of Truth. Controlling yourself and others II*. St. Petersburg, Nauka, 2014, 358 p. (in Russ.).

- Frey R.G. Did Socrates Commit Suicide?, *Philosophy*, 1978, vol. 53, iss. 203, pp. 106-108. DOI: 10.1017/S0031819100016375.
- Gill C. The Dead of Socrates, *The Classical Quarterly*, 1973, vol. 23, iss. 1, pp. 25-28.
- Girard R. *Violence and the Sacred*, 2nd ed., rev., Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 436 p. (in Russ.).
- Hankins J. *Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Vol. 1*, Roma, Di Storia e Letteratura, 2003, 656 p.
- Jones D.M., Wilson N.G. (eds.) *Scholia in Aristophanem. Vol. 1. Fasc. 2*, Groningen, Wolters-Noordhoff, 1969, 280 p.
- Jonh Tzetzae. *Stories of various thousands*, F.C.G. Vogel, 1826, 568 p. (in Latin).
- Lactantius Placidus. *Fulgence the mythographer*, In aedibvs B.G. Tevbnieri, 1997, 704 p.
- Lactantius. *Divine Institutes. B. 1–7*, St. Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko, 2007, 512 p. (in Russ.).
- Lysias. *Speeches*, Moscow, Lodomir, 1994, 388 p. (in Russ.).
- Madison L.A. Have We Been Careless with Socrate's Last Words? A Rereading of the *Phaedo*, *Journal of the History of Philosophy*, 2002, vol. 40, pp. 421-436.
- Nietzsche F. Fun science, *F. Nitsshe. Polnoe sobranie sochineniy, v 13 t.*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2014, vol. 3, pp. 313-596. (in Russ.).
- Origenes. *Works, vol. 1*, Leipzig, J.C. Hinrichs, 1899, 379 p. (in German).
- Plato. Apology of Socrates to the Jurors, *Platon. Sobranie sochineniy, v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 70-96. (in Russ.).
- Plato. Crito, *Platon. Sobranie sochineniy, v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 97-111. (in Russ.).
- Plato. Phaedo, *Platon. Sobranie sochineniy, v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 7-80. (in Russ.).
- Plato. *Platon's Work II, 1. Reprint 1805*, Berlin, De Cruyter, 2020, 1000 p. DOI: 10.1515/9783110582536. (in German).
- Plato. *Platonis Phaedo*, ed. by I. Bekker, Londini, 1825, 305 p.
- Plato. Republic, *Platon. Sobranie sochineniy, v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79-420. (in Russ.).
- Rhodes P.J. *Alcibiades. Athenian Playboy, General and Traitor*, Barnsley, Pen & Sword Military, 2011, xvi, 143 p.
- Scott G.A. *Plato's Socrates as Educator*, New York, SUNY Press, 2000, 252 p.
- Strabo. *Geographica, in 17 books*, Moscow, Nauka, 1964, 944 p. (in Russ.).
- Tertullian. *Apologeticus. To Skapula*, St. Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko, 2005, 256 p. (in Russ.).
- Varro. *Three Books on Agriculture*, Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1963, 218 p. (in Russ.).
- Voskoboynikov O.S. (comp.) *Chartres school. Guillaume Konshsky. Philosophy. Theodoric of Chartres. A treatise on the six days of creation. Bernard Sylvester. Cosmography. Astrologer. Commentary on the first six books of the Aeneid. Alan Lille. Crying of Nature*, Moscow, Nauka, 2018, 457 p. (in Russ.).
- Waterfield R. *Why Socrates died: Dispelling the Myths*, New York, London, W.W. Norton & Company, 2009, xxv, 253 p.
- Westerink L.G. (ed.) *The Greek Commentaries on Plato's «Phaedo». Vol. 1. Olympiodorus*, Amsterdam, Oxford, New York, North-Holland, 1976, 204, 408 p.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Plato*, Berlin, Weidmann, 1920, xiv, 753 p. (in German).
- Xenophon of Athens. *Socratic works*, Moscow, AST, Lodomir, 2003, 757 p. (in Russ.).

Zizek S. *Coronavirus is 'Kill Bill'-esque blow to capitalism and could lead to reinvention of communism*, 2020, available at: <https://www.rt.com/op-ed/481831-coronavirus-kill-bill-capitalism-communism/> (accessed February 16, 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Сергеевич Емельянов

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры Курского государственного университета,
г. Курск, Россия;
ORCID: 0000-0002-1455-3437;
SPIN-код: 4066-6662;
E-mail: andrei.e1992@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Emelyanov

Candidate of Philosophical Science, Senior Lecturer the Department of Philosophy Kursk State University,
Kursk, Russia;
ORCID: 0000-0002-1455-3437;
SPIN-код: 4066-6662;
E-mail: andrei.e1992@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE



Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 45–72.

УДК 323.225

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45

Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе

Сакаев Василь Тимерьянович

Национально-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
E-mail: sakaev2003@mail.ru

*Поступила в редакцию 09.03.2021, поступила после рецензирования 30.04.2021,
принята к публикации 05.05.2021*

Статья посвящена изучению подходов к определению и характеристик ряда понятий, таких как «радикализм», «радикал», «радикальный», и категории «радикализация» в современной зарубежной литературе. В качестве метода исследования автором используется сравнительный анализ наиболее распространенных подходов, представленных в зарубежной литературе. В публикации рассматриваются история возникновения и процесс эволюции изучаемых понятий, их первоначальное и современное значения, отраженные в зарубежной научной литературе. Продемонстрирована неоднозначность границ указанных понятий при наличии общих подходов различных исследователей к определению их сущности, что позволяет говорить об их относительном характере. Определены признаки феномена радикализации,



© Сакаев В.Т., 2021

обозначены особенности таких описываемых в научной литературе разновидностей радикализации, как насильственная радикализация, террористическая радикализация и ненасильственная радикализация. Наглядно показано соотношение категории «радикализация» с понятиями «экстремизм», «насильственный экстремизм», «ненасильственный экстремизм». При этом акцентировано внимание на их принципиальных отличиях, выделяемых в изученных автором работах, в том числе в плане отношения к политическому насилию. Одновременно продемонстрированы двойственность и неоднозначность существующих подходов, а также принципиальные расхождения во взглядах разных исследователей относительно определения характеристик процесса радикализации. Сделан вывод о недостаточности трактовки понятия «радикализация» исключительно как процесса «превращения в террориста». Подчеркнуто, что радикализация далеко не всегда становится частью так называемого террористического конвейера и что подобный подход слишком узок и однобок. Обозначена важность возврата к традиционной трактовке сущности понятия «радикализация», согласно которой это явление, прежде всего, предстает как процесс распространения радикальных идей, вне зависимости от их отношений к насилию как средству достижения целей. Выделены также уровни и траектории процесса радикализации – аналитический инструментарий, который вполне продуктивно «работает» при изучении этого явления, что может рассматриваться как новый вклад в развитие данного направления исследований.

Ключевые слова: радикализм, радикализация, экстремизм, терроризм, исследование, критика, новые подходы, зарубежная литература

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31642.

The Concept of “Radicalization”: an Overview of Scientific Approaches in Modern Foreign Literature

Vasil T. Sakaev

Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: sakaev2003@mail.ru

Received 09.03.2021, revised 30.04.2021, accepted 05.05.2021

Abstract. The article is devoted to the research of definition and the comparative analysis of characteristics of a number of concepts, such as “radicalism”, “radical” “radical ideology” and the term “radicalization”, derivative of them, in modern foreign literature. The study method is a comparative review of the most common approaches reflected in foreign literature. The author considers the history of the emergence and the process of evolution of the studied concepts, their original and modern meaning, reflected in foreign scientific literature. The ambiguity of the boundaries of these concepts has been demonstrated, while highlighting the common approaches of various researchers to determining their essence, which allows us to talk about their “relative nature”. The signs of such a phenomenon as “radicalization” are highlighted, as well as the features of such varieties of “radicalization”

identified in the scientific literature as “violent radicalization”, “terrorist radicalization” and “non-violent radicalization”. The relationship of the concept of “radicalization” with such terms as “extremism”, “violent extremism”, “non-violent extremism” is clearly shown. At the same time, attention is also focused on their fundamental differences allocated in the works under study, as well as on the attitude to political violence. The duality and ambiguity of existing approaches, fundamental differences in the views of different researchers regarding the definition of the characteristics of the “radicalization” process are shown. The conclusion was made about the limitation of the approach, which characterizes the concept of “radicalization” exclusively as a process of “transformation into a terrorist”. It was emphasized that “radicalization” is far from always part of the so-called “Conveyor Belt to Terrorism”, and such an approach is too narrow and lopsided. The importance of returning to the traditional understanding of the essence of the concept of “radicalization”, which considered this phenomenon, is outlined primarily as a process of disseminating radical ideas, regardless of their relationship to violence as a means of achieving goals. The levels and trajectories of the “radicalization” process that can be used in the analysis of this phenomenon are identified, which can be considered as a new contribution to the study of this phenomenon.

Keywords: radicalization; extremism; terrorism; research; criticism; new approaches; foreign literature

Acknowledgements: The study was funded by RFBR and EISR under research project № 20-011-31642.

For citation: Sakaev V.T. The Concept of “Radicalization”: an Overview of Scientific Approaches in Modern Foreign Literature, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 45-72. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45.

Введение. В настоящее время исследование феномена радикализации продолжает вызывать значительный интерес, что обусловлено процессами, протекающими в современном мире, в том числе разного рода конфликтами, связанными с проявлениями политического насилия, нередко в форме экстремизма и терроризма. Термин «радикализация» давно прочно вошел в политический дискурс и научный оборот, активно используется в различных контекстах, однако при этом мы можем констатировать значительную эволюцию во взглядах на сущность этого феномена, а также серьезные противоречия между исследователями в трактовке его содержания. Фактически слова «радикальный» и «радикализация» означают разные вещи для разных людей (Schmid 2004: 375).

Одновременно мы наблюдаем распространение разного рода идеологий, уже привычно обозначаемых в СМИ и в научных публикациях как *радикальные*, и часто становимся свидетелями событий, связанных с движениями, которые сами себя позиционируют или идентифицируются другими как радикальные. Все эти явления, по нашему мнению, весьма неоднозначно связаны с понятием «радикализация».

В целом можно констатировать, что отечественная научная литература все еще не выработала четких концептуальных рамок для понятия «радикализация», а попытка использования термина «радикализация» лишь относительно факта вступления в вооруженные группировки и участия

в насильственных действиях, как нам представляется, ограничивает его «рабочий» объем. На наш взгляд, радикализация, прежде всего, представляет собой распространение в обществе радикальных идей, которые, в свою очередь, часто становились «приводным ремнем» социальных и политических трансформаций, зачастую практически не связанных с насилием. Более того, большинство людей с радикальными взглядами (в рамках классической трактовки процесса радикализации) в реальности не прибегают к насилию (см. об этом: Сокирянская 2019). Можно согласиться с мнением ряда исследователей, утверждающих, что «радикализироваться не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие радикальные или экстремистские взгляды, решаются на акты насилия» (Williams 2016). Например, мы знаем из истории немало примеров различных движений гражданского сопротивления или борьбы за гражданские права, которые в принципе отвергали насилие как метод борьбы, несмотря на свои радикальные взгляды и требования. Таким образом, радикализация как процесс не может быть признана безусловно связанной с насилием и потому нельзя ее считать априори преступлением. Тем более что, по мнению некоторых авторов, «при определенных условиях радикализироваться может каждый» (Williams 2016).

Как известно, сами термины «радикал», «радикализм» и «радикализация» имеют западное происхождение. Более того, их новое прочтение также зародилось на Западе в середине 2000-х гг. В связи с этим представляется важным рассмотреть происхождение, эволюцию и современное состояние исследования соответствующих понятий в зарубежной литературе, определить сущность и основные характеристики данного процесса. Интересно проследить сложившиеся в зарубежной науке подходы к трактовке этих понятий и их взаимосвязь с другими категориями, например такими как «экстремизм» и «терроризм».

1. Понятия «радикал», «радикализм», «радикализация». Считается, что «дать общее определение радикализации очень непросто, поскольку оно существенно изменялось в ходе развития данного концепта. Начиная с середины 2000-х годов теория радикализации прошла достаточно серьезную эволюцию – от первоначальных, достаточно примитивных подходов, до современных, более многогранных и менее идеологизированных. Изначально под радикализацией подразумевался процесс принятия индивидом или группой радикальных идей, результатом чего становилась вовлеченность в насильственные, террористические действия. Однако сейчас такое понимание не пользуется широкой поддержкой» (Стародубровская 2020: 194). Здесь можно согласиться, что явление «радикализация» действительно очень сложно и многогранно, однако вызывает сомнение утверждение о том, что трактовки, которые давались этому понятию, а также категориям «радикал» и «радикализм» в середине 2000-х гг., следует считать «первоначальными». На самом деле они также суть проявления новых тенденций, сложившихся в мире после начала глобальной войны с терроризмом. Попробуем разобрать эти понятия более подробно.

Действительно, в ходе истории «радикализм» как понятие в значительной степени менял свой смысл. В XIX в. многие политические партии, называвшие себя радикальными, выступали лишь за введение демократии, в которой право голоса по определению не связано ни с владением имуществом, ни с гендерной принадлежностью; большинство из них являлись реформистскими, а не революционными, и радикалы в основном были ненасильственными активистами. Следует отметить, что некоторые радикальные требования XIX в. стали сегодня частью основополагающих прав человека и гражданина. Иными словами, содержание понятия «радикал» довольно резко изменилось чуть более чем за столетие: если в XIX в. термин «радикал» относился, в первую очередь, к либеральным, антиклерикальным, продемократическим, прогрессивным политическим позициям, то современное использование имеет тенденцию охватывать скорее антилиберальную, фундаменталистскую, антидемократическую и регрессивную повестку (Schmid 2013: 7). Насколько верно это утверждение?

В настоящее время в зарубежной литературе можно выделить несколько основных подходов к понятию радикализации.

Согласно первому подходу радикализация – это процесс обращения к насилию как средству преобразований. Так, Д. Делла Порта приводит несколько общепринятых в середине 2000-х гг. определений понятия «радикализация», и все они, с некоторыми особенностями, трактуют этот процесс через призму приверженности, распространения и эскалации насилия (см.: Della Porta 2008). Причем многие авторы рассматривают радикализацию как движение исключительно к терроризму. Как указывает М. Седжвик, «“радикализация” в настоящее время становится стандартным термином, используемым для описания, что происходит до того момента, как бомба сработает» (Sedgwick 2010: 479).

Другой подход связан с попыткой разделить явление радикализации на *радикализацию в классическом виде* и *насильственную радикализацию*. Например, по мнению А. Дальгард-Нельсен под понятием «радикал» следует подразумевать человека, питающего глубокое стремление к фундаментальным социально-политическим изменениям, а «радикализация» – это не что иное, как растущая готовность продолжать и поддерживать эти далеко идущие изменения в обществе, которые противоречат существующему порядку или представляют прямую угрозу для него; под «насильственной радикализацией» указанный автор понимает «процесс, в котором радикальные идеи сопровождаются формированием готовности непосредственно поддерживать насильственные действия или участвовать в них» (Dalgaard-Nielsen 2010: 798).

Сторонники третьего подхода призывают различать понятия «радикализация» и «экстремизм». Так, А. Шмид подчеркивает, что исторически радикализм часто был силой прогресса, поэтому его производная – «радикализация» – не обязательно тождественна терроризму (Schmid 2013: 6-7). А. Шмид, как нам представляется, обозначил важное различие между радикализмом и экстремизмом, указав, что последнее – это «проявление ограниченного мышления и стремления создать гомогенное общество,

базирующееся на жестких, догматических, идеологических принципах, которые призывают подавлять любое инакомыслие и субъектность меньшинств», в то время как радикализм – «это беспристрастное принятие различий и вера в силу разума в большей степени, чем в догму» (Schmid 2013: 9). То есть сторонники этого подхода признают, что «радикализация» не обязательно должна быть связана с насилием и террором, но даже если это имеет место, насилие со стороны радикалов имеет иной характер, нежели насилие со стороны экстремистов.

Сторонники еще одного подхода говорят об относительности понятия, его зависимости от конкретного контекста. Например, М. Седжвик предполагает, что через термин «радикализация» может быть наилучшим образом позиционирована активность применительно к политическому мейнстриму, по крайней мере в контексте демократических обществ, поэтому необходимо отказаться «от идеи, что “радикал” или “радикализация” являются абсолютными понятиями, для признания по существу относительного характера терминов» и надо быть очень осторожными в определении умеренности и радикальности в каждом конкретном контексте (Sedgwick 2010: 479). Кстати сказать, подобный подход отражен и в некоторых правительственных документах, к примеру в определении канадского правительства радикализация описывается как процесс, с помощью которого «отдельные лица привносят в открытую идеологическую систему идеи и убеждения, которые поощряют движение от умеренных, основных убеждений к крайним взглядам» (Schmid 2013: 7).

Здесь следует отметить, что имеет место попытка, предпринятая Кларком Маккалли и Софией Москаленко, обосновать различие между «активизмом» и «радикализмом». Авторы исходят из предположения, что первое является «готовностью участвовать в правовых и ненасильственных политических действиях», а второе – «готовностью участвовать в незаконных и насильственных политических действиях» (Moskalenko, McCauley 2009: 240). Однако, как верно замечает А. Шмид, такое определение сразу ставит вопрос о том, с помощью каких стандартов (общепризнанных мировым сообществом или только закрепленных в национальном законодательстве отдельных стран) измеряются «правовые» и «незаконные» действия, и отсюда следует, что вне контекста демократических государств эта концепция теряет свою объяснительную силу, к тому же история знает много примеров ненасильственных радикалов и узаконенного насилия (Schmid 2013: 7). Джонатан Гитенс-Мазер также подверг критике предложенное Софией Москаленко и Кларком Маккалли разграничение, предлагая свое определение радикализма как «коллективного выражения индивидуально чувствуемой моральной обязанности участвовать в прямых действиях, законных или незаконных» (Sedgwick 2010: 483).

Марк Седжвик подчеркивает, что повсеместность использования термина «радикализация» в настоящее время как бы предполагает установившийся консенсус относительно его значения, но фактически нынешнее содержание термина («описание того, что происходит до момента, когда бомба сработает») имеет недавнее происхождение, и, более того, сам тер-

мин понимается и используется различными способами (как минимум в трех различных контекстах: контексте безопасности, контексте интеграции и внешнеполитическом контексте, каждый из которых может иметь по меньшей мере два дискурса из нескольких – аналитический, официальный, общественный или политический), что само по себе уже создает серьезную путаницу (Sedgwick 2010: 479).

Как убедительно показывает в своем исследовании М. Седжвик, до 2001 г. термин «радикализация» редко упоминался в прессе, хотя иногда и использовался в научных кругах. Затем в 2005–2007 гг., в частности после мадридских взрывов в марте 2004 г. и лондонских взрывов в июле 2005 г., последовал резкий рост упоминания термина «радикализация», что было связано с таким явлением, как «домашний терроризм» (*home-grown terrorism*), и возникшей необходимостью объяснить его происхождение. Начиная с 2005 г. большинство западноевропейских стран разработали программы «дерадикализации», в результате чего произошла фактическая институционализация термина «радикализация» (Sedgwick 2010: 480).

По мнению Питера Неймана, происхождение нынешнего определения термина связано с тем, что давний и устоявшийся дискурс о «коренных причинах» терроризма и политического насилия, который можно было проследить до начала 1970-х гг., после событий 11 сентября 2001 г. внезапно оказался неудобным с точки зрения определения истоков терроризма, поскольку, по мнению некоторых, мог быть истолкован как попытка объяснить и оправдать убийства ни в чем не повинных гражданских лиц, и только через понятие «радикализации» стало возможно вновь возобновить научную дискуссию (Sedgwick 2010: 480). С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку подобный подход, как указывалось выше, фактически устанавливает прямую связь между радикализацией и террористическим актом.

М. Седжвик пишет, что изначально термин «радикал» ассоциировался с определениями «оппозиционный, противоположный умеренному», и, следовательно, лишь в этом контексте он мог рассматриваться как синоним понятия «экстремист», то есть сторонник крайностей, а «радикализация», в свою очередь, трактовалась как процесс движения от умеренных к крайним позициям (Sedgwick 2010: 481). Исследователь резонно задается вопросом: по каким критериям и относительно чего следует провести черту, отделяющую умеренность от крайних позиций? При том, по оценке М. Седжвика, в разных научных работах радикализм пытались противопоставлять умеренности, «нормальности», реформизму, социальной и политической апатии и т.д. (Sedgwick 2010: 481-483). В результате получался сложный для понимания и применения калейдоскоп критериев радикальности.

Анализ официальных определений понятия «радикал», принятых в правительственных документах пяти стран, позволил М. Седжвику выделить три общих пункта: радикал – это не то же самое, что террорист (террорист считается радикалом, но радикал не считается террористом или, по крайней мере, еще не является террористом); радикал в целом

определяется со ссылкой на понятие «экстремист»; большинство определений рассматривает радикала как угрозу (Sedgwick 2010: 483). В итоге он пришел к выводу, что может быть выделено понятие «угрожающий радикализм» (*threat-radicalism*), который не является равнозначным категории «радикализм» в целом (Sedgwick 2010: 481-484). Выделение такой промежуточной формы представляется нам более взвешенным подходом с учетом того, что большинство других определений радикализма связывают его с насилием или рассматривают насилие как обязательную и даже центральную часть проблемы радикализма. Однако здесь возникает вопрос об обоснованности уравнивания понятий «радикал» и «экстремист». Насколько они равнозначны? Безусловно, эти правительственные документы не претендуют на статус научных исследований, однако, хотим мы того или нет, они в определенной степени формируют исследовательский дискурс, поскольку ни один эксперт не может их игнорировать.

Несколько промежуточный вариант трактовки предложен редакцией «Журнала по изучению радикализма» (*Journal for the Study of Radicalism*), который определяет понятие «радикалы» через противопоставление его понятию «реформаторы» для обозначения групп, стремящихся к революционным альтернативам для гегемонистских социальных и политических институтов и использующих насильственные или ненасильственные средства противодействия власти и осуществления перемен (см. об этом: Christoyannopoulos, Fiscella 2019: 497). Подобный подход, в нашем понимании, выглядит в значительной мере конъюнктурным хотя бы потому, что в историческом прошлом часто реформаторы считались радикалами. Применяя его, мы фактически «затушевывали» бы длительную историю существования этого термина. И в недавнем прошлом, и в настоящее время мы можем выделить немало радикальных реформаторов. Например, реформы М.С. Горбачева – А.Н. Яковлева в СССР или Б.Н. Ельцина – Е.Т. Гайдара в современной России вполне можно трактовать как «радикальный реформизм».

К. Маккали и С. Москаленко подчеркивают, что существует много возможных значений понятия радикализации, но большинство из них соотносятся с обычными социальными и психологическими различиями между верой, чувствами и поведением. Причем именно радикализация поведения вызывает у них наибольшую озабоченность. К. Маккали и С. Москаленко выделяют понятие «политическая радикализация», которая, по их мнению, есть проявление «изменений в убеждениях, чувствах и действиях по поддержке и готовность жертвовать во имя межгруппового конфликта» (McCauley, Moskalenko 2008: 416) и которая может пониматься «как аспект усиления крайности убеждений, чувств и поведения в поддержку межгрупповых конфликтов и насилия» (McCauley, Moskalenko 2008: 428). То есть радикализация де-факто может выступать как многоуровневый процесс, при этом только некоторые ее аспекты признаются несущими угрозу.

Вообще говоря, до терактов 11 сентября 2001 г. исследования по радикализации, как правило, были разобщены, ученые не прилагали усилий для интеграции программ с опорой на разные подходы, отсутствовала единая

повестка для выработки направлений научного поиска. В настоящее время «радикализация» остается спорной концепцией, где по-прежнему нет консенсусного определения, поскольку некоторые ученые отвергают эту концепцию в целом, другие используют ее исключительно для описания процессов, которые завершаются применением насилия, а третьи – включают в проблемное поле как насильственные, так и ненасильственные формы экстремизма (Neumann, Kleinmann 2013: 362).

Как указывает Р. Борум, в течение десятилетия, начиная с 2001 г., Соединенные Штаты и их международные партнеры «метались» между ведением войны против Аль-Каиды, против терроризма, борьбой с «насильственным экстремизмом» и борьбой с идеями и попытками завоевать сердца и умы. В результате этих «метаний» они столкнулись с тем фактом, что силы противника, несмотря на наносимые потери, продолжают восполняться и расширяться. Было необходимо найти возможные способы остановить поток новых сторонников терроризма; в итоге возникла идея сосредоточиться на «радикализации» – процессе развития экстремистской идеологии и убеждений как предвестника терроризма. Предполагалось, что если организовать противодействие идеологическому движению противника, а затем способствовать его смягчению или устранению силы идеологии, то это уменьшит ряды врагов (Borum 2012b: 1).

Питер Нейман и Скот Клейнман пишут, что отличать литературу по радикализации от более широкого корпуса литературы по терроризму и борьбе с терроризмом становится все сложнее, и не в последнюю очередь потому, что *борьба с терроризмом вполне может быть одной из «коренных причин» радикализации* (Neumann, Kleinmann 2013: 366). Получается практически замкнутый круг: чрезмерное насилие или неумелые действия властей в ходе борьбы с терроризмом порождают ответную радикализацию, которая «подпитывает» террористические силы. В качестве выхода они предложили использование максимально широкого определения радикализации «как чего-либо, что относится к тому, как и почему люди становятся экстремистами» (Neumann, Kleinmann 2013: 366). Правда, в этом случае авторы устанавливают прямую связь процессов радикализации с экстремизмом, с чем мы не можем в полной мере согласиться.

Выработаны и противоположные точки зрения. Например, А. Бюттичер подчеркивает, что смысл термина «радикализм», несомненно, претерпел длительную трансформацию в течение более чем 200 лет. По своему содержанию этот термин первоначально являлся маркером просвещенных, либеральных и даже левых политических образований, противостоящих реакционным политическим учреждениям. Радикализм стал политической доктриной, вдохновляющей республиканцев и участников национальных движений, приверженных индивидуальной и коллективной свободе и эмансипации и направленных против монархического и аристократического *status quo* после 1815 г. В то время радикализм был в основном антиклерикальным, антимонархическим и продемократическим. Политические оппоненты в прошлом часто стремились представить радикализм как революционный, преимущественно левый, а главное, как «подрывную

силу», что в последнее время применяют часто и к религиозному радикализму. Однако, как указывает А. Бюттичер, исторически радикализм более тесно был связан с прогрессивным реформизмом, чем с утопическим экстремизмом – явлением, возникшим гораздо позже и развивавшимся параллельно. Считаем уместным привести его развернутое определение, подчеркивающее принципиальные особенности радикализма и экстремизма: «Радикализм относится к политической доктрине, принятой общественно-политическими движениями в пользу как индивидуальной, так и коллективной свободы и освобождения от правления авторитарных режимов и иерархически структурированных обществ. В этом смысле радикализм, ратующий за радикальные политические перемены, представляет собой форму враждебности против status quo и его установлений... Радикализм как идеологическое мышление, как правило, очень критичен по отношению к существующему status quo, преследуя цель перестройки и/или свержения устаревших политических структур. Своими противниками радикалы часто изображаются насильственными; но это только отчасти правильно, поскольку радикализм, как правило, ассоциируется исторически больше с прогрессивным реформизмом, чем с утопическим экстремизмом, прославляющим насилие, которое он отклоняет. Радикализм эмансипативен и не стремится подчинять людей и обеспечивать подчинение, как экстремизм. Радикальные дискурсы содержат утопические идеологические элементы, но они не прославляют далекое прошлое. Несмотря на нежелание поступиться своими идеалами, радикалы открыты для рациональных аргументов в отношении средств достижения их целей. В отличие от экстремистов, радикалы не обязательно выбирают крайние средства для достижения своих целей. В противоположность экстремистам, которые отвергают экстремистский ярлык, радикалы, как правило, открыто самоидентифицируют себя как радикалов» (Bötticher 2017: 74-75).

Также А. Бюттичер приводит следующие основные различия между радикализмом и экстремизмом: «Под радикализмом и экстремизмом понимаются социально-политические силы, существующие на краях либерально-демократического общества. Несколько элементов могут помочь нам отличить один от другого:

1. Радикальные движения, как правило, используют политическое насилие прагматично и избирательно, в то время как экстремистские движения рассматривают насилие против своих врагов как законную форму политических действий и склонны принимать крайние формы массового насилия как часть своего политического кредо.

2. Оба “-изма” содержат повествовательную ссылку на то, что лежит за пределами настоящего. В случае экстремизма есть сильный палингенетический элемент; радикализм больше смотрит на “золотое будущее” для всех, чем стремится к восстановлению якобы “золотого прошлого” для приверженцев собственного вероучения.

3. Экстремизм по своей природе является антидемократическим; он направлен на отмену конституционной демократии и верховенства права. Радикализм является эмансипативным, а не антидемократическим.

Экстремистские движения не могут быть интегрированы в либерально-демократические общества из-за их нетерпимости к идеологиям, отличным от их собственной. Демократии могут жить с радикалами, но не с бескомпромиссными, агрессивными экстремистскими боевиками.

4. Экстремисты открыто противостоят понятию универсальных прав человека и тем институтам, которые служат поддержанию их для всех. Радикализм не противится равным правам человека; исторически прогрессивные радикалы стремились распространить права человека на обездоленные слои населения.

5. Экстремисты хотят закрыть открытый “рынок идей”. Радикалы одновременно выступают за путь действий, который сильно отличается от сохранения status quo, но не стремятся закрывать открытые общества и разрушать разнообразие в обществе, что желают осуществить экстремисты. Вопреки радикализму, экстремизм является крайним как в своих целях, так и в выборе средств для их достижения.

6. Радикализм выступает в бунтарской оппозиции против истеблишмента; экстремизм, в свою очередь, направлен не только против истеблишмента, но и против всех тех, кто не принимает его догматических рецептов трансформации общества.

7. Когда они численно слабы, радикалы могут перейти из основного общества в формат упорного изоляционизма / нишевой культуры, сосуществующей с различными сообществами и не ищущей постоянной прямой конфронтации с основным обществом. С другой стороны, экстремисты постоянно ведут провокационную и агрессивную деятельность, направленную против установленного порядка.

8. Экстремизм характеризуется специфической моралью, действительной только для его собственных членов. Радикализм же ориентирован в большей степени на универсальную мораль.

9. Понятие экстремизма тесно связано с авторитарными диктатурами и тоталитаризмом. Исторически сложилось так, что радикализм был более эгалитарным и менее элитарным, в то время как экстремисты часто являются расистами, выступающими против суверенитета простых людей.

10. Радикализм сильно опирается на политическое наследие Просвещения XVIII века с его идеями о человеческом прогрессе и его вере в силу разума. Экстремизм, в свою очередь, связан с иррациональными, обычно религиозными и фанатичными системами убеждений, которые претендуют на монополию истины, на основе которой они стремятся трансформировать общество в соответствии с их ретроградным видением» (Bötticher 2017: 75-76).

В целом А. Бюттичер утверждает, что, хотя радикализм и экстремизм находятся на крайних позициях и хотя и те и другие могут применять насилие в достижении своих целей, у них принципиально разное отношение к нему, а значит, критерий применения насилия нельзя использовать как основание для уравнивания этих двух явлений; они по существу разные.

Таким образом, мы видим широкий спектр подходов к определению понятия «радикализация», значительная часть из которого обусловлена конъюнктурой глобальной борьбы с терроризмом. В стремлении содействовать этой борьбе фактически произошло «размывание» границ понятия «радикализация» и смешивание его с понятиями «экстремизм» и «терроризм». Лишь часть исследователей, в частности А. Бюттичер, отстаивают классическое определение понятия «радикализм» как приверженности взглядам, отличным от мейнстрима, и не допускают смешивания его с другими понятиями. И только некоторые ученые предпринимают попытки найти компромиссное объяснение содержания этого понятия, выделив некую промежуточную категорию (например, «насильственная радикализация»). В этой связи представляется необходимым более подробно осветить подходы исследователей к определению разновидностей процесса радикализации.

2. Разновидности радикализации. Д. Барлетт и К. Миллер предложили четко разграничивать два вида радикализации. Первая из них – насильственная радикализация, или радикализация, ведущая (приводящая) к насилию (*violent radicalization*), – представляет собой, по мнению указанных авторов, процесс, в ходе которого отдельные лица приходят к принятию насилия, напрямую участвуют или помогают в террористической деятельности; второй вид – радикализация, не приводящая к насилию, ненасильственная радикализация (*non-violent radicalization*), – трактуется как процесс, с помощью которого отдельные лица приходят к поддержке радикальных взглядов в отношении *status quo*, но не принимают, не участвуют и не помогают террористической деятельности.

Таким образом, вводится новое понятие «ненасильственная радикализация», которое фактически остается в правовом поле, причем Д. Барлетт и К. Миллер утверждают, что среди радикалов ее представители составляют большинство, по крайней мере более широкую когорту, чем лица, охваченные «радикализацией, ведущей к насилию». Они подчеркивают, что, хотя путь к терроризму часто описывается как процесс радикализации, сама по себе последняя является скорее процессом, в ходе которого личность знакомится с откровенно идеологическим посланием или системой убеждений, стимулирующими ее движение от приверженности умеренным взглядам, от мейнстрима, к крайним взглядам. Поэтому «быть радикалом означает отвергать *status quo*, но не обязательно в насильственной или даже проблематичной манере», и, хотя «некоторые радикалы ведут, поддерживают или поощряют терроризм, многие другие радикалы не делают этого и активно и часто эффективно агитируют против него» (Bartlett, Miller 2012: 2).

Причем исследователи ставят под сомнение и степень воздействия радикальной среды (ненасильственного характера) на процессы радикализации, ведущей к насилию (Bartlett, Miller 2012). Как уже упоминалось выше, А. Шмид подчеркивал, что термин «насильственная радикализация» в Европе был включен в академическую дискуссию после взрывов бомб в Мадриде (2004) и Лондоне (2005) политиками, придумавшими его, и он стал

своего рода «политическим шибболетом», несмотря на отсутствие точности в его формулировках (Schmid 2013).

Так, применительно к исламскому контексту, что сейчас крайне актуально за рубежом, ненасильственными радикалами, по мнению Д. Барлетта и К. Миллера, следует считать тех, кто выражает значительное несогласие с преобладающими нормами, например в случае, если одно или несколько мнений индивида в достаточной степени отличаются от общестранового отношения своей ортодоксальностью по одному или нескольким ключевым вопросам религиозного, социального, политического или культурного характера (отношения между церковью и государством, роль религии в правовой системе и т.п.) или по вопросу о правильности применения силы в международных конфликтах по борьбе с терроризмом. При этом степень ненасильственного радикализма также может существенно различаться (например, индивид одобряет внедрение норм шариата или же уже активно агитирует за это) (Bartlett, Miller 2012).

«Группа экспертов по насильственной радикализации» (учреждена Европейским союзом в 2006 г.), предложила в 2008 г. следующее рабочее определение насильственной радикализации: это социализация в сторону экстремизма, которая проявляется в терроризме (Radicalisation Processes... 2016: 284–285). Тем самым как бы объявляются тождественными понятия «насильственная радикализация», «экстремизм» и «терроризм», что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку насильственная радикализация, очевидно, может вести и к иным формам политического насилия, кроме терроризма.

Другие исследователи пытаются ставить знак равенства лишь между понятиями «насильственная радикализация» и «экстремизм», что также вызывает некоторые вопросы. Например, ключевой вопрос, разделяющий многих исследователей, заключается в том, что следует включать в понятие «экстремизм» – взгляды (идеи и убеждения) или только поведенческий экстремизм (совершенные действия). В таком случае получается, что в первом контексте «экстремизм» де-факто становится идентичным понятию «радикализм». Подобный подход закреплен и в некоторых правительственных документах; так, в 2015 г. британское законодательство определило экстремизм как «призывы или действия, противостоящие фундаментальным британским ценностям (включающим в себя демократию, верховенство права, свободу личности и взаимное уважение и толерантность к различным религиям и верованиям), также как призывы к убийству военнослужащих британской короны» (Pilkington 2019).

С подобной трактовкой не согласен А. Шмид, который подчеркивает, что, «хотя радикалы могут быть насильственными или ненасильственными, они в то же время могут быть демократами или нет, а экстремисты никогда не являются демократами. Их образ мышления не терпит разнообразия. Они также поддерживают применение силы для получения и сохранения политической власти, хотя они могут быть расплывчатыми и двусмысленными по этому поводу в своих публичных заявлениях, особенно когда они все еще находятся в уязвимом положении.

Экстремисты, как правило, имеют негибкое «закрытое мышление», придерживаясь упрощенной однофакторной интерпретации мира, где вы находитесь либо с ними, либо против них, являетесь или частью проблемы, или частью ее решения. Радикалы, напротив, исторически имели тенденцию быть более открытыми к рациональности и прагматичному компромиссу, не отказываясь от поиска корня проблемы (первоначальное значение слова «радикал» происходит от *radix*, латин. «корень», «коренной»). Радикализм изменяем – радикальный боевик может вернуться в мейнстрим, а среди экстремистских боевиков таких гораздо меньше. Поэтому имеет смысл различать (непредвзятых) радикалов и (замкнутых) экстремистов. Если это различие будет принято, то главной проблемой является не радикализация к радикализму (даже когда это приводит к некоторым формам политического насилия), но обращение к экстремизму (который положительно воспринимает насилие в политике и может привести к терроризму и другим серьезным актам, таким как геноцид)» (Schmid 2013: 10). На наш взгляд, это вполне состоятельный подход к проблеме; добавим, что также следует различать понятия «радикализация», «насильственная радикализация» и «экстремизм», которые, хотя и имеют некоторые общие черты, обладают принципиальными различиями.

Помимо указанных позиций необходимо упомянуть о том, что существуют два мнения западных органов безопасности и лиц, ответственных за контртерроризм, о так называемых *ненасильственных экстремистских организациях*: одни полагают их «конвейерными лентами» для некоторых своих членов организаций на пути к терроризму, в то время как другие считают их «огненной стеной», не позволяющей радикально настроенным молодым людям «скользить» дальше по направлению к терроризму, причем, как указывает А. Шмид, уже в самом названии «ненасильственный экстремист» заложено некоторое логическое противоречие (Schmid 2013: 10). Например, Королевская прокуратура Великобритании определяет «насильственный экстремизм» как «демонстрацию неприемлемого поведения с использованием любых средств или средств для выражения мнений, которые порождают, оправдывают или прославляют террористическое насилие в поддержку конкретных убеждений, включая те, которые провоцируют насилие (террористическое или преступное) по идеологическим, политическим или религиозным убеждениям и разжигают ненависть, которая ведет к насилию» (Schmid 2013: 10-11).

Как итог, подчеркивает А. Шмид, термины «насильственный экстремизм», «политическое насилие», «политический терроризм» и «терроризм» начинают использоваться взаимозаменяемо в научной литературе и в правительственных документах ряда стран; в результате нет четкого разграничения этих понятий (следовательно, делает вывод автор, необходимо признать их относительный характер) и появляется нежелательная тенденция уравнивания понятия «радикализм» с понятием «экстремизм» и их обоих – с понятием «терроризм», под которым понимается в целом использование антигосударственного политического насилия (Schmid 2013: 11).

Однако не всякое применение политического насилия является террористическим или экстремистским; также и политическое насилие, хотя и входит в противоречие с национальными законами, не всегда по сути своей незаконно, особенно в контексте народного сопротивления крайне репрессивным недемократическим режимам, как в случае «арабской весны» (Schmid 2013: 13).

Попытки осмыслить по существу оспариваемые и часто абстрактно используемые и нечеткие концепции, такие как «радикализм» и «экстремизм», с академической точки зрения (то есть без каких-либо политических коннотаций) могут выглядеть как бесполезное занятие. И радикализм, и экстремизм находятся на некотором отдалении от политического мейнстрима – политически умеренной позиции, основной в демократических обществах. При этом центристская позиция на политическом поле может сдвигаться, что делает определение радикальных и экстремистских крайностей более сложной задачей. Основным выводом, который сделала А. Бюттичер, как мы помним, заключается в том, что радикализм может быть расположен в границах демократического консенсуса, в то время как экстремизм однозначно лежит за его пределами. Хотя значения этих двух концепций могут иногда в определенной степени пересекаться, их не следует уравнивать. Столкнувшись с радикализмом демократические политические системы показали способность впитывать радикальные требования путем перехода на разумный компромисс. Имея дело с экстремизмом, демократические системы и плюральные общества не могут найти компромисс с догматическими требованиями, базирующихся на религиозных идеологических конструкциях, которые не получают разумной основы в социальных реалиях. Связи же между радикализмом и терроризмом еще более слабые, чем между экстремизмом и терроризмом. В этом смысле использование термина «радикализация» для обозначения поворота к конкретной форме политического насилия, а именно к терроризму, является, по мнению А. Бюттичер, прискорбным, но, возможно, тем не менее необратимым в нынешнем общественно-политическом дискурсе. Опасность же его заключается в том, что все формы «радикального восстания» – даже законное сопротивление коррумпированным и насильственным авторитарным режимам – могут быть теперь дисквалифицированы как «нелегитимный экстремизм», что создает опасный потенциальный эффект «влечения» продемократических радикалов в «объятия» антидемократических экстремистов. Многие авторитарные режимы склонны поддерживать идею уравнивания радикализма с экстремизмом, поскольку это позволяет им утверждать, что единственной альтернативой в нынешней геополитической ситуации является выбор между относительной стабильностью, которую только они якобы и могут предложить, и насильственным экстремизмом в форме джихадистского терроризма (Bötticher 2017).

Еще одним термином, активно используемым в настоящее время, как уже упоминалось, стал «ненасильственный экстремизм». К нему обращаются часто для обозначения исламистских фундаменталистов, которые не являются активными джихадистами и которые придерживаются

экстремистских взглядов без политической воли воплотить эти мысли в действия (Bötticher 2017). А. Бюттичер предложила для данного понятия следующее определение: «...экстремизм характеризуется идеологической позицией, занятой этими движениями против истеблишмента, которые понимают политику как борьбу за верховенство, а не как мирную конкуренцию между партиями с различными интересами в поисках народной поддержки для продвижения общего блага. Экстремизм существует на периферии общества и стремится завоевать центр, создавая страх перед врагами как внутри, так и вне общества. Они делят сограждан и иностранцев на друзей и врагов, не оставляют места для разнообразия мнений и альтернативных стилей жизни. Экстремизм в силу своего догматизма нетерпим и не желает компромисса. Экстремисты, рассматривая политику как «игру с нулевой суммой», склонны – если обстоятельства позволяют – участвовать в агрессивных боевых действиях, включая преступные действия и массовое насилие в своей фанатичной воле к обретению и удержанию политической власти. Там, где экстремисты получают государственную власть, они склонны разрушать социальное разнообразие и стремятся обеспечить всеобъемлющую гомогенизацию общества, основанную часто на вере в идеологию с апокалиптическими чертами. На уровне общества экстремистские движения являются авторитарными, и если экстремистские правители оказываются у руля власти, то они склонны становиться тоталитарными режимами. Экстремисты прославляют насилие как механизм разрешения конфликтов и выступают против конституционного государства, демократии на основе воли большинства, верховенства права и концепции всеобщих прав человека (Bötticher 2017: 74). Таким образом, даже между «ненасильственными экстремистами» и «радикалами» сохраняется огромная дистанция.

Подобную точку зрения выдвигает и А. Шмид, который выделяет на основе анализа исторического контекста два основных элемента радикализма, отражающих соответственно мысль/отношение и действие/поведение: 1. Выступление за радикальные политические перемены, основанное на убежденности в том, что *status quo* является неприемлемым, и в то же время радикально настроенным лицам представляется возможной принципиально иная фундаментальная альтернатива; 2. Средства, пропагандируемые для достижения радикального решения, преобразующего государственную и общественную системы, могут быть ненасильственными и демократическими (путем убеждения и реформ) или насильственными и недемократическими (посредством принуждения и революции) (Schmid 2013: 8). Таким образом, радикалы сами по себе не всегда характеризуются как насильственные, и, хотя они могут иметь определенные схожие характеристики с (насильственными) экстремистами, между ними также обнаруживаются существенные различия, например в отношении готовности прибегать к критическому мышлению; следовательно, радикальное отношение вовсе не должно приводить к насильственному поведению (Schmid 2013: 8).

Не менее активно используется в зарубежной литературе термин «террористическая радикализация» (*terrorist radicalization*) (Helmus 2009: 73).

Руководство, подготовленное ОБСЕ, дает следующее определение соответствующего понятия: «Террористическая радикализация – это процесс, в результате которого человек принимает террористическое насилие как допустимый или даже правильный образ действий. В конечном итоге это может, хотя и не обязательно, привести данное лицо к пропаганде или поддержке терроризма либо к участию в террористической деятельности» (Предупреждение терроризма... 2014, 41). Одновременно авторами этого руководства используется и термин «насильственный экстремизм», причем, судя по смыслу текста, этот термин, очевидно, рассматривается ими как синоним «террористической радикализации» или «радикализации, ведущей к терроризму».

Таким образом, говоря о разновидностях «радикализации», мы наблюдаем не меньшую путаницу, нежели с определением собственно самого понятия. Для того чтобы обеспечить решение практических задач, были выделены категории «насильственная радикализация» и «террористическая радикализация», которые фактически оказались близки или даже, возможно, идентичны понятию «насильственный экстремизм», при том что, как выше было убедительно показано, совершенно очевидны принципиальные отличия радикализма и экстремизма. Понятие «ненасильственный экстремизм» также не может рассматриваться как форма радикализации в ее классической интерпретации, а некоторые исследователи вообще не видят различия между насильственным экстремизмом и его ненасильственными формами (Schmid 2014). Можно попытаться осмыслить границы понятия «радикализация» через анализ его сущностных характеристик в работах зарубежных авторов.

3. Характеристики процессов радикализации. Имеется много попыток представления *насильственной радикализации* как процесса, состоящего из отдельных этапов, через которые проходят отдельные лица до совершения насилия.

Например, Департамент полиции Нью-Йорка выделяет в нем четыре отдельные и последовательные фазы: предрадикализацию, самоидентификацию, индоктринацию и джихадизацию (Bartlett, Miller 2012).

Р. Борум предлагает четырехэтапную концептуальную модель формирования «террористического мышления» на основе анализа истории нескольких насильственных экстремистских групп. Цель данной модели заключается в том, чтобы объяснить, как обиды и неудовлетворенность преобразуются в ненависть к определенной группе и как ненависть трансформируется – для некоторых – в оправдание или даже в стимул к насилию. Четырехэтапный процесс «запускается» с какого-либо события, условия или жалобы, воспринимаемых как неправильное действие, которое затем начинает трактоваться как целенаправленная несправедливость; далее следует обвинение определенной политики, отдельного человека, группы или даже нации как причины этой несправедливости, а уже на следующем этапе они очерняются и часто демонизируются, чтобы облегчить оправдание насилия или стимулировать агрессию (Borum 2012a: 39-39).

Фатхали Могоадам использует метафору «лестница из шести ступеней», где каждый шаг представляет собой необходимое психологическое условие для следующего. Так, мобилизация на базе этой лестницы привязываются к ситуации, когда люди испытывают чувство лишения и воспринимают те или иные события как несправедливые; затем они переходят к следующему шагу, когда начинают искать варианты борьбы с этой несправедливостью; на более поздних этапах человек отключается от общепринятых основных ценностей (Vorum 2012a: 38-39).

А. Глейс и К. Попе (Glees, Pope 2005) выдвинули тезис о существовании процесса «конвейерной ленты» от исламизма до терроризма, в частности они увидели взаимосвязь между деятельностью экстремистской исламистской группировки «Хизб ут-Тахрир» и исламских студенческих сообществ в университетских кампусах Лондона (и в других местах в Великобритании) и вербовкой британских студентов-мусульман в террористические организации (цит. по: Bartlett, Miller 2012: 13).

Между тем Д. Шанзер, К. Курцман и Э. Мусса по результатам исследования опыта молодых американских мусульман показали, что политический опыт и политическая мобилизация являются важнейшим фактором, препятствующим радикализации, «включая насильственную радикализацию» (Bartlett, Miller 2012: 7). Причем участие, в том числе в ненасильственных экстремистских организациях, очевидно, такой опыт молодым мусульманам может предоставить.

А. Вилнер и К.-Дж. Дуболоз считают, что «радикализация – это персональный процесс, в рамках которого индивидуумы принимают экстремистские политические, социальные и/или религиозные идеалы и стремления и оправдывают использование неизбирательного насилия для достижения определенных целей» (Wilner, Dubouloz 2010: 50), при этом подчеркивают, что «радикализация – это как ментальный, так и эмоциональный процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий» (Wilner, Dubouloz 2010: 38). Хотя в данной работе «радикализация» рассматривается исключительно как процесс приобщения личности к насилию, тем не менее, в ней подчеркивается, что «насильственное поведение происходит на заключительном этапе и является отражением укрепления и расширения возможностей новой идентичности, ценностей и системы убеждений» (Wilner, Dubouloz 2010: 48).

Определения же понятия «радикализация», принятые в национальных службах безопасности различных стран, демонстрируют значительное разнообразие подходов. Они, как правило, ориентированы на поддержание *status quo* и не сочувствуют тем, кто разочарован в существующем положении вещей и хочет изменить его иными, чем не ненасильственные, средствами:

1. «...процесс, в рамках которого человек в большей степени принимает использование недемократических или насильственных средств, включая терроризм, в попытке достичь конкретной политической/идеологической цели» (Датская служба безопасности и разведки) (Schmid 2013: 12);

2. «...осуществление и/или поддержка далеко идущих изменений в обществе, потенциально представляющих опасность для демократического

правопорядка, что может включать в себя использование недемократических методов, которые способны нанести ущерб функционированию демократического правопорядка» (Общая служба разведки и безопасности Нидерландов) (Schmid 2013: 12);

3. «...процесс принятия экстремистской системы убеждений, включая готовность использовать, поддерживать или содействовать насилию как методу осуществления социальных изменений» (Департамент национальной безопасности США) (Schmid 2013: 12);

4. Радикализация может быть как «процессом, который ведет к идеологическому или религиозному активизму для радикального изменения общества», так и «процессом, который приводит к тому, что человек или группа используют, поощряют или пропагандируют насилие в политических целях» (Шведская служба безопасности) (Schmid 2013: 12).

Таким образом, в первом случае упор делается на недемократические или насильственные средства, во втором идет речь о далеко идущих изменениях в обществе, в третьем – о принятии экстремистских убеждений и в последнем – о насилии в политических целях. Одни дефиниции на вопрос «радикализация в сторону чего?» отвечают: «в сторону политического насилия», другие – «в сторону терроризма» и третьи – «в сторону насильственного экстремизма» (Schmid 2013: 12).

Х. Пилкингтон определяет радикализацию как «процесс, с помощью которого отдельные лица или группы начинают разделять убеждения или принимать участие в действиях, которые поддерживают насилие в стремлении к экстремистским целям». Одновременно он указывает, что в научной литературе относительно процесса радикализации существует несколько ключевых споров: 1) это «абсолютное понятие» (связанное с фиксированным результатом, то есть с терроризмом или насильственным экстремистским поведением) или «относительное понятие», то есть обозначающее переход к более радикальной позиции независимо от того, является ли конечная позиция «экстремистской» или даже «насильственно экстремистской»? 2) обнаруживается ли этот конечный экстремизм в поведении или идеях? (Pilkington 2019).

Идею, что «радикализация» – это процесс любого смещения в сторону радикальной позиции, а не только конечный результат этого движения, выражающийся, например, в терроризме или в насильственных действиях, поддерживает также М. Седжвик (Sedgwick 2010), а о необходимости выделения двух уровней радикализации – уровня идеологии (установок и ценностей) и уровня поведения – заявляет А. Шмид (Schmid 2013: 18). При этом, по мнению ряда авторов, сосредоточение внимания на «процессе» позволяет политикам говорить о коренных причинах политического насилия и использовать анализ этих причин для обоснования политики и программ противодействия радикализации, в то время как критики такого подхода утверждают, что дискурс радикализации не приводит к объективному исследованию того, как возникает терроризм, но в нем доминирует стремление авторов контртеррористических стратегий разработать «индикаторы» радикализации, которые придали бы определенным группам населения

(особенно среди мусульман) характер «подозрительных общин» (Kundnani 2012: 5).

Омар Ашур определяет радикализацию как процесс относительных изменений, в ходе которого группа проходит через идеологическую и/или поведенческую трансформацию, ведущую к отказу от демократических принципов (включая мирную смену власти и легитимность идеологического и политического плюрализма) и, возможно, к использованию насилия либо расширению использования насилия для достижения политических целей (Ashour 2009). Некоторые исследователи стремятся различать в связи с этим насильственную радикализацию и ненасильственную радикализацию или вообще ставят под вопрос валидность самой концепции радикализации применительно к поиску причин терроризма (Koehler 2017).

Так, в качестве альтернативы Р. Борум предложил термин «радикализация в насильственный экстремизм» (*Radicalization into Violent Extremism*) для обозначения множества процессов, с помощью которых люди не только принимают убеждения, оправдывающие насилие, но и совершают его, и того, как они продвигались от мыслей к действию (Borum 2012b: 2). При этом он выделяет не только категорию «радикализация», которая для него означает процесс принятия крайних идеологий и убеждений, но и понятие «пути действия» для описания процесса участия в террористической деятельности или вовлечения в экстремистскую активность, что представляется достаточно интересным подходом.

Таким образом, в анализе характеристик процесса радикализации мы наблюдаем схожую ситуацию – абсолютно противоположные утверждения и смешение понятий. Причем существует очень широкий спектр подходов: от утверждения о полном отсутствии связи между радикализацией и терроризмом через признание вариативности результатов радикализации до сведения радикализации исключительно к процессу формированию террористов. Мы попробуем выявить, насколько обоснованы риски радикализации в работах зарубежных авторов, иными словами, посмотрим, как они описывают эти риски.

4. Риски радикализации. По нашему мнению, необходимо провести некоторую «реабилитацию» термина «радикализм». Радикализм как явление и радикализация как процесс не идентичны экстремизму и тем более терроризму. Здесь уместно привести ссылку на две выше упомянутые концепции, объясняющие роль радикализма в рамках исследований терроризма. Одна из них, как мы помним, утверждает, что радикализм становится первым шагом на пути «террористического конвейера» и ведет в конечном счете к вооруженному насилию, согласно другой радикализм выполняет роль «огненной стены», препятствующей распространению вооруженного насилия, «поглощая» излишнюю энергию насилия (Lynch 2016). Таким образом, в ряде случаев радикализм и радикализация могут сдерживать распространение насилия. В целом же радикализм и радикализация в значительной степени являются следствием реакции общества на существующие социально-политические и социально-экономические проблемы и поэтому должны рассматриваться, в первую очередь, через призму борьбы за по-

литическую и социальную справедливость, а не исключительно в контексте исследования феномена терроризма.

Подобного подхода придерживаются, например, авторы руководства «Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением», подготовленного ОБСЕ. Они подчеркивают: «Радикализация не представляет собой угрозу обществу, если она не связана с насилием или другими противозаконными действиями (такими как, например, разжигание ненависти), определенными в законодательстве в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Радикализация может способствовать благотворным переменам. Например, защитники политических прав и прав человека, которые боролись за отмену рабства и за всеобщее избирательное право, в свое время считались радикалами, поскольку они противостояли взглядам, преобладавшим в тот момент в обществе» (Предупреждение терроризма... 2014: 41).

Тем не менее, начиная с 2004 г. термин «радикализация» занимает центральное место в исследованиях по вопросам терроризма и выработке политики в области борьбы с терроризмом, поскольку для правительств США и европейских стран концепция радикализации стала главной вехой «войны с террором» и предоставляет новые возможности для наблюдения за мусульманскими меньшинствами в целях предотвращения экстремизма (Schmid 2013: 1). Насколько обоснованно использование этой концепции и что она дает для понимания «корней» терроризма? Приведенный выше обзор демонстрирует скептицизм целого ряда авторов относительно эффективности такого подхода; более того, отдельные исследователи признают значительные угрозы соблюдению прав человека и демократических свобод вследствие его применения.

При этом «практически забылось, что быть радикалом – это не нарушение закона, но даже если и нарушение – это нарушение может быть легитимным. Большинство современных демократических государств не существовали бы, если бы некоторые радикалы не взяли на себя организацию восстания против иностранного ига или автократического режима» (Coolsaet 2016: 260).

Исследователи «домашнего терроризма» констатируют, что «десять лет практики контртерроризма научили нас, что многие люди говорят очень жестокие вещи, но у совсем немногих это сопровождается насильственными действиями» (Sageman 2016: 117).

Рэнди Борум подчеркивает в этой связи, что «усилия по сосредоточению внимания на «радикализации» и «радикальных идеологиях», с тем чтобы предупредить терроризм, столкнулись с серьезным вызовом: большинство радикалов не занимаются терроризмом, а многие террористы не «радикализировались» в любом традиционном смысле. Приверженность радикальным убеждениям не имеет отношения к борьбе с терроризмом или к продвижению более широких интересов глобальной безопасности, фанатичное принятие идеологии не является ни проводником, ни необходимым предвестником терроризма, а объединение этих двух концепций

подрывает способность эффективно противодействовать любой из них» (Borum 2012b: 2).

Таким образом, целый ряд ведущих исследователей обоснованно ставят под сомнение риски радикализации относительно возникновения терроризма, при том что данное мнение продолжает оставаться, к сожалению, мейнстримом в этом дискурсе.

Заключение. На наш взгляд, под «радикализацией» сейчас принято понимать а) процесс, в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований, либо б) процесс, связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей. Правда, в последнем случае нет ясности относительно того, какими должны быть критерии отнесения методов борьбы к радикальным. Их противоправность? Или существуют какие-то иные критерии? В случае использования противоправности как критерия понятие «радикализация» становится сопоставимым с понятиями «экстремизм» и «терроризм», которые как раз и акцентирует внимание на крайних методах борьбы, связанных с насилием. При этом «противоправность» оказывается весьма относительным понятием, поскольку воля законодателя легко может «передвинуть» эту границу в тех или иных целях. Наверное, в этом контексте правильнее было бы использовать именно понятия «экстремизм» и «терроризм», а не категорию «радикализация». В классической литературе, как правило, изначально не сопровождалось негативной коннотацией понятие «радикализм» (Сергеев 2011), а значит, и процесс приобщения к радикальным взглядам сам по себе не нес негативной оценки, если не был связан с применением насилия. На наш взгляд, понятие «радикализация» не может быть признано тождественным понятию «экстремизм» в плане использования насилия как средства борьбы, поскольку радикализм постулирует иное отношение к насилию, исключая его абсолютизацию как средства преобразований. Случаи же террористической радикализации следует вынести за пределы классического понятия «радикализация», используя предложенное Р. Борумом понятие «радикализация в насильственный экстремизм».

Для комплексного понимания процесса радикализации мы полагаем разумным различать следующие уровни радикализации, которым присущи особые характеристики процессов и специфические конфигурации факторов, этот процесс обуславливающих:

- индивидуальный (радикализация личности);
- микросоциальный (радикализация определенной группы);
- макросоциальный (радикализация общества).

Рациональным представляется выделять и типовые *траектории* радикализации. Сюда отнесем:

- «радикализацию идей» (распространение радикальных идей, не связанных с насилием как средством достижения целей);
- «радикализацию действий» (ситуация радикализации, когда распространение радикальных идей сопровождается тезисом о необходимости активных действий или даже реализацией таких действий,

включая и насильственные, однако эти действия носят ограниченный, прагматичный характер и, как правило, не связаны с террористической деятельностью);

– «радикализацию в терроризм», «террористическую радикализацию» или «радикализацию в насильственный экстремизм» (особая траектория радикализации, когда распространение радикальных идей сопровождается использованием террористических методов борьбы, однако это носит избирательный и прагматичный характер; ее специфическая особенность заключается также в том, что подобный вид радикализации может охватывать только индивидуальный или микросоциальный уровень, в отличие от первых двух траекторий).

Что касается рисков радикализации, то, на наш взгляд, было бы логично говорить о нескольких этапах ее проявления, что позволяет выявить новые ракурсы изучаемого явления. В частности, целесообразно выделение следующих этапов:

1. Зарождение и циркуляция радикальных идей в обществе.
2. Достижение критической массы сторонников радикальных идей в обществе.
3. Переход к радикальным действиям ненасильственного характера.
4. Переход к насильственным действиям.

Причем очевидно, что не всегда эти этапы идут последовательно и не всегда процесс радикализации должен включать все четыре выше-названных этапа. Вполне возможен такой вариант развития, когда процессы радикализации в обществе, найдя свое практическое выражение, остановятся на ранних этапах. Соответственно, учитывая этап развития процессов радикализации, мы можем прогнозировать и его вероятные риски.

Отдельно от процессов радикализации необходимо рассматривать такое явление, как экстремизм, который выражается, как показывает анализ литературы, в насильственной либо ненасильственной форме. При этом даже «ненасильственный экстремизм» не может считаться синонимом понятия «радикализм», поскольку базируется на абсолютных иных идеологических принципах. Радикализм де-факто выступает за предоставление равных прав и свобод, в то время как экстремизм требует ограничения прав и свобод для одних за счет предоставления их другим. Например, аболиционисты выступали за предоставление гражданским прав рабам-неграм, а не за порабощение белого населения, так же как и суфражистки требовали равных политических прав для женщин, а не ограничения избирательных прав мужчин.

Кроме того, процессы радикализации следует подразделять и по принципу их идеологической направленности (леворадикальный, праворадикальный, религиозный или религиозно-политический радикализм и т.д.), что придает свою специфику как процессам формирования и распространения идей, так и характеру действий их последователей.

Следует признать, что фактически понятия «радикализм» и «экстремизм» при том что изначально они обладали серьезным объяснительным

потенциалом, сейчас стало сложно использовать для научного анализа, поскольку они в значительной степени, к сожалению, «пали жертвой» политики, отражая актуальные перипетии политической борьбы и часто становясь ярлыками (обычно дискриминирующими, стигматизирующими), которыми элиты, представляющие собой политический мейнстрим, зачастую оперируют в целях дискредитации своих оппонентов и несогласных в обществе. Поэтому анализ проявлений радикализации следует проводить только с учетом конкретных исторических условий и политических процессов, протекающих в определенном обществе. Тем самым подтверждается тезис о нецелесообразности использования на данном этапе понятия «радикализация» как абсолютного.

В настоящее время, мы наблюдаем серьезную эволюцию подходов к определению сущности понятия «радикализация» в западной традиции, одновременно констатируя серьезные противоречия во взглядах современных исследователей по ряду ключевых аспектов. Кроме того, мы находимся в ситуации путаницы и смешения понятий, что создает трудности в применении понятия «радикализация» для прикладного анализа. Объективными задачами на данный момент представляются преодоление указанных разногласий и дальнейшие усилия по формированию более четких границ понятийного аппарата применительно к изучению таких явлений, как «радикализм» и «радикализация», в том числе с опорой на исторически сложившиеся традиции трактовки этих явлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением, 2014. Вена : ОБСЕ. 238 с. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

Сергеев С.А. 2011. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. URL: https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstreizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Сокирянская Е. 2019. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе?, 30.01.2019 // Кавказский узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/ (дата обращения: 15.02.2021).

Стародубовская И.В. (ред.) 2020. Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика / Е.А. Варшавер, Э.Ш. Идрисов, Э. Маркварт, Э.А. Паин, А.В. Ситников, И.В. Стародубовская ; под ред. И.В. Стародубовской. Москва : Проспект. 318 с.

Ashour O. 2009. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming armed Islamist movements. London ; New York : Routledge. 224 p.

Bartlett J., Miller C. 2012. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization // Terrorism and Political Violence. Vol. 24, iss. 1. P. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2011.594923.

Borum R. 2012a. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. Vol. 4, no. 4. P. 37-62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.

Borum R. 2012b. Rethinking Radicalization // *Journal of Strategic Security*. Vol. 4, no. 4. P. 1-6. URL: <http://scholarcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1> (дата обращения: 15.02.2021).

Bötticher A. 2017. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // *Perspectives on Terrorism*. Vol. 11, № 4. P. 73-77. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (дата обращения: 15.02.2021).

Christoyannopoulos A., Fiscella A.T. 2019. «Religious» Radicalism // *Handbook of Radical Politics* / Ed. by Ruth Kinna and Uri Gordon. New York, NY : Routledge. P. 492-509.

Coolsaet R. 2016. Epilogue. Terrorism and Radicalization: What Do We Now Know? // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by R. Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 259-268.

Dalgaard-Nielsen A. 2010. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know // *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 33, iss. 9. P. 797-814. DOI: 10.1080/1057610X.2010.501423.

Della Porta D. 2008. Leaving underground organizations: A sociological analysis of the Italian case // *Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement* / Ed. by Tore Bjørgo and John Horgan. Abington : Routledge. P. 66-87.

Glees A., Pope C. 2005. When Students Turn to Terror: Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. London : Social Affairs Unit. 126 p.

Helmus T.C. 2009. Why and How Some People Become Terrorists // *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together* / P.K. Davis, Kim Cragin (eds.). RAND National Defense Research Institute. P. 71-109.

Koehler D. 2017. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London ; New York : Routledge. 306 p.

Kundnani A. 2012. Radicalisation: the journey of a concept // *Race & Class*. Vol. 54, iss. 2. P. 3-25. DOI: 10.1177/0306396812454984.

Lynch M. 2016. Is the Muslim Brotherhood a Terrorist Organization or a Fire Wall against Violent Extremism?, 07.03.2016 // *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegieendowment.org/2016/03/07/is-muslim-brotherhood-terrorist-organization-or-firewall-against-violent-extremism-pub-62983> (дата обращения: 15.02.2021).

McCauley C., Moskalenko S. 2008. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 20, iss. 3. P. 415-433. DOI: 10.1080/09546550802073367.

Moskalenko S., McCauley C. 2009. Measuring Political Mobilisation: The Distinction Between Activism and Radicalism' // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 21, iss. 2. P. 239-260.

Neumann P., Kleinmann S.M. 2013. How Rigorous Is Radicalization Research? // *Democracy and Security*. Vol. 9, iss. 4. P. 360-382. DOI: 10.1080/17419166.2013.802984.

Pilkington H. 2019. Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How?, 22 May 2019 // *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*. URL: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism: Report Prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation, 2016 // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by R. Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 269-287.

Sageman M. 2016. The Turn to Political Violence in the West // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by Rik Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 117-129.

Schmid A.P. 2004. Terrorism – The definitional problem // *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 36, iss. 2. P. 375-420.

Schmid A.P. 2013. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. 91 p. URL: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

Schmid A.P. 2014. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. 29 p. URL: <https://opev.org/wp-content/uploads/2019/10/Violent-and-Non-Violent-Extremism-Alex-P.-Schmid.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

Sedgwick M. 2010. The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 22, no. 4. P. 479-494. DOI: 10.1080/09546553.2010.491009.

Williams J. 2016. Why average people decide to become terrorists, 14.06.2016 // *Vox*. URL: <https://www.vox.com/2016/6/14/11923514/terrorist-radicalization-orlando> (дата обращения: 15.02.2021).

Wilner A.S., Dubouloz C.-J. 2010. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // *Global Change Peace & Security*. Vol. 22, № 1. P. 33-51. DOI: 10.1080/14781150903487956.

References

Ashour O. *The De-Radicalization of Jihadists: Transforming armed Islamist movements*, London, New York, Routledge, 2009, 224 p.

Bartlett J., Miller C. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization, *Terrorism and Political Violence*, 2012, vol. 24, iss. 1, pp. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2011.594923.

Borum R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research, *Journal of Strategic Security*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 37-62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.

Borum R. Rethinking Radicalization, *Journal of Strategic Security*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 1-6, available at: <http://scholarcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1> (accessed February 15, 2021).

Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism, *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 73-77, available at: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (accessed February 15, 2021).

Christoyannopoulos A., Fiscella A.T. “Religious” Radicalism, *Ruth Kinna, Uri Gordon (eds.) Handbook of Radical Politics*, New York, NY, Routledge, 2019, pp. 492-509.

Coolsaet R. Epilogue. Terrorism and Radicalization: What Do We Now Know?, *R. Coolsaet (ed.) Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 259-268.

Dalgaard-Nielsen A. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know, *Studies in Conflict & Terrorism*, 2010, vol. 33, iss. 9, pp. 797-814. DOI: 10.1080/1057610X.2010.501423.

Della Porta D. Leaving underground organizations: A sociological analysis of the Italian case, *Tore Bjørge, John Horgan (eds.) Leaving terrorism behind: Individual and*

collective disengagement, Abington, Routledge, 2008, pp. 66-87.

Glees A., Pope C. *When Students Turn to Terror: Terrorist and Extremist Activity on British Campuses*, London, Social Affairs Unit., 2005, 126 p.

Helmus T.C. Why and How Some People Become Terrorists, P.K. Davis, Kim Cragin (eds.). *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together*, RAND National Defense Research Institute, 2009, pp. 71-109.

Koehler D. *Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism*, London, New York, Routledge, 2017, 306 p.

Kundnani A. Radicalisation: the journey of a concept, *Race & Class*, 2012, vol. 54, iss. 2, pp. 3-25. DOI: 10.1177/0306396812454984.

Lynch M. Is the Muslim Brotherhood a Terrorist Organization or a Fire Wall against Violent Extremism?, March 07, 2016, *Carnegie Endowment for International Peace*, available at: <https://carnegieendowment.org/2016/03/07/is-muslim-brotherhood-terrorist-organization-or-firewall-against-violent-extremism-pub-62983> (accessed February 15, 2021).

McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism, *Terrorism and Political Violence*, 2008, vol. 20, iss. 3, pp. 415-433. DOI: 10.1080/09546550802073367.

Moskalenko S., McCauley C. Measuring Political Mobilisation: The Distinction Between Activism and Radicalism', *Terrorism and Political Violence*, 2009, vol. 21, iss. 2, pp. 239-260.

Neumann P., Kleinmann S.M. How Rigorous Is Radicalization Research?, *Democracy and Security*, 2013, vol. 9, iss. 4, pp. 360-382. DOI: 10.1080/17419166.2013.802984.

Pilkington H. Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How?, May 22, 2019, *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*, available at: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (accessed February 15, 2021).

Preventing terrorism and combating violent extremism and radicalization leading to terrorism: A police-community approach, Vienna, OBSE, 238 p., available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf> (accessed February 02, 2021). (in Russ.).

Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism: Report Prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation, R. Coolsaet (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 269-287.

Sageman M. The Turn to Political Violence in the West, Rik Coolsaet (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 117-129.

Schmid A.P. *Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review*, ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2013, 91 p., available at: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (accessed February 15, 2021).

Schmid A.P. Terrorism – The definitional problem, *Case Western Reserve Journal of International Law*, 2004, vol. 36, iss. 2, pp. 375-420.

Schmid A.P. *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2014, 29 p., available at: <https://opev.org/wp-content/uploads/2019/10/Violent-and-Non-Violent-Extremism-Alex-P.-Schmid.pdf> (accessed February 15, 2021).

Sedgwick M. The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion, *Terrorism and*

Political Violence, 2010, vol. 22, no. 4, pp. 479-494. DOI: 10.1080/09546553.2010.491009.

Sergeev S.A. *Studies of extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences*, 2011, 17 p., available at: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (accessed February 15, 2021). (in Russ.).

Sokiryanskaya E. Is it possible to prevent new waves of radicalization in the North Caucasus?, 30.01.2019, *Kavkazskiy uzel*, available at: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/ (accessed February 15, 2021). (in Russ.).

Varshaver E.A., Idrisov E. Sh., Markvart E., Pain E.A., Sitnikov A.V., Starodubrovskaya I.V. *Managing of interethnic and confessional relations: theory and practice*, Moscow, Prospekt, 2020, 318 p. (in Russ.).

Williams J. Why average people decide to become terrorists, June 14, 2016, *Vox*, available at: <https://www.vox.com/2016/6/14/11923514/terrorist-radicalization-orlando> (accessed February 15, 2021).

Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization, *Global Change Peace & Security*, 2010, vol. 22, no. 1, pp. 33-51. DOI: 10.1080/14781150903487956.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василь Тимерьянович Сакаев

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института прикладных политических исследований Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; доцент, кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, г. Казань, Россия; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9921-3799>; Researcher ID: O-7810-2015; Scopus ID: 57189332622; SPIN-код: 4899-0150; E-mail: sakaev2003@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasil T. Sakaev

Candidate of Historical Science, research fellow, Higher School of Economics, Moscow, Russia; Associate professor, Department of International relations, World Politics and Diplomacy of the Kazan Federal University; Kazan, Russia; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9921-3799>; Researcher ID: O-7810-2015; Scopus ID: 57189332622; SPIN-код: 4899-0150; E-mail: sakaev2003@mail.ru



Стовба А.В. Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 73–89.

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73

Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве

Алексей Вячеславович Стовба

Харьковский институт кадров управления,
г. Харьков, Украина
E-mail: stovba34@mail.ru

*Поступила в редакцию 06.02.2021, поступила после рецензирования 18.04.2021,
принята к публикации 22.04.2021*

В статье рассматриваются основные тенденции современного правовопонимания на постсоветском пространстве. В настоящее время можно наблюдать разделение правоведов на тех, кто принадлежит к так называемому классическому правовопониманию, и представителей неклассической («постклассической») правовой мысли; между сторонниками этих направлений идут жаркие дискуссии о соотношении «классики» и «неклассики» в праве. Вместе с тем неклассическая философия права на постсоветском пространстве не просто заимствует идеи и принципы, разработанные западными правоведом, но имеет свою специфику, которая может быть наиболее точно выражена посредством термина «динамическое правовопонимание». Данный термин – собирательное наименование для ряда концепций, разработанных на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI в. Это феноменолого-коммуникативный (А.В. Поляков), диалогический (И.Л. Честнов), темпорально-онтологический (А.В. Стовба) подходы, а также концепция правовой реальности (С.И. Максимов) и некоторые другие. Воззрения всех упомянутых ученых являются самостоятельными и



© Стовба А.В., 2021

оригинальными, но тем не менее они обладают некоторыми общими чертами, которые и позволяют объединить их под названием «динамическое правопонимание». Здесь следует указать прежде всего негативное отношение к реификации права, к попыткам мыслить право исключительно в системе логико-понятийных координат (прежде всего, субъект-объектных отношений), а также к представлениям о праве как о статичном, континуальном *Должном*, с безопасной трансцендентальной дистанции регулирующем сущую действительность. Взамен предлагается понимание права как динамического (дискретного и воспроизводящегося) по своей сути феномена, исходно носящего социальный характер. Автор утверждает, что, несмотря на новизну и оригинальность данных построений, динамическое правопонимание органично вписывается как в отечественный, так и в мировой философско-правовой дискурс. В результате делается вывод о том, что идеи динамического правопонимания могут послужить адекватным концептуальным подходом для целостного осмысления сущности права.

Ключевые слова: классическое правопонимание, неклассическое правопонимание, динамическое правопонимание, правовое бытие, воспроизводство права

Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space

Alexey V. Stovba,

Kharkov Institute of Management Stuff, Kharkov, Ukraine

E-mail: stovba34@mail.ru

Received 06.02.2021, revised 18.04.2021, accepted 22.04.2021

Abstract. The following article is about the main trends of understanding of law in the former Soviet Union. These trends are the so-called “classical” and “non-classical” (“post-classical”) understanding of law; both find itself in the mutual debates between one another. At the same time, non-classical legal philosophy in the former Soviet Union doesn’t take the ideas from the Western thought uncritically, but tries to elaborate its own view on the legal field. The specificity of that view may be characterized by the concept of “dynamic understanding of law”. The similar concept is the common title for the wide range of the doctrines, which were elaborated in Russia, Ukraine and Belorussia on the edge of the centuries. These are, for example, phenomenological-communicative approach of A.V. Polyakov, doctrine of the legal dialogue of I.L. Chestnov, temporal-ontological philosophy of law (A.V. Stovba), the conception of legal reality (S.I. Maksymov) and so on. It’s worth to stress that all the abovementioned legal doctrines are independent from one another and original. But at the same time, they have common features, which allow us to significate it under the common title “dynamic understanding of law”. The similar features are the following: negative position towards the reification of law; towards the attempts to consider law in the frame of subject-object relations; towards the representation of law as the static, continual “Ought”, which regulates its object – “Is” – from the “secure” transcendental distance. Instead, the abovementioned legal philosophers propose to consider law as dynamic (discrete and reproduced) in its core, which originally has social roots and character. At the same time, despite the originality of the similar views to the law, we can find its historical parallels in the national legal discourse, as well in the foreign

legal philosophy. The conclusion is made that the dynamic understanding of law is the adequate conceptual approach to the general reasoning of the legal essence.

Keywords: classic understanding of law; non-classic understanding of law; dynamic understanding of law; legal Being; reproduction of Law

For citation: Stovba A.V. Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 73-89. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73.

Введение. Философско-правовой дискурс начала XXI в. на постсоветском пространстве ознаменовался созданием ряда оригинальных концепций. В их числе следует упомянуть феноменолого-коммуникативную теорию права российского ученого А.В. Полякова, концепцию правовой реальности украинского правоведа С.И. Максимова, диалогический подход к праву российского исследователя И.Л. Честнова, темпоральную онтологию права украинского философа права А.В. Стовбы и некоторые другие. Следствием разработки данных подходов стала оживленная дискуссия, которая велась по двум основным позициям: во-первых, имеют ли перечисленные выше концепции свою специфику, действительно внося оригинальный вклад в осмысление права, либо же подобные «юридические химеры» (Хохлов 2004) являются не чем иным, как «терминологическим переодеванием» давно известных истин (Козлихин 2006), следствием тяги «к запретному плоду философского идеализма» (Мартышин 2016)? Во-вторых, если же все-таки подобные упреки безосновательны, каковы те характерные черты и особенности указанных выше трактовок права, которые кардинально отличают их от предшествующих направлений?

1. Ход дискуссии. Следует отметить, что приведенная критика вызывает резкую обратную реакцию представителей неклассического правоведения (Поляков 2011, Стовба 2017а). Помимо выявления принципиальных точек расхождения классического и неклассического вариантов правопонимания (более полно об этом будет сказано далее) позитивным итогом данных споров стал пересмотр существовавшей до сих пор классификации и периодизации школ и направлений философии права. Так, например, С.И. Максимов в зависимости от того, что предполагается в качестве основы подлинной реальности права, то есть такого пространства, в котором локализируются правовые смыслы, выделил четыре основных способа осмысления правовой реальности: правовой позитивизм, правовой объективизм (исторические и социологические концепции права), правовой субъективизм или, иначе, классические концепции естественного права, правовую интерсубъективность – неклассические концепции естественного права (Максимов 2002b: 34). При этом критериями разделения классических и неклассических подходов выступают их философско-мировоззренческие установки. По словам С.И. Максимова, различие классической и неклассической моделей осмысления права, прежде всего, выражается как различие метафизического и постметафизического типов мышления. Метафизическое мышление проявляется в умозрительном постижении сверхчувственных феноменов права – и естественного (идея права) либо позитивного

(Основная норма), и социологического (абстракция общественных отношений как социальная основа юридических норм) (Максимов 2002b: 114). В то же время для постметафизического (неклассического) мышления права характерны концептуальный переход от моносубъекта к полисубъекту, исключение чисто трансцендентального плана бытия права и поворот к языку как первореальности права, отказ от абстракции «естественного права» в пользу понятия *справедливости* (Максимов 2002b: 115).

Данная классификация получила свое развитие в работах автора настоящей статьи, который выдвинул идею о разделении способов осмысления правовой реальности в целом на классические и неклассические (Стовба 2006: 25). К классическим предлагалось отнести правовой позитивизм, исторические, биологические и социологические подходы, а также метафизические концепции естественного права (рационалистические, антропологические, телеологические). К неклассическим вариантам осмысления права причислялись феноменолого-экзистенциальный, коммуникативно-дискурсивный, герменевтический и ряд других подходов (Стовба 2006: 26). В дальнейшем данная классификация была уточнена и трансформирована: автор предложил выделить в философии права дометафизический, метафизический и постметафизический этапы (Стовба 2017b). В целом можно констатировать, что в настоящее время разделение школ правопонимания на классические и неклассические (или постклассические) стало практически общепринятым в постсоветском правоведении (Стовба 2013). Некоторые исследователи, например российский правовед Е.В. Тимошина, отмечают также наличие «неоклассических» тенденций в теории и философии права (Тимошина 2015: 76).

Как уже указывалось, критерием разделения концепций на «классику» и «неклассику» выступают исходные философско-методологические предпосылки исследователя. По словам Е.В. Тимошиной, «особенностью классического правопонимания является объективистская интерпретация бытия права как независимого от сознания субъекта: право предстает в виде объективного идеального бытия, которое может быть открыто ученому, обладающему привилегией объективного видения (*юснатурализм*); доступного объективному наблюдению эмпирического факта, обнаруживаемого субъектом, данным в мире пространства и времени, подобно “вещи” (*юспозитивизм*). Объективирующая интерпретация бытия права фундирована категорией абстрактного субъекта – абсолютного наблюдателя, конституируемого в результате противопоставления объекту (праву) и владеющего универсальным методом, использование которого рассматривается как не оказывающее влияния на объект. Априорно постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права рассматривается как имеющее референта соответственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности» (Тимошина 2015: 73).

С такой характеристикой классических концепций права, пожалуй, в целом следует согласиться. Вместе с тем представляется, что она требует некоторого уточнения. Так, Е.В. Тимошина утверждает, что для позитивистов право является «доступным наблюдению эмпирическим фактом», «бытие

которого не зависит от сознания субъекта». Подобная формулировка не вызывает возражений, если речь идет об «ортодоксальном» правовом позитивизме Дж. Остина либо К. Бергбома, которые понимали право как приказ суверена, реифицированный в виде письменного источника и в этом смысле (после акта своего принятия) действительно представляющий собой объективный эмпирический факт. Однако, если мы ведем речь о позитивизме Г. Кельзена либо Г. Харта, данная трактовка нуждается в дополнении. Причина этому заключается в пресловутой философско-методологической парадоксальности их взглядов. Г. Кельзен, как известно, в философском отношении пребывал на позициях неокантианства, строго разделяя сферы сущего и *Должного*, когда право как идеальная *Основная норма* была локализована в сфере *Должного*, но как конкретное позитивно-правовое установление принадлежало области сущего. Последний факт и дал основания причислять Г. Кельзена к философско-правовому направлению позитивизма, хотя данное течение в философском отношении позиционировалось как антипод неокантианства. В силу подобной двойственности, право, в лучших традициях Канта, оказывалось у австрийского правоведа «гражданином двух миров» в той мере, в какой *Основная норма* помещалась в сферу трансцендентального *Должного*, а эмпирическая действительность позитивной нормы укоренялась в сущей действительности. По словам самого Г. Кельзена, «акты, посредством которых создаются нормы позитивной нормативной системы, – это всегда факты, проявляющиеся во внешнем мире, воспринимаемые органами чувств» (Кельзен 2020: 193). Впрочем, тут же делается оговорка: «утверждение о том, что норма создается фактом, есть лишь фигура речи. Норма есть специфическое значение факта, и это значение, не воспринимаемое нашими органами чувств, является результатом интерпретации. Истолковать значение факта как нормы можно только при условии, что мы основываемся на другой норме, придающей этому факту качество правообразующего; но эта другая норма в конечном счете не может быть позитивной нормой» (Кельзен 2020: 193). Подобную ситуацию мы наблюдаем и у Г. Харта, когда эмпирический по своей сути акт признания людьми установлений позитивного права «постфактум» придает норме метафизический правовой статус. Поэтому тезис Е.В. Тимошиной об объективном характере бытия права в позитивизме следует уточнить, указав, что в данном варианте правопонимания право может представлять и как *объективное идеальное* образование, адресатом которого является *сознание* субъекта. «В свою очередь, для неклассических (постклассических) правовых учений, таких как правовая феноменология, правовой экзистенциализм, герменевтика, коммуникативно-дискурсивная философия права, правовой постмодернизм и некоторых других, характерны такие черты, как человекоразмерность, конституированность, текстуальность, процессуальность, отказ от субъект-объектной парадигмы и пр.» (Тимошина 2015: 74).

Завершая краткое описание дискуссии, необходимо подчеркнуть, что вопросы о соотношении классического и неклассического вариантов правопонимания в настоящее время не получили окончательного ответа. Кроме того, помимо уже указанных выше методологически-мировоззренческих

аспектов данной проблемы чрезвычайно важным представляется и вопрос об актуальности классических концепций права. Другими словами, является ли «классика» «безнадежно устаревшим» взглядом на право либо же классическое и неклассическое правоведение взаимно дополнительные и концептуально совместимы на некоем «метауровне» правового мышления? Е.В. Тимошина полагает, что данные подходы к пониманию права являются необходимыми этапами на пути его осмысления и подлежат своеобразному «синтезу» посредством «неоклассики» (Тимошина 2015: 76). В свою очередь, ряд «ортодоксальных» ученых считает «неклассику» своеобразной «правовой модой», которая не содержит в себе ничего нового и, подобно любой моде, должна вскоре «пройти» (Козлихин 2006; Мартышин 2016). А известный российский правовед А.В. Поляков придерживается противоположной позиции, утверждая, что классические представления о праве представляют собой «пройденный этап», с которым следует «попрощаться» и перейти к неклассическому, коммуникативному правопониманию (Поляков 2008). В целом можно констатировать, что данная фундаментальная проблема требует самостоятельного исследования и ответы на вопросы о том, «устарела ли классика» и следует ли считать совместимыми либо взаимоисключающими «новые» и «старые» варианты подходов к праву, еще предстоит отыскать.

2. Оригинальность динамического правопонимания. Возвращаясь к первому из поставленных выше вопросов, а именно обосновывая научную новизну неклассических концепций в постсоветской философии права, стоит подчеркнуть, что, хотя данные подходы в принципе возможно вписать в неклассическое (постметафизическое) направление мировой правовой мысли, их принципиально нельзя полностью отождествить ни с одним из известных до сих пор вариантов правопонимания (правовой феноменологией, герменевтикой, коммуникативно-дискурсивной философией права и пр.). Соответственно далее необходимо в общих чертах рассмотреть специфику указанных учений с тем, чтобы иметь возможность вынести суждение в отношении их оригинальности¹.

Так, А.В. Поляков понимает под правом динамичный, изменчивый и подвижный феномен, который он концептуализирует как правовую коммуникацию. По его словам, право представляет собой не абстрактную метафизическую идею, не априорную ценность, не символически-текстуальное (знаковое) предписание, за которым стоит чья-то «воля», а «живое» (целостное, развивающееся) социальное явление (Поляков 2008: 12). Как можно видеть, в отличие от традиционного, «статичного» правопонимания суть данного подхода заключается в акценте на динамике права, который лишь и позволяет адекватно осмыслить его природу. Российский правовед подчеркивает: в случае как естественного, так и позитивного права «оно

¹ К сожалению, объем данной статьи не позволяет в полной мере раскрыть все нюансы рассматриваемых концепций. Детальный разбор их осуществлен автором настоящей статьи в иной работе, к которой может обратиться читатель (Стовба 2017b).

предстает как феномен, не имеющий внутреннего, антропологического источника саморазвития, движения, и выступает “мертвым”, абстрактным, “внешним” для субъекта правом, некоей априорной данностью, или знаковым комплексом, оторванным от человека или его жизненного мира» (Поляков 2008: 11).

Таким образом, целостное понимание права позволяет А.В. Полякову отойти от воззрений правового позитивизма, который в своем осмыслении права ограничивается исключительно сферой юридического. Помимо этого он не стоит и на позициях классического естественного права, согласно которому источником права являются природа, разум либо ценности. Напротив, он подчеркивает, что ни правовые тексты, ни правовые ценности, ни субъективное правосознание, ни индивидуальные правопритязания не образуют право в качестве разрозненных элементов. Их объединяет *правовая коммуникация*, возникающая как интересубъективная реальность, связующим звеном которой выступают взаимодействующие субъекты (Поляков 2008: 18). «Отдельные компоненты права, например правовые тексты, сами субъекты, обладающие правосознанием и волей, их реальная деятельность в социальном времени и пространстве сами по себе не представляют права как интегрального (целостного) явления. Только в результате определенной “химической реакции” – возникновения правовой коммуникации – возникает право. Право и есть правовая коммуникация» (Поляков 2008: 21).

Согласно иному подходу, который разрабатывает С.И. Максимов, право исходным образом существует как правовая реальность, которая не являет собой какую-то субстанциальную часть реальности, а оказывается лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека (Стовба 2013: 32). Как можно видеть, при трактовке права украинский ученый акцентирует экзистенциальную, личностную составляющую данного феномена. По его словам, проблема осмысления права снимается через понимание его укорененности в человеческом бытии, присутствия в человеческой жизни. Вопрос о том, что есть право, решается через уяснение вопроса о том, каковы мы сами. В каком-то смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас (Стовба 2013: 52). Тем самым право исходно не обнаруживает себя как «мертвая» система правил и норм, но предстает как сфера драм и конфликтов, трудных экзистенциальных выборов и решений, когда буквально на каждом шагу обнажаются глубинные основы человеческого бытия (Максимов 2002а: 23). Следовательно, подобно А.В. Полякову, украинский правовед интерпретирует право не статично, посредством классического теоретического аппарата, но динамично. Как подчеркивает С.И. Максимов, в рамках концепции правовой реальности познание права в строго эпистемологическом смысле теоретического опыта является невозможным. Речь, скорее, может идти о герменевтическом понимании как воспроизводстве права в ходе его осуществления (Стовба 2013: 52).

На динамической, подвижной, изменчивой природе права настаивает и российский исследователь, автор диалогической концепции права И.Л. Честнов. В соответствии с его воззрениями право представляет собой

единство и различие, то есть диалог уникального (конкретного, фактического взаимодействия – правоотношения, в котором существует субъективное право) и типичного, повторяющегося (объективной нормы права) (Честнов 2008: 81). Как логическое следствие подобной позиции выдвигается тезис о том, что в такого рода диалоге бытие права из статичного бытия конкретного сущего (идеи, закона, судебного решения и пр.) превращается в виртуальное, ускользающее бытие симулякров (Честнов 2010: 30). Для подхода И.Л. Честнова свойственно негативное отношение к «овеществлению» права, коррелятом чего является стремление «распредметить» правовую действительность посредством показа социокультурной обусловленности понятий классической теории права (Стовба 2013: 172), а также акцент на подвижной, изменчивой природе бытия права, которое сбывается в ходе его воспроизводства в практике общественных отношений (Стовба 2013: 161).

Другой российский правовед, В.А. Четвернин, в разработанной им либертарно-институциональной концепции трактует право как комплекс институтов, подчиняющий социальные взаимодействия правовому принципу – запрету агрессивного насилия (Стовба 2013: 202-203). При этом под социальным институтом В.А. Четвернин понимает выражающий определенный принцип и выполняющий некую функцию устойчивый порядок социальных коммуникаций (система норм, формальных и неформальных правил) (Стовба 2013: 202-203). Иными словами, ключевым для концепции В.А. Четвернина является положение о структуре права как социального института, где им выделяются смысловой и содержательный компоненты. Так, смысловая плоскость права (запрет агрессивного насилия и свобода обмена) обнаруживается в функции права как социального института, а именно удовлетворении человеческих потребностей. Как указывает исследователь, право позволяет максимально удовлетворять потребности тем, кто оказывается наиболее конкурентным при запрете агрессивного насилия, и препятствует удовлетворению потребностей наименее конкурентных субъектов (Стовба 2013: 207). Второй, содержательный, аспект права как института заключается, прежде всего, в той совокупности норм (в указанном выше значении этого термина), посредством которой право воспроизводится в общественных отношениях. При этом В.А. Четвернин выделяет в структуре права как социального института такие элементы, как принцип права, договоры, «позитивные нормы» (своеобразное «право мира», то есть нормы, регулирующие «нормальное» течение общественных взаимодействий) и юридический механизм принуждения (своего рода «право войны»: нормы и правила на случай нарушений, споров, конфликтов и т.п.) (Стовба 2013: 208).

Наконец, в рамках темпоральной онтологии права, разработанной автором настоящей статьи, право исходно предстает как правовое бытие – притяжение, существующее между совершенным деянием и его правовыми последствиями. Данное притяжение сбывается посредством правового сущего – людей, доказательств и правовых текстов. Бытие этого сущего образует бытие права. Как правовое бытие, так и бытие права локализованы в правовом времени – темпоральном разрыве, отделяющем совершенное деяние от его правовых последствий. Правовое время, правовое бытие и

бытие права в своей совокупности образуют правовое происшествие. Вместе с тем, поскольку правовое происшествие равно содержит в себе как возможность происшествия права (того, что совершенное деяние посредством правового сущего притянет к себе правовые последствия), так и возможность неправа, право оказывается дискретным и вероятностным по своей природе феноменом (см. об этом: Стовба 2017b).

В целом осмысление приведенных выше концепций позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на различия и индивидуальные нюансы, воззрения упомянутых правоведов возможно объединить под общим обозначением «динамическое правопонимание» в той мере, в какой для них характерно осмысление права как динамичного, изменчивого, процессуального по своей сути феномена¹. Следует отметить, что в приведенном контексте «динамичность» не означает банального акцента на содержательной изменчивости норм права в результате исторических, социальных либо культурных причин. По замечанию российского философа А.Г. Чернякова, «как универсальный онтологический термин греческое *δύναμις* отсылает к одному из смыслов бытия в аристотелевском реестре смыслов – к *δυνάμει ον*, то есть к тому, что может быть либо не быть некоторым определенным, оформленным сущим» (Черняков 2001: 60). Поэтому необходимо подчеркнуть, что динамичность права означает не просто его «подвижность», «текучесть» или «изменчивость». В первоначальном значении греческого *δύναμις* коренится нечто большее: динамичность в этом случае следует трактовать как попытку понять, почему то или иное сущее является правовым, тогда как оно могло бы быть и иным (противоправным, внеправовым и т.д.) – или не существовать вообще.

Таким образом, ключевой характеристикой приведенных выше концепций является убежденность их авторов в том, что существование права – вовсе не априорная аксиома. Ведь вполне может случиться так, что права может и не быть – не существовать, не случиться. То, что право было вчера, вовсе не означает, что оно существует сегодня. А то, что оно есть сегодня, отнюдь не гарантия того, что оно будет существовать завтра. Тем самым можно сделать вывод о том, что право, согласно представлениям упомянутых правоведов, существует не *континуально*, как идея, закон, основная норма, но *дискретно, воспроизводясь* в ходе отношений между людьми. Как утверждает И.Л. Честнов, «именно *экспликация механизма воспроизводства права* – главный показатель научной новизны неклассики» (Честнов 2016: 13).

3. Основные черты динамического правопонимания. Необходимо указать, что специфика функционирования подобного механизма по-разному концептуализируется учеными. Как мы уже видели, оригинальное, авторское видение подобного процесса может быть кристаллизовано как

¹ Впервые термин «динамическое правопонимание» был введен автором настоящей статьи в предисловии редактора к коллективной монографии «Некклассическая философия права: вопросы и ответы» и раскрыт в ряде последующих публикаций (Стовба 2013; Стовба 2017b: 6, 93, 209 и далее).

а) «динамическая структура правовой реальности» (С.И. Максимов), б) правовая коммуникация (А.В. Поляков), в) правовое происшествие (А.В. Стомба), г) правовой диалог (И.Л. Честнов), д) правовой институт (В.А. Четвернин) и др. Вместе с тем в качестве общего знаменателя перечисленных подходов можно привести утверждение о том, что бытие права не абсолютно, но относительно, поскольку нуждается в своем воспроизводстве посредством социальной практики. Из этого следуют все те общие особенности данного типа правопонимания, которые можно вычлениить из принадлежащих к нему подходов.

Во-первых, это отказ от представлений о праве как феномене, который априорно наделен абсолютным бытием, то есть не может не существовать, а может быть лишь нарушен. В отличие от этого динамическое правопонимание тяготеет к осмыслению права как динамического феномена (диалога, коммуникации, бытия и т.д.), который не существует в пространстве и времени непрерывно (континуально), но воспроизводится в ходе человеческой деятельности, иначе говоря, бытийствует дискретно. При этом следует оговориться, что под существованием права в динамическом правопонимании подразумевается не наличное бытие как таковое некоей правовой субстанции, но смысловая идентификация соответствующего сущего, явления либо процесса. Закономерным следствием такого похода становится убеждение, что право не может быть априорно отождествлено с каким-либо сущим, а тем самым – и отказ от реификации (овеществления) права. Поэтому общим для динамического правопонимания можно считать метафорическое утверждение о том, что «права как такового не существует» (А.В. Поляков) в том смысле, что это слово «не имеет постоянного эмпирического референта» (С.И. Максимов).

Во-вторых, в результате отказа от трактовки права исключительно как Должного, наделенного абсолютным (континуальным) бытием (идеи, нормы и т.п.), и перехода к пониманию права как дискретного – такого, что воспроизводится, – динамического, подвижного образования (происшествие, коммуникация, дискурс) динамическое правопонимание преодолевает дихотомию сущего и Должного в праве. Поэтому, в отличие от взглядов Ю. Хабермаса или Р. Алекси, которые также отождествляют бытие права и динамический дискурс, однако полагают, что такой дискурс существует постоянно (то есть континуально, пусть даже в идеальном измерении, который служит Должным – критическим масштабам для «реальных» правовых явлений), сторонники концепта динамического правопонимания считают, что право как онтологически-смысловой механизм своего воспроизводства (диалог, коммуникация, происшествие) выступает составляющей отношений между людьми, а не отделенным от них Должным. Тем самым классическая дихотомия сущего и Должного в праве оказывается преодолена в той мере, в какой право уже не является ни чисто Должным (вследствие его экзистенциальной либо социальной онтологизации), ни исключительно сущим (ибо право в качестве механизма своего воспроизводства существует не налично, то есть статически-континуально, но динамически-дискретно). При этом подобное мышление права не следует считать и релятивизмом

в постмодернистском смысле этого слова, поскольку существование права (как обретение правовой релевантности соответствующим сущим, процессом либо явлением) в данном случае получает свое объективное основание – правовой диалог (И.Л. Честнов), правовую коммуникацию (А.В. Поляков), правовое происшествие (А.В. Стовба), правовые институты (В.А. Четвернин). А согласно С.И. Максимова правовой реальности объективно присуща и динамическая структура бытия. Таким образом, в динамическом правопонимании в противовес классической трактовке права как статичного Должного (идеи права, Основной нормы) во главу угла ставятся неклассические динамические образования (правовой диалог, правовая коммуникация и т.п.), которые укоренены в бытии людей друг с другом. Для динамического правопонимания в целом свойствен не *релятивизм*, а *реляционность*, то есть относительность, хотя и не абсолютная, к иным социальным явлениям и обществу в целом (И.Л. Честнов).

Отсюда следует *третья особенность* динамического правопонимания, а именно то, что характерным для него является рассмотрение права как социального явления, поиск онтологических истоков права во внешних по отношению к нему феноменах, прежде всего – в совместном существовании людей. Конечно, примеры подобных трактовок можно отыскать еще в правовой феноменологии – у А. Райнаха (учение о социальных актах) (Райнах 2001: 161), Н.Н. Алексеева (нормативные факты) (Алексеев 1999: 190), Г. Гуссерля (экстраординарные события) (Гуссерль 2010–2011: 83) и т.д. Однако в данном случае акцент делается на том, что с позиций динамического правопонимания право как воспроизводящееся явление оказывается укорененным в той самой реальности, которую оно призвано упорядочить. Отсюда, в отличие от классических поисков сущности права, которая стоит за эмпирическими правовыми явлениями, динамическое правопонимание стремится эксплицировать те условия, при которых соответствующее сущее (явление, процесс) обретает правовой смысл либо теряет его.

В-четвертых, поскольку право как происшествие своего воспроизводства не может возникать само по себе, а лишь осуществляется посредством людей, еще одним признаком динамического правопонимания становится акцент на «человекомерности» права, на том, что право не может существовать вне отношений между людьми. Творчески развивая идеи А. Кауфманна и Г. Гуссерля, представители динамического правопонимания утверждают, что способность людей осуществлять право в бытии друг с другом укоренена, прежде всего, в их взаимном признании себя как субъектов права. Тем самым право – это не нечто «внешнее» относительно человека, но феномен, заложенный в совместном существовании людей. Поэтому отличительной чертой динамического правопонимания является переход от моносубъективности классического правоведения к полисубъективности (триалогичности – И.Д. Невважай, диалогичности – И.Л. Честнов, бытию-с – А.В. Стовба), интересубъективности (С.И. Максимов, А.В. Поляков) и пр. Следствие упомянутого перехода заключается в том, что как позитивное, так и естественное право уже осмысляются не как «априорные», то есть «первичные», но как

«вторичные», производные правовые феномены, которые имеют свое экзистенциальное основание в актах признания.

В-пятых, отказ от реификации права и рассмотрение его как дискретного явления, которое онтологически укоренено в процессах диалога, коммуникации, событийности и пр., обусловили такую методологическую особенность динамического правопонимания, как стремление описать закономерности тех процессов, в ходе которых воспроизводится право, – правового происшествия (А.В. Стомба), правового диалога (И.Л. Честнов), правовой коммуникации (А.В. Поляков) и т.д. В отличие от классической понятийной юриспруденции, которая занимала прескриптивную позицию относительно исследуемых явлений, для динамического правопонимания характерны установка на нарративность, намерение сконструировать ту «динамическую смысловую метафору» (коммуникацию, событийность, диалог), которая бы в наибольшей мере была бы способна адекватно выразить событие воспроизводства права. Переходом от прескриптивности к нарративности обусловлены и широкое понимание правовой нормы как закономерности человеческого общежития, акцент на производном, вторичном характере классической, позитивной или естественно-правовой нормы права. Это положение динамического правопонимания имеет определенное сходство с «социологическим позитивизмом» украинского теоретика П.М. Рабиновича, который также акцентирует обусловленность права социальными факторами – прежде всего, потребностями (Рабинович 2014). Однако сторонники динамического правопонимания настаивают, что право не просто обусловлено социальными факторами, но, как дискретно-сингулярный механизм его бытия-воспроизводства, существует неотделимо от человеческого бытия, имея не просто социологическую, но экзистенциально-онтологическую подоснову.

4. Роль и место динамического правопонимания в философии права. Таким образом, динамическое правопонимание как самостоятельное и оригинальное направление правовой мысли может быть вписано в контекст мировой философско-правовой мысли XX–XXI столетий, поскольку оно вобрало в себя ряд идей и тенденций зарубежной и отечественной философии права. В частности, попытки осмыслить право как изменчивый, динамичный и процессуальный феномен еще в начале XX в. предпринимали немецкий правовед Р. Штаммлер (учение о естественном праве с изменчивым содержанием) и австрийский ученый О. Эрлих (учение о «живом праве»)¹. В середине XX в. немецкий экзистенциалист Э. Фехнер акцентировал то обстоятельство, что естественное право не просто обладает изменчивым содержанием, но постоянно пребывает в становлении (Фехнер

¹ Следует отметить, что, несмотря на акцент на динамичности права, указанные философы права концентрировались лишь на содержательной изменчивости правовых норм, продолжая, однако, мыслить право как континуальное явление. Поэтому новация представителей динамического правопонимания как раз и заключается в том, что они преодолевают подобную – метафизическую – традицию правового мышления, трактуя динамичность права как его дискретность, реляционность, «вопросительную выдержанность в возможности небытия» (М. Хайдеггер).

2011: 609). Идеи о первичной локализации права не в естественной либо позитивной норме, а в среде человеческого сосуществования помимо уже упомянутых А. Райнаха (учение о социальных актах), Н.Н. Алексеева («нормативные факты»), Г. Гуссерля («экстраординарные происшествия»), выдвигали датский правовед Г. Кон («конкретная ситуация») (Cohn 1967: 31), немецкий экзистенциалист В. Майхофер (экзистенциал бытия-как) (Майхофер 2008: 199) и др. Предпосылки для динамического правопонимания можно отыскать, например, в положениях правового экзистенциализма и герменевтики о том, что «право является не субстанцией, а отношением нормы к случаю, соответствующим критериям истины» (А. Кауфманн 2013: 211), либо же существует как «право бытия» (Р. Марчич). В свою очередь, попытки преодолеть дихотомию юридического позитивизма и естественно-правового подхода предпринимались в рамках правового экзистенциализма – В. Майхофером, А. Кауфманном, Р. Марчичем. Укоренить правосубъектность лиц в их взаимном признании стремились А. Кауфманн и Г. Гуссерль. Утверждения о том, что право существует как динамичный процесс его интерпретации, выдвигали классики правовой герменевтики – П. Рикер и Г.-Г. Гадамер.

В динамическом правопонимании получили свое развитие и некоторые тенденции советской правовой мысли. В частности, это дискуссия о «широком понимании права», которая велась в 70-е годы XX в. относительно отхода от узкого нормативизма и включения в объем феномена права правоотношений, правосознания (идеи права), субъектов права и т.д. В динамическом правопонимании указанная дискуссия нашла свое отражение прежде всего в утверждениях С.И. Максимова и А.В. Полякова о том, что существование права нельзя свести к какому-то одному уровню – идеи права, правовой нормы, но оно должно включать в себя все правовые феномены, алгоритм взаимодействия которых как раз и выражается посредством таких терминов, как «правовая реальность» либо «правовая коммуникация». Также и идеи украинского правоведа П.М. Рабиновича о социальной обусловленности права – прежде всего, потребностями людей – были переосмыслены и развиты в концепциях И.Л. Честнова (тезисы о социально-культурной обусловленности содержания правового диалога), а также А.В. Стовбы (о потребности восполнить экзистенциальную неполноту как толчок к бытию права).

Однако динамическое правопонимание принципиально не может быть сведено к ранее известным типам правопонимания, которые имеют лишь внешнее сходство с ним. Ведь динамичность права как его процессуальность, текучесть, изменчивость находит свое отражение, прежде всего, в плоскости кардинально новой правовой онтологии, разработанной представителями динамического правопонимания. Ее главное и принципиально новое положение состоит в том, что право не существует «само по себе», то есть континуально (как это мыслилось в классических концепциях правового позитивизма либо естественного права), но постоянно рискует не воспроизвестись в качестве реальной составляющей человеческого общежития (например, при совершении преступления, массовых беспорядках,

революции, гражданской войне и т.п.). Тем самым право как первично *дискретное* по своему характеру явление нуждается в механизме своего воспроизведения, который обеспечивает существование права и сам может быть отождествлен с ним. Примерами таких механизмов как раз и выступают правовая реальность в ее динамическом аспекте, правовая жизнь, правовая коммуникация, правовое происшествие, правовой диалог и т.д. *Следовательно, основным достижением представителей динамического правопонимания является конструирование принципиально новой онтологии права – динамической и преимущественно дискретной, а также экспликация конкретных механизмов воспроизводства права – правовой реальности, коммуникации, диалога и пр.*

Заключение. Таким образом, в настоящее время на постсоветском пространстве в рамках неклассической правовой мысли сложился новый тип правопонимания, который может быть назван динамическим. Его содержание составляют самостоятельные оригинальные концепции (правовой реальности, правовой коммуникации, правового диалога, темпоральной онтологии права, либертарно-институциональной теории права и др.). Перечисленные подходы в равной мере характеризует попытка мыслить право как динамичное, процессуальное явление, которое не существует абсолютно-континуально, но дискретно-вероятностно воспроизводится в ходе отношений между людьми. Это, в свою очередь, создает философско-методологические предпосылки для концептуально *новой – неклассической – теории права*, предметом которой, вероятно, станет пересмотр ряда фундаментальных категорий классической теории права – прежде всего, правовой нормы, субъекта права, прав человека, механизма правового регулирования, правоотношения и пр.¹ Можно предположить, что дальнейшая разработка этих идей является перспективной и приведет к формированию более реалистичной теории права, переместив ее из плоскости идеальных конструкторов в сферу социальной онтологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Н.Н. 1999. Основы философии права. Санкт-Петербург : Лань. 256 с.

Гуссерль Г. 2010-2011. Повседневная жизнь и право // Проблемы философии права. № 8-9. С.82-91.

Кауфманн А. 2013. Предварительные замечания по поводу правовой логики и онтологии отношений // Правоведение. № 6. С. 210-226.

Кельзен Г. 2020. Наука и политика // Труды Института государства и права РАН. Т. 15, № 1. С. 183-209. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen

Козлихин И.Ю. 2006. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. № 1 (264). С. 31-40.

Майхофер В. 2008. Право и бытие // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 186-258.

¹ Более подробно данные положения раскрываются автором в иной работе (Стовба 2021).

Максимов С.И. 2002а. Правовая реальность как предмет философского осмысления : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Харьков. 406 с.

Максимов С.И. 2002б. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право. 328 с.

Мартышин О.В. 2016. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. № 6. С. 20-30.

Поляков А.В. 2008. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 9-42.

Поляков А.В. 2011. Современная теория права. Ответ критикам // Правоведение. № 6. С. 6-39.

Рабинович П.М. 2014. Філософія права. Львів : Галицький друкар. 232 с.

Райнах А. 2001. Априорные основания гражданского права // А. Райнах. Собрание сочинений. Москва : Дом интеллектуал. книги. С. 153-327.

Стовба А.В. (ред.) 2013. Неклассическая философия права: вопросы и ответы : кол. моногр. / Максимов С.И., Пермяков Ю.Е., Поляков А.В., Стовба А.В., Честнов И.Л., Четвернин В.А. ; под ред. А.В. Стовбы. Харьков : Б-ка журн. «Проблемы философии права». 272 с.

Стовба А.В. 2006. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : ДИСА+. 176 с.

Стовба А.В. 2017а. Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. № 4. С. 88-101.

Стовба А.В. 2017б. Темпоральная онтология права. Санкт-Петербург : АЛЕФ-пресс. 355 с.

Стовба А.В. 2021. Классическая и неклассическая теория права // Вестник Томского государственного университета. № 463. С. 251-256.

Тимошина Е.В. 2015. Классическое и постклассическое правопонимание: обобщение основополагающих особенностей // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма / под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Академия МВД. С. 71-78.

Фехнер Э. 2011. Философия права // Российский ежегодник теории права. № 3. С. 539-611.

Хохлов Е.Б. 2004. Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. № 1. С. 4-14.

Черняков А.Г. 2001. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. Санкт-Петербург : Высш. религиозно-филос. шк. 460 с.

Честнов И.Л. 2008. Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию концепции // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 67-83.

Честнов И.Л. 2010. Постклассическое правопонимание. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России. 240 с.

Честнов И.Л. 2016. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. № 2. С. 7-15.

Cohn G. 1967. Existentialism and Legal Science. New York : Oceana Publications inc. 148 p.

References

- Alekseev N.N. *The Foundations of legal philosophy*, St. Petersburg, Lan, 1999, 256 p. (in Russ.).
- Chernyakov A.G. *The ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl, Heidegger*, St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001, 460 p. (in Russ.).
- Chestnov I.L. Dialogical anthropology of law as post-classical type of understanding of law; to the formulation of the conception, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 67-83. (in Russ.).
- Chestnov I.L. *Postclassical understanding of law*, Krasnodar, Krasnodarskiy unstitut MVD Rossii, 2010, 240 p. (in Russ.).
- Chestnov I.L. The scientific innovation of the post-classical jurisprudence, *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2016, no. 2, pp. 7-15. (in Russ.).
- Cohn G. *Existentialism and Legal Science*, New York, Oceana Publications inc., 1967, 148 p.
- Fechner E. Philosophy of law, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2011, no. 3, pp. 539-611. (in Russ.).
- Husserl G. The Everyday life and the law, *Problemy filosofii prava*, 2010-2011, no. 8-9, pp. 82-91. (in Russ.).
- Kaufmann A. Preliminary remarks on a legal logic and ontology of relations, *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 210-226. (in Russ.).
- Kelsen H. Science and Politics, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2020, no. 1 (15), pp. 183-209. (in Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.
- Khokhlov E.B. Legal chimeras as a problem of contemporary russian legal science, *Pravovedenie*, 2004, no. 1 (252), pp. 4-14. (in Russ.).
- Kozlikhin I.Yu. On unconventional approaches to law about non-traditional approaches to law, *Pravovedenie*, 2006, no. 1 (264), pp. 31-40. (in Russ.).
- Maihofer W. Law and Being, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 186-258. (in Russ.).
- Maksimov S.I. *Legal reality as the subject of philosophical reasoning : dissertation*, Kharkov, 2002, 406 p. (in Russ.).
- Maksimov S.I. *Legal reality: the experience of philosophical reasoning*, Kharkov, Pravo, 2002, 328 p. (in Russ.).
- Maksimov S.I., Permyakov Yu.E., Polyakov A.V., Stovba A.V., Chestnov I.L., Chetvernin V.A. *Non-classical philosophy of law: questions and answers*, Kharkov, Biblioteka zhurnala «Problemy filosofii prava», 2013, 272 p. (in Russ.).
- Martyshin O.V. On the peculiarities of the philosophical and legal methodology, *State and Law*, 2016, no. 6, pp. 20-30. (in Russ.).
- Polyakov A.V. Contemporary theory of law. reply to the critics, *Pravovedenie*, 2011, no. 6 (299), pp. 6-39. (in Russ.).
- Polyakov A.V. Good-bye to classic or how the communicative theory of law is possible?, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 9-42. (in Russ.).
- Rabinovich P.M. *Philosophy of law*, Lviv, Galits'kiy drukar, 2014, 232 p. (in Ukrain.).
- Reinach A. Aprioristic foundations of the civil law, *A. Reinach, Works*, Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 2001, pp. 153-327. (in Russ.).
- Stovba A.V. Classic and Non-classic Legal Theory, *Tomsk Stat University Journals*, 2021, no. 463, pp. 251-256. (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/463/31.
- Stovba A.V. *Law situation as origin of law reality*, Kharkov, Disa+, 2006, 176 p. (in Russ.).

Stovba A.V. On the peculiarities of the legal-philosophical methodology, *Pravovedenie*, 2017, no. 4 (333), pp. 88-101. (in Russ.).

Stovba A.V. *Temporal ontology of law*, St. Petersburg, Alef-press, 2017, 355 p. (in Russ.).

Timoshina E.V. Classical and non-classical understanding of law: generalization of the grounding specifics, V.I. Pavlov, A.L. Savenok (eds.) *Eticheskie i antropologicheskie kharakteristiki sovremennogo prava v situatsii metodologicheskogo plyuralizma*, Minsk, Akademiya MVD, 2015, pp. 71-78. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Вячеславович Стовба

доктор юридических наук, проректор по научно-методической работе Харьковского института кадров управления; г. Харьков, Украина;

ORCID: [http://orcid.org/0000-0002-8154-](http://orcid.org/0000-0002-8154-8929)

8929; ResearcherID: AAQ-9493-2021;

AuthorID (РИНЦ): 508680;

E-mail: stovba34@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Stovba

Doctor of philosophy, Professor of the Department of automated control systems, Kharkov Institute of Management Stuff, Kharkov, Ukraine;

ORCID: [http://orcid.org/0000-0002-8154-](http://orcid.org/0000-0002-8154-8929)

8929; ResearcherID: AAQ-9493-2021;

AuthorID (РИНЦ): 508680;

E-mail: stovba34@mail.ru



Рой О.М. Особо охраняемые природные территории: от консервации к развитию. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_90 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 90–108.

УДК 349.6:504

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_90

Особо охраняемые природные территории: от консервации к развитию

Олег Михайлович Рой

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,

г. Омск, Россия

E-mail: roi_omsk@mail.ru

*Поступила в редакцию 14.03.2021, поступила после рецензирования 27.05.2021,
принята к публикации 31.05.2021*

В статье представлен анализ практики регулирования антропогенного влияния на природные комплексы, известные под названием «особо охраняемые природные территории». Обобщая опыт европейских стран и США, автор выявляет специфику правового регулирования ООПТ в России и характерные для современного этапа тенденции в формировании этих территорий, обозначает возникающие в рамках этих тенденций проблемы. Выделяя базовые для существования охраняемых территорий функции – компенсаторную и рекреационную, автор делает вывод о дисбалансе этих функций в текущей практике регулирования системы ООПТ. Рассматривая развитие ООПТ как один из способов повышения роли экологического туризма в России, автор демонстрирует несоразмерность в бюджетной поддержке природных объектов с компенсаторной функцией, с одной стороны, и рекреационной – с другой. В статье подчеркивается, что резкое увеличение финансирования процессов благоустройства по статьям национального проекта способно негативно повлиять на воспроизводственные механизмы развития природной среды. Используя параметр «несущая экологическая способность среды», автор предлагает модель управления системой городских ООПТ, основанного на процедуре функционального зонирования.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, несущая экологическая способность территории, антропогенное давление, благоустройство общественных пространств, экологический туризм



© Рой О.М., 2021

Protected Areas: From Conservation to Development

Oleg M. Roy

Omsk State F.M. Dostoevsky University, Omsk, Russia
E-mail: roi_omsk@mail.ru

Received 14.03.2021, revised 27.05.2021, accepted 31.05.2021

Abstract. The establishment and management of protected areas receives increasing attention worldwide. The article presents an analysis of the regulating practice of protected areas. Summarizing the experience of European countries and the United States, the author identifies the features of the legal regulation of protected areas in Russia, as well as trends in the formation and reproduction of these territories, which characterizes the current stage of development, and formulates problems arising within the framework of these trends. In addition, he identifies the basic functions of protected areas – compensatory and recreational – and concludes that currently these functions are unbalanced in the practice of regulating the system of protected areas. Considering the development of protected areas as one of the ways to enhance the role of ecological tourism in Russia, the author demonstrates a disbalance of budgetary support between natural complexes with a compensatory function, on the one hand, and recreational, on the other. The article emphasizes that a sharp increase in funding for the improvement processes by budget line item of national project can have negative affect over the reproductive mechanisms of the development of the natural environment. The article attempts to apply the techniques of modelling into the management of protected areas in the cities.

Keywords: protected areas; ecological capacity of the territory; anthropogenic pressure; improvement of public areas; landscaping; ecological tourism

For citation: Roy O.M. Protected Areas: From Conservation to Development, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 90-108. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_90.

Охрана природных территорий становится сегодня необходимым требованием, что обусловлено серьезными последствиями антропогенного давления, приведшими к заметному сокращению площадей природных ареалов, падению видовой численности животных и растений. В отдельных странах, особенно на территории густонаселенной Европы, предусматриваются достаточно жесткие меры по противодействию тенденциям негативного воздействия на окружающую среду путем принятия нормативных ограничений на производственную деятельность и поведение домохозяйств. Особое внимание уделяется сохранению участков неосвоенной природы, защите ландшафтов и экосистем, поддержке биоразнообразия животного и растительного мира. Основной формой такого регулирования выступает учреждение охраняемых природных территорий (*protected areas*), функцией которых является установление эффективной системы защиты и воспроизводства разнообразия природного мира, обеспечения устойчивого режима природопользования.

В европейских странах, к примеру, создана сеть охраняемых природных районов – Natura 2000, цель которой состоит в обеспечении сохранения

особенно уязвимых видов и мест обитания, представляющих интерес для европейского сообщества (в соответствии с европейскими природоохранными директивами). Всего в 52 странах Европы выделено свыше 120 тыс. особо охраняемых природных территорий различных типов, совокупная площадь которых составляет примерно 21% от общей площади этих стран (Покришук 2017: 61).

В США охраняемые природные территории представлены национальными парками, национальными резерватами и национальными монументами. Кроме того, в стране имеются и иные типы охраняемых природных территорий: «национальные леса», подчиняющиеся Лесной Службе, фаунистические заказники Службы рыбы и дичи, ботанические сады, дендрарии, «участки дикой природы» – *Wilderness* и пр. (Максаковская, Максаковский 2019). В то же время в зарубежной научной литературе отмечается, что, несмотря на то что количество участков суши и моря, обозначенных как официально охраняемые, заметно увеличилось за последнее столетие, по-прежнему наблюдается значительный дефицит политических обязательств по увеличению охвата и эффективности охраняемых территорий (Watson at al. 2014; West at al. 2006). Следовательно, увеличение площади, закрепляемой за охраняемыми природными объектами, не снижает остроты стоящих перед современным обществом экологических проблем. Более того, возникают новые формы социальных отношений, предметом институционализации которых выступают природные объекты с особым правовым статусом.

Развитие ООПТ в России. В России учреждение охраняемых природных территорий осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», на основании которого выделяются следующие категории: государственные природные заповедники, в том числе биосферные; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады. Законами субъектов Российской Федерации также могут быть установлены иные категории особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения. Всего в стране насчитывалось в 2020 г. почти 12 тысяч ООПТ федерального, регионального и местного значения, общая площадь которых составила 238,8 млн га (с учетом морской акватории) или 13,6 % от площади территории России. 295 ООПТ имеют федеральное значение, в их число входят 108 государственных природных заповедников, 63 национальных парка и 60 государственных природных заказников, 47 – дендрологических парков и ботанические садов, также 17 памятников природы. В большинстве случаев в состав ООПТ включаются парки (в том числе и городские), а также заказники. В соответствии со ст. 45, п. 2. ГК РФ на территориях рекреационных зон, куда могут входить и особо охраняемые территории, не допускается строительство новых и расширение действующих промышленных, коммунально-складских и других объектов, непосредственно не связанных с эксплуатацией объектов оздоровительного и рекреационного назначения. Однако даже на тер-

риториях с наиболее высокой степенью защищенности – в заповедниках, где ограничивается вмешательство человека в природные процессы, все чаще предусматривается выделение участков с частичным хозяйственным использованием. С целью развития туризма и рекреации или ведения традиционной хозяйственной деятельности на отдельных участках ООПТ, не включающих особо ценные экологические системы, допускается возведение объектов туристической инфраструктуры.

Следует отметить, что далеко не все природоохранные территории включены в официальный перечень: многие природные территории, соответствующие статусу природоохранных, имеют разную юрисдикцию, будучи регулируемые Лесным и Водным кодексами, законами об объектах культурного наследия или территориях традиционного природопользования. В рейтинге стран мира, составленном по данным World Conservation Monitoring Centre за 2014 г., по относительной площади охраняемых природных территорий Россия занимает лишь 113-е место, однако с учетом существования территорий с другими охраняемыми статусами, отвечающими критериям Международного союза охраны природы (МСОП), она перемещается на 12-е место, выступая одним из лидеров по абсолютной площади территорий с защищенным статусом (Стишов, Дадли 2018: 241–244).

С каждым годом площадь под ООПТ в России последовательно увеличивается. Несмотря на то что в 2018 г. количество ООПТ уменьшилось на 74 ед. (или на 0,6 %), общая площадь, занятая ООПТ, увеличилась на 25,7 млн га (или на 12,1 %), составив 13,9 % площади территории Российской Федерации. В целом за период 2010–2018 гг. количество ООПТ увеличилось на 7 ед. (или на 0,6 %), а общая площадь, занятая ООПТ, возросла на 33,1 млн га (или на 16 %). На долю ООПТ регионального и местного значения в 2018 г. приходилось 97,5 % от общего числа ООПТ (11 574 территории) и 69,9 % от суммарной площади (166,2 млн га) (Государственный доклад 2019: 246). По нацпроекту «Экология» планируется к 2024 г. создание еще 24 ООПТ с общей площадью не менее чем 5 млн га.

Так или иначе, к исходу второго десятилетия текущего столетия сформировались серьезные проблемы, связанные с интеграцией ООПТ в социальную и политическую систему страны. В первую очередь это касается проблемы разграничения компетенции в осуществлении функций охраны и развития ОПТ между уровнями публичной власти. По сведениям Росстата, основная часть ООПТ учреждена на региональном уровне: если федеральных ООПТ насчитывается только 295 ед., то региональных – 10446 ед. На местный уровень приходится 1081 ед. В целом количество ООПТ с 2014 г. сократилось с 12942 до 11822 ед., в то время как общая площадь значительно увеличилась: с 202,3 до 238,8 млн га. Особенно значительное приращение пришлось на местный уровень – с 26,5 млн га до 47,5 млн га¹.

Отчасти это можно объяснить тем, что региональные органы власти имеют возможность учреждать собственные категории ООПТ. Например,

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

в Московской области введены семь своих категорий ООПТ, на территории Приморского края создаются такие категории особо охраняемых природных территорий краевого значения, как зоны покоя и природные объекты; в Пермском крае также выделены собственные категории ООПТ: охраняемые ландшафты, природные резерваты, историко-природные комплексы и территории. Не меньшее разнообразие характерно и для местного уровня: в Краснодарском крае муниципалитетами учреждены такие категории, как природная достопримечательность, природные культурно-мемориальные и экологические парки.

Большая часть контрольных и административных функций в отношении ООПТ сосредоточена на уровне субъекта Федерации, тогда как муниципальные органы власти сталкиваются с проблемами поддержки подведомственных им природных территорий с особым статусом в силу вынужденного сокращения расходов, предусмотренных на данные цели. В связи с этим природные объекты с особым правовым статусом становятся предметом ожесточенных споров между местными сообществами и региональными операторами. Так, в Любинском районе Омской области государственный статус ландшафтного заказника регионального значения «Пойма Любинская» крайне негативно отражается на правах местных жителей в плане доступности и комфортности среды. Проживающие здесь люди не имеют возможности без согласования с региональным Управлением по охране животного мира проводить природоохранные мероприятия вследствие разграничения форм контроля между региональной и муниципальной властью, что на деле оборачивается нарушением цельности и комплексности уникальных экологических систем. Жителям, проживающим в зоне особо охраняемых природных территорий, нельзя косить сено, собирать грибы, ягоды и использовать угодья для выпаса скота¹. Люди не чувствуют себя хозяевами на своей территории и абсолютно не мотивированы в сохранении и воспроизводстве природных комплексов.

Кроме того, все чаще обостряется конфликт между базовыми функциями ООПТ – компенсаторной (природоохранной) функции, с одной стороны, и рекреационной, хозяйственной, культурной – с другой. Компенсаторная обеспечивает возможность нейтрализации неблагоприятных экологических факторов, действующих на человека. К перечню этих факторов можно отнести подтопление населенных пунктов, ветровые бури, эрозию почв и пр. Реализуется эта функция через создание лесонасаждений, парковых зон, расположенных главным образом на подступах к городу, создающих своеобразные фильтры по снижению степени неблагоприятного влияния. Компенсаторная функция проявляется в поддержке и сохранении природных комплексов, образующих первичный слой экологического каркаса поселения, в их естественном виде. Благодаря экологическому каркасу обеспечивается благоприятное состояние природ-

¹ Из интервью с главой Любинского района А. Рахимжанова. URL: <http://kvnews.ru/news-feed/123344>

ной среды, повышается качество защиты среды человека от последствий антропогенного воздействия. В городах функцию экологического каркаса выполняют зеленое кольцо города, равномерно распределенные по территории города парки и скверы, зеленые клинья, соединяющие окраину и городской центр и др.

Рекреационную функцию выполняют созданные на территории поселения благоустроенные зоны, предназначенные для проведения досуга граждан и формирования комфортной среды обитания. Обе функции дополняют друг друга и не могут быть взаимозаменяемы. Подчас для исполнения данных функций придание статуса ООПТ тому или иному участку совершенно необязательно. Однако это не освобождает местные органы власти от необходимости организации мероприятий по охране окружающей среды, отнесенной законодательством к перечню вопросов местного значения. Решение данной проблемы возможно путем объединения функций в природном объекте, когда, к примеру, дендропарк или городской лес сочетают в себе одновременно и рекреационную, и природоохранную функции. Но в ряде регионов совместить эти функции друг с другом оказалось крайне непросто. К примеру, в соответствии с принятым Законом Омской области от 18 июля 2019 года № 2178-ОЗ «О внесении изменения в статью 6 Закона Омской области “Об охране окружающей среды в Омской области”» в регионе органами государственной власти субъекта Федерации было принято решение о создании такой категории ООПТ регионального значения, как «природный рекреационный комплекс». Природные рекреационные комплексы были определены в качестве территорий природных комплексов, имеющих особое рекреационное значение, используемых для организации отдыха, туризма, экологического просвещения, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности населения, – территорий с установленным режимом особой охраны, основной задачей которой является регулирование антропогенной нагрузки на эти территории. К этой категории было рекомендовано отнести часть особо охраняемой природной территории – памятник природы регионального значения «Областной дендрологический сад имени Г.И. Гензе». В преобразованной части запланированы благоустроительные работы, направленные на формирование туристской инфраструктуры. Однако это решение было негативно встречено городской общественностью, которая резко выступила против благоустроительных работ на территории парка. Представители общественности доказывали, что средства на благоустройство будут просто выгодно освоены застройщиками, которые возведут здесь коммерческие объекты, тогда как город в очередной раз лишится еще одной природной территории.

Влияние ООПТ на развитие туризма. Таким образом, развитие ООПТ в России высветило еще одну серьезную проблему, связанную с интеграцией ООПТ в сложившиеся рекреационно-туристские комплексы. Несмотря на достаточно большую площадь ООПТ в мире, в стране крайне слабо развит экологический туризм, доля которого составляет, по признанию вице-премьера России Д. Чернышенко, 2% от всего объема

туристических услуг¹. Лишь 6–8% туристов могут относиться к экотуристам (Аигина и др. 2015: 390). Отчасти это объясняется тем, что в официальной статистике экологическими туристами принято считать посетителей национальных парков и заповедников, которые входят в разряд особо охраняемых природных территорий.

Россия является урбанизированной страной, и большая часть населения страны испытывает потребность в улучшении условий своего проживания. Выезды городских жителей «на природу», особенно в лесные зоны, являются примечательной чертой досугового поведения современного россиянина. В то же время неравномерность распределения лесных угодий на территории страны и ограниченность этих ресурсов в плотно населенных регионах страны требуют разработки административных мер по регулированию доступа к освоению этих ресурсов. По данным Госкомстата и Ростуризма, более 90% посещений природных зон приходится на 10 национальных парков. Среди них особо выделяется НП «Лосиный остров», который принимает более половины всех отдыхающих в национальных парках РФ (около 3 млн чел.). Наиболее популярными парками также являются озеро Байкал (35 тыс. посетителей в год) и Золотые горы Алтая. Низкий показатель посещений характерен для острова Врангеля (около 200 посетителей в год), заповедников девственных лесов Коми, вулканов Камчатки и Западного Кавказа (примерно 3,5 – 4,5 тыс. посетителей в год) (Аигина и др. 2015: 388).

Наступление эпидемии COVID-19 стимулировало развитие внутреннего туризма в России. За 2020 г. все виды особо охраняемых природных территорий, подведомственных Минприроды, приняли 6,2 миллиона посетителей². За весь 2019 г. туристический поток оказался чуть больше 8 миллионов человек. Небольшой спад посещений следует связывать с ковидными ограничениями, в значительной степени отразившимися на общей мобильности. Больше всего гостей приезжали в национальные парки – 76,2% от всех экотуристов. На государственные природные заповедники пришлось 19,7% посетителей, что на 4,2% больше, чем в 2019 г. Заказники приняли только 0,2% туристов³.

Доход федеральных ООПТ, которые находятся в ведении Минприроды, от 8 млн посетителей составил 1,03 млрд руб., что значительно отстает от показателей других стран. Так, в 2019 г. национальные парки США посетили 327,5 млн человек, что позволило создать 340 500 рабочих мест, а траты посетителей на сопредельных территориях и в самих национальных парках составили 21 млрд долл. И если входной билет для посещения национальных парков в России стоит в среднем 100 руб., то в США – 15 долларов (приблизительно 1000 руб.)³. Плата за посещение Йелстоунского парка

¹ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60a9c9569a79470f951a03a3>

² URL: https://www.mnr.gov.ru/press/hot-topic/v_2020_godu_osobo_okhranyaemye_prirodnye_territorii_posetilo_bole_6_2_millionov_turistov/

³ Дуэль А. Нацпарки получили 330 миллионов рублей на развитие экотуризма. URL: <https://rg.ru/2020/12/07/nacparki-poluchili-330-millionov-rublej-na-razvitie-ekoturizma.html>

приносит 7–9 % от общего дохода при 3 млн посещений в год. При этом стоимость посещения национальных парков с учетом разницы в доходах в США гораздо ниже, чем в России (Дец 2018: 47).

В целом можно сделать вывод, что в России еще не научились извлекать выгоду от использования природных ресурсов в плане обеспечения качества жизни граждан, создавать условия для приращения объектов природного мира и окупаемости затрат на их поддержку.

Следует признать, что далеко не всегда вложения в туристическую инфраструктуру перекрывают понесенные затраты, особенно если инвесторы намерены компенсировать эти затраты путем введения платы за использование соответствующего ресурса. Именно в этом ключе следует трактовать постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2020 г. № 1039 «Об утверждении Правил определения платы для физических лиц, не проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, за посещение особо охраняемых природных территорий и установления случаев освобождения от взимания платы». Оставляя за рамками данного исследования дискуссию по этому поводу, следует констатировать чрезвычайную сложность в администрировании этого решения вследствие значительного разнообразия ООПТ в России и их интеграции в сложившиеся системы расселения. Имеются также серьезные сомнения в экономической целесообразности этого решения: при существующем уровне жизни в России, особенно в отдаленных от центра регионах, сбор средств за посещение ООПТ не окупит затрат на администрирование, а запрет на свободное и бесплатное перемещение граждан по территории ООПТ будет рассматриваться как признак ущемления гражданских прав.

Формально плата за посещение была введена еще Федеральным законом № 33 от 14 марта 1995 г., который предполагает взимание платы за посещение физическими лицами государственных природных заповедников – в целях познавательного туризма, а также национальных парков – в целях туризма и отдыха. Но закон не позволял взимать плату за сам факт нахождения на территории. В 2016 г. такое право было получено. Негативную реакцию на введение платы за посещение ООПТ вызывает не собственно эта новация, а игнорирование реальных различий, существующих между разнообразными видами ООПТ, прежде всего их местонахождения, а также такой важной характеристики, как аморфность границ между охраняемыми землями и населенными пунктами. К примеру, трудно себе представить, как будет организована система пропуска граждан на территорию национального парка «Золотые горы Алтая».

Проблема усугубляется еще и тем, что в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях”

¹ Захарова О. Уникальные территории России могут быть доступнее для туристов без ущерба для природы // Ведомости. 2020. 20.10. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/blogs/2020/10/20/843811-unikalnie-territorii>

и отдельные законодательные акты Российской Федерации» земли населенных пунктов в составе ООПТ будет разрешено не только передавать из федеральной собственности в собственность регионов и муниципалитетов, но и приватизировать. Виды разрешенного использования указанных земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов на них устанавливаются правилами землепользования и застройки. В этом случае может возникнуть реальная угроза ущемления права гражданина на свободный доступ к освоению этих ресурсов, а также монополизации владения этими ресурсами со стороны отдельных групп влияния.

Модель управления ООПТ в российских городах. Особое место режим ООПТ занимает в городах, где сосредоточено, по данным информационно-аналитической системы «Особо охраняемые природные территории России», около 1050 (5,5%) ед. из 19,7 тыс. ед. природных территорий с особым правовым статусом. Именно в городах, в которых проживает большая часть населения страны и в которых более всего ощущается потребность в наличии естественных ландшафтов и экосистем, чаще всего актуализируется проблема сохранения баланса между компенсаторными и рекреационными функциями среды. Помимо национальных парков, зарегистрированных в Москве и Сочи, в городах учреждены природные парки, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады. Из всех определенных законом категорий ООПТ в городах, как правило, отсутствуют заповедники, в то время как другие категории демонстрируют заметное внутреннее разнообразие, при котором режим доступности к освоению природных ресурсов охраняемой территории может существенно варьироваться от одного участка к другому.

Одним из способов повышения качества жизни граждан страны через улучшение качества природной среды и расширение доступа к природным ресурсам может стать система функционального зонирования, основанная на критерии сбалансированности компенсаторных и рекреационных свойств природных объектов. Параметры этих свойств должны быть четко отнесены к конкретным участкам ООПТ с определением строгих нормативов, не позволяющих без веской необходимости изымать участки с компенсаторными функциями для застройки рекреационной инфраструктуры.

Пространственный анализ большого числа европейских городов свидетельствует о том, что доля охраняемых природных зон в них составляет от 20 до 40% площади города. Значение этого показателя можно объяснить принятыми во многих странах нормами озелененности на одного жителя, что стимулирует городские власти закреплять компенсаторные и рекреационные функции примерно за третью городской территории. Такой же критерий положен и в российские нормативные документы (своды правил, нормативы градостроительного проектирования), призванные через режим установления охраняемой зоны обеспечивать защиту городской растительности от хозяйственного освоения. Однако в России этот показатель существенно ниже заданных значений: са-

мое большое количество ООПТ расположено в Екатеринбурге – они занимают 19,7 тыс. гектаров (17,3% территории города), второе место у Москвы – 17,7 тыс. гектаров (6,9%), на третьем месте Пермь – 8,4 тыс. гектаров (10,6%). Больше всего ООПТ в Уфе, Красноярске и Волгограде (Шатрова 2018: 114).

Когда жители выступают за создание природной охраняемой территории в городе, они часто руководствуются желанием сохранить дорогой для них объект. Однако к созданию ООПТ необходимо подходить с научной точки зрения, чтобы взятые под охрану городские территории благоприятно влияли на экологический баланс в городе в целом. Так, например, «в Липецке к ООПТ отнесли ландшафты “Новокрымский пруд” и “Утиное болото”, хотя эти объекты претерпели значительное антропогенное воздействие, и присвоенные категории не соответствуют их реальным возможностям» (Парамонова 2019).

Значительное многообразие форм ООПТ, сопровождаемое разделением уровней их административного регулирования, угрожает утрате целостного восприятия природного окружения, его регенеративной роли в формировании благоприятных условий развития общества и человека. Возникновение ООПТ можно объяснить стремлением придать постепенно сокращающимся природным комплексам статус защищенных – своего рода полигонов для сохранения биологического разнообразия и изучения жизни биологических организмов в естественной среде. С другой стороны, неспособность противодействовать растущему антропогенному давлению на доступные участки природной среды, необходимость удовлетворения расширяющейся доли экологических потребностей человека требуют превращения природных комплексов в рекреационные зоны, обеспечивающие включение артефактов природного окружения в специальную модель благоустройства территории, приспособленную к условиям жизни людей. Природное качество такого участка определяется умением общества удерживать равновесие между антропогенным давлением на данный участок и способностью местных биогеоценозов восстанавливаться с учетом этого воздействия. В научной литературе встречаются различные наименования указанной способности – «пропускная способность экосистемы» (Ю. Рендерс, У. Беренс), экологическая (рекреационная) емкость, несущая способность среды и пр. (Данилов-Данильян 2017; Плотникова, Васильева 2019 и др.).

Таким образом, формируется целый ряд природных комплексов с разнообразными свойствами, в отношении которых у общества возникает дилемма: либо максимально защитить растительный и природный мир от излишнего антропогенного влияния, либо сделать объекты природного мира максимально доступными для людей, удовлетворяя их экологические потребности. В основе этой дилеммы лежит поиск баланса между компенсаторными и рекреационными свойствами природных систем, достижению которого может способствовать общая методика оценки полезности среды обитания человека, позволяющая определить правовой статус локального участка и его характеристики.

Методика предусматривает равномерное распределение ООПТ различных типов по различным территориальным уровням в соответствии с особенностями среды обитания человека. Несущая экологическая способность (НЭС) выступает комплексным показателем экологического состояния территории, выраженным в ее свойствах противостоять антропогенной нагрузке, с одной стороны, и обеспечивать благоприятные условия существования человека – с другой. Поэтому содержание НЭС территории включает в себя по меньшей мере два уровня измерения: отображение признаков антропогенного влияния и свойств территории как природного ресурса. Формирование НЭС территории осуществляется последовательно и зависит от множества факторов – климатических и географических, социальных и политических. Соответственно при оценке НЭС следует учитывать весь комплекс критериев – от видового разнообразия природного участка до параметров его доступности. Показателями антропогенного влияния могут выступать количество посещений, доля застройки и пр., тогда как свойства природного ресурса могут проявляться в количестве и ценности лесонасаждений, устойчивости биогеоценозов и пр.

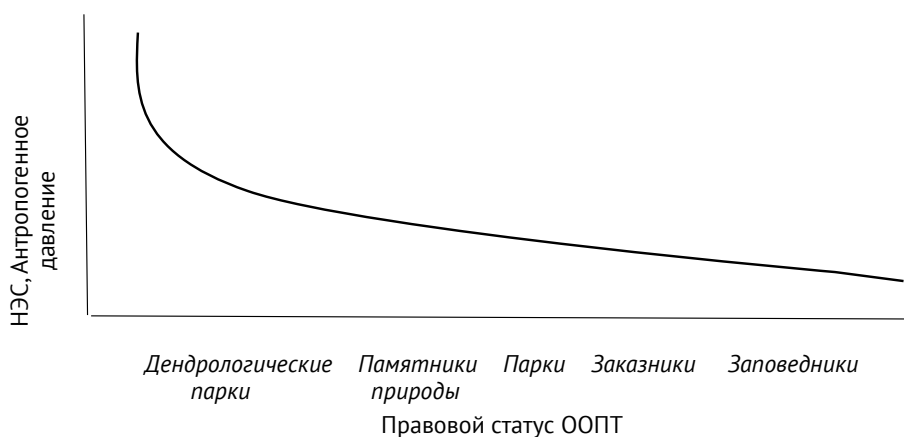
Регулирование НЭС осуществляется через определение правового статуса природного участка, предусматривающего четкий порядок в использовании его свойств. Эта полезность может быть измерена в пределах условного диапазона «природа – человек», одним из полюсов которого выступает цельность и неприкасаемость природы, а другим – открытость природы человеку.

В соответствии с классификацией МСОП в перечень особо охраняемых природных территорий следует включать территории от строгих резерватов (категория I МСОП) до охраняемых ландшафтов и территорий с устойчивым природопользованием (V и VI категории МСОП соответственно). Сюда входят такие категории, как «национальный парк» – значительная по площади и хорошо сохранившаяся природная территория, выделяющаяся высокой степенью биологического и ландшафтного разнообразия, «управляемый природный резерват» (заказник) – природная территория, значимая для поддержания биоразнообразия и сохранения различных видов флоры и фауны, на которой осуществляется управление природными процессами для эффективного сохранения местообитаний различных видов растений и животных, а также приумножения их численности, «охраняемая ландшафтная область» (наземная и морская) – участок суши или акватории, где поддерживаются базовые параметры окружающей природной среды, биологическое и ландшафтное разнообразие, и «территория устойчивого природопользования» – хорошо сохранившаяся природная территория (Amos et al. 1996). Российская классификация ООПТ, представленная в ФЗ-33, по многим параметрам воспроизводит международную классификацию, располагая на одном полюсе наиболее защищенную категорию – заповедники и национальные парки, а на другом – гибридную форму природопользования в виде зон с особыми условиями использования, не относящимися к категории особо охраняемых природных территорий, где рекреационные и компенсационные функции

трудно отделить друг от друга. В целом «из 89 категорий охраняемых территорий и зон с особыми условиями использования Российской Федерации 55 полностью и 34 частично соответствуют критериям охраняемых природных территорий МСОП. Из них 22 вообще не имеют статуса особо охраняемых природных территорий, а 4 имеют таковой только в отдельных регионах, и, соответственно, не учитываются в статистике по охраняемым природным территориям Российской Федерации» (Стишов, Дадли 2018: 109). В то же время по мере снижения статуса ООПТ с федерального на местный степень комплексности и разнообразия ООПТ имеет тенденцию к снижению. Так, государственные заповедники имеют куда более высокие правовую защиту и полифункциональность, нежели природные парки и заказники. По отношению к государственным заповедникам и национальным паркам, как правило, проводится единая государственная политика с минимумом возможных исключений, тогда как, к примеру, на территориях, подведомственных субъекту Федерации, в соответствующих ООПТ практикуются использование различных режимов особой охраны и эксплуатация участков территории в зависимости от экологической и рекреационной ценности природных участков.

В основе классификации ООПТ лежит зависимость характера административного регулирования от показателей НЭС (см. рисунок).

Сообразно перемещению значения НЭС от высших значений к низшим с необходимостью интенсифицируются усилия общества по защите объектов природного мира и установлению ограничений в доступе. Заказники и заповедники чаще всего имеют ярко выраженные собственные границы и правила санкционированного доступа, тогда как ООПТ противоположного полюса или рекреационные территории, не имеющие специального правового статуса, как правило, располагаются в границах населенных пунктов и выполняют зачастую функции транзитных территорий. Следо-



Зависимость правового статуса ООПТ от параметров НЭС

вательно, на дендрологические парки и памятники природы приходится значительный объем антропогенного давления, вызванный стремлением городских жителей удовлетворить свои экологические потребности в условиях высокой плотности застройки, что заставляет местные власти активно содействовать развитию этих территорий. Несмотря на то что большинство туристических маршрутов в ООПТ федерального значения проложено в национальных парках и заповедниках – 988 и 509 соответственно из 1703 – их общего числа, наибольшее количество посетителей, по данным 2019 г., приходилось на национальные, дендрологические парки и ботанические сады: 6,4 млн чел. и 6,3 млн чел. соответственно из 14,8 млн посещений, зарегистрированных органами статистики в тот период. Основной формой туризма является посещение экотроп и маршрутов – 73% (доля посещений музеев и визит-центров не превысила в совокупности 27%)¹.

В то же время дефицит бюджетных средств на уровне городских органов местного самоуправления стал причиной передачи значительного числа участков с рекреационным назначением под строительство офисных и торговых центров. Стремление частных организаций воспользоваться высокой концентрацией людей в рекреационных зонах для сооружения объектов повышенного коммерческого спроса обусловило дополнительную нагрузку на сохранившиеся природные территории вместе с неготовностью органов местной власти брать на себя затраты по содержанию этих объектов. С принятием национального проекта «Жилье и городская комфортная среда» в 2017 г. активизировались усилия местных властей по привлечению федеральных средств на благоустройство общественных пространств. С 2015 по 2019 г. площадь ООПТ местного значения увеличилась почти вдвое – с 25659,6 тыс. га до 47467,4 тыс. га, тогда как площадь ООПТ регионального значения за это время сократилась с 120874,6 тыс. га до 117523,6 тыс. га (Охрана 2020: 55). Кампания по благоустройству городских территорий, способствовавшая всплеску избирательной активности на выборах в органы власти, оказалась весьма выгодной для администраций разных уровней, значительно увеличив затраты на обустройство внутригородских парков и скверов.

Несмотря на кризисные явления в экономике, наблюдаемые с 2013 г., затраты на благоустройство дворов и содержание ООПТ в 2019 г. существенно возросли. Так, затраты на содержание ООПТ в 2019 г. составили 9007,3 млн руб. – на федеральные объекты и 3679,4 млн руб. – на объекты регионального значения. Вся площадь этих территорий – 238789,0 тыс. га, то есть на 1 га приходится чуть больше 53 рублей (Охрана 2020). Однако на благоустройство отдельных категорий земель расходуются гораздо более значительные суммы. Например, гектар «Зарядья» обошелся в 404,1 млн руб., а гектар «Тюфелевой рощи», созданной за счет частных

¹ Основные показатели охраны окружающей среды, 2019. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578

инвестиций, – в 130 млн руб. По сведениям КБ «Стрелки», в среднем благоустройство 1 га площадей обходится в 49,3 млн руб.²

Опыт проведения благоустроительных работ выявил достаточно серьезные недостатки, связанные с неспособностью власти определить приоритетные направления в осуществлении этой практики, и прежде всего наладить коммуникации с гражданским сообществом. К сожалению, огромные ресурсы, выделенные в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2018–2022 гг., принесли не только безусловно положительные, но и отрицательные результаты. Усилия чиновников в освоении средств, выделяемых на благоустройство территорий, без должного согласования намерений с местными сообществами имеют своим результатом стихийную перестройку городских парков и скверов, снижая и без того низкую долю естественных природных комплексов (Петрина, Стадолин 2018). Несмотря на то что органы местного самоуправления наделены полномочиями утверждения правил благоустройства территории муниципального образования, большую часть средств на организацию благоустройства территории они получают из вышестоящих бюджетов, что не всегда соответствует критериям целесообразности в использовании этих средств на локальном уровне (Бутова и др. 2014).

Большой объем бюджетных ресурсов, направляемых в рамках кампаний по благоустройству, провоцирует нарушение баланса между природными территориями различных типов, стимулирует процессы вытеснения естественных ареалов из населенных пунктов, подменяя подлинные образцы природного богатства дешевыми суррогатами (Стариков 2017). Под красивыми лозунгами превращения городской среды в комфортабельное место жительства подчас скрывается обычное желание чиновника снять с себя ответственность за содержание природных общественных пространств и передать их под очередную коммерческую застройку, результатом которой становится сокращение площади зеленых насаждений. А ведь сокращение площадей с природоохранными, компенсационными функциями в конечном счете угрожает разрушением экологического равновесия и ухудшает реальные условия проживания.

Российские нормативы на озелененность городских территорий представляются явно заниженными. Так, в соответствии с СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89» площадь озелененных территорий общего пользования должна составлять в крупнейших, крупных и больших городах для общегородских территорий – 10 кв. м., для жилых районов – 6 кв. м. на одного человека. Таким образом, для миллионного города площадь озелененных территорий должна в жилых зонах равняться 6 млн кв. м. или 600 га, а в качестве зеленого пояса – 10 млн кв. м. или 1 000 га. К примеру, в миллионном Омске на площадь

² КБ «Стрелка» оценило стоимость благоустройства 1 га в российских городах. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/05/2019/5cdc450c9a79472b3f8ab0c2>

города 56,7 тыс. га официально приходится почти 13 тыс. га озелененной территории общего пользования, что позволяет безнаказанно замещать зеленые зоны «объектами городского благоустройства». Несмотря на скромный показатель предельной озелененности, позволяющий органам местной власти отдавать зеленые площади под застройку, в ряде регионов он представлен гораздо более низкими значениями (Орловская, Новгородская, Астраханская)¹. Еще одним важным показателем оценки озелененности на общегородском уровне является соотношение площади «зеленого щита» с площадью города. Наибольшие значения по размеру зеленых щитов зафиксированы в Кирове (175 тыс. га против 16,9 тыс. га) и Иркутске (190 тыс. га против 28 тыс. га)².

Наряду с необходимостью пересмотра нормативов предельной озелененности возникает также настойчивая потребность продумать систему ограничений, присущих каждому виду ООПТ, спроектировать различные программы туризма соответственно данным видам, установить предельные значения антропогенного влияния, а также уровни администрирования. Все это позволит обеспечить разумный баланс между сохранением регенеративной способности среды и антропогенной нагрузкой, регулируемой в числе прочего и экономическими мерами.

Моделью управления комплексом рекреационных зон и ООПТ в городах должна стать система функционального зонирования, призванная дифференцированно устанавливать статус защищенности и поддержки территории в зависимости от степени ее значимости и устойчивости к антропогенной нагрузке (Имыкшенова 2008). Система включает сбалансированный перечень природных объектов с различными режимами освоения и доступа. Правовой статус ООПТ, предоставленный таким объектам, будет обеспечивать их эксплуатацию строго в соответствии с их назначением и поддерживать экологическое равновесие в рамках определенного оптимума путем планомерного распределения НЭС между их основными категориями. В городах достаточно сложно на уровне отдельных участков разграничить компенсаторные и рекреационные функции, и поэтому разработка специальных функциональных зон с различными способами доступа и эксплуатации будет позитивным решением данной проблемы.

Одним из инструментов такой модели, закладывающей экономические меры регулирования, могла бы стать заявленная правительством страны плата за посещение соответствующей территории. Уровень цены за посещение ООПТ целесообразно определять с учетом спроса, зависящего от большого перечня факторов, начиная от правового статуса ООПТ и заканчивая его отдаленностью по отношению к населенным пунктам. Показатель ϵ в формуле выступает критерием отнесения к соответствующей зоне и способом определения равновесной цены на посещение:

¹Общая площадь зеленых насаждений в городской черте по субъектам РФ. URL: <https://gilsocmin.ru/ru/content/общая-площадь-зеленых-насаждений-в-городской-черте-по-субъектам-рф>

²Стали известны самые зеленые города России. URL: <https://rg.ru/2019/02/08/reg-pfo/stali-izvestny-samye-zelenye-goroda-rossii.html>

$$\varepsilon = \frac{-\Delta Y}{Y} : \frac{-\Delta X}{X},$$

где Y – количество посещений, а X – цена за вход. Если увеличение платы за вход приводит к уменьшению потока посетителей, показатель ε становится отрицательным, что является сигналом для последующего снижения цены, а то и просто ее отмены.

Критерий ε позволит произвести оценку ООПТ с точки зрения их доступности и привлекательности и может быть положен в основу функционального зонирования территорий с особым экологическим статусом. Институциональной основой эффективного управления пакетом функциональных зон ООПТ может стать создание центрального органа, ответственного за управление ООПТ, в том числе и на региональном уровне. Схожие с этим органом функции в США выполняет Служба национальных парков США, которая несет ответственность за организацию работ по вовлечению бизнес-проектов в обустройстве природных объектов, разрешению споров между собственниками прилегающих имущественных комплексов и размещению объектов транспортной и инженерной инфраструктуры. В России же вопросы регулирования ООПТ на местном уровне «разрываются» между природоохранными и культурными ведомствами, уровнями государственной и муниципальной власти.

Заключение. Россия обладает значительной долей территорий с особым экологическим статусом, которые являются ярким образцом общественного достояния и предметом национальной гордости. Природную основу охраняемых территорий России составляют леса. Однако только в Сибири в 2019 г. пожарами было охвачено 15 млн га (примерно 1 % площади лесного фонда страны), а площадь погибших лесных насаждений достигла 63,8 тыс. га¹. Заметная часть этого фонда приходится на ООПТ, государственная защита которых осуществляется явно ниже ее реальных возможностей. Численность работников лесничеств в России за последние годы сократилась более чем в пять раз – со 160 до 22 тыс. чел. Сейчас в среднем по стране на одного работника лесничества приходится около 55 тыс. га леса, а в многолесных районах – более 300 тыс. га². Автор этих строк участвовал в экспедициях, организованных Общественной палатой Омской области летом – осенью 2020 г. по 20 зарегистрированным ООПТ региона. По итогам исследований, проведенных членами этих экспедиций, выявлены серьезные проблемы в управлении природными комплексами: отсутствие координации в работе властей разных уровней, неравномерность в распределении бюджетных ресурсов, направляемых на содержание и воспроизводство этих комплексов, и т.д. Способность же государства использовать природную самобытность своих территорий

¹ Ущерб от лесных пожаров в России в 2019 году составил 14,4 млрд рублей. URL: <https://ria.ru/20191217/1562490197.html>

² Количество лесников сократилось в 5 раз // URL: https://polit.ru/news/2013/04/12/ekologia_forest_gossovet_lesniki/

для создания благоприятных условий проживания людей и привлечения расширяющихся туристических потоков – это важнейшее условие сохранения и воспроизводства как экологического, так и экономического потенциала страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аигина Е.В. и др. 2015. Особенности развития экотуризма на ООПТ России / Е.В. Аигина, Н.И. Тульская, К.К. Биленкина // Russian Journal of Education and Psychology. № 1 (45). С. 380-393. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-14.

Бутова Т.В. и др. 2014. Обеспечение экологической безопасности на муниципальном уровне / Т.В. Бутова, А.И. Дунаева, Н.О. Удачин // Международный научно-исследовательский журнал. № 4-1 (23). С. 122-124.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году», 2019. Москва : Минприроды РФ, НПП «Кадастр». 844 с.

Данилов-Данильян В.И. 2018. Об устойчивости экосистем // Экосистемы: экология и динамика. Т. 2, № 1. С. 5-12.

Дец И.А. 2018. Туризм и другие источники доходов особо охраняемых природных территорий: возможности и перспективы // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 12, № 3. С. 43-51. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10304.

Имыкшенова Э.Б. 2008. Функциональное зонирование особо охраняемых природных территорий // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. № 4. С. 12-15.

Максаковская Н.С., Максаковский Н.В. 2019. Опыт национальных парков США по сохранению наследия и организации туризма // Наследие и современность. Т. 2, № 4. С. 61-95.

Охрана окружающей среды в России. 2020 : Стат. сб. Москва : Росстат, 2020. 113 с.

Парамонова Н. 2019. ООПТ в городах: проблемы и перспективы, 23.09.2019 // Bellona. URL: <https://bellona.ru/2019/09/23/oopt-v-gorodah/> (дата обращения 22.02.2021).

Петрина О.А., Стадолин М.Е. 2018. Комфортная городская среда: тенденции и проблемы организации // Вестник университета. № 6. С. 34-38. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-6-34-38.

Плотникова В.С., Васильева А.В. 2019. Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо охраняемой природной территории // Экономические отношения. Т. 9, № 3. С. 2191-2200. DOI: 10.18334/eo.9.3.40950.

Покрищук Д.В. 2017. Особо охраняемые природные территории в Европе // Современная наука. Т. 8, № 1-3. С. 60-65. DOI: 10.24411/2079-4401-2017-10012.

Стариков А.А. 2017. Качество жизни граждан и городская комфортная среда // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 3 (34). С. 46-49.

Стишов М.С., Дадли Н. 2018. Охраняемые природные территории Российской Федерации и их категории. Москва : Всемирный фонд дикой природы (WWF). 248 с.

Шатрова А.И. 2018. Особо охраняемые природные территории в крупнейших городах РФ // Антропогенная трансформация природной среды. № 4. С. 113-117.

Amos B. at al. 1996. Biosphere reserves and the IUCN system of protected area management categories / B. Amos, P. Bridgewater, M.J.B. Green, A. Phillips. Canberra. 25 p. URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/1996-081.pdf> (дата обращения 22.02.2021).

Watson J. et al. 2014. The performance and potential of protected areas / James E.M. Watson, Nigel Dudley, Daniel B. Segan, Marc Hockings // *Nature*. № 515 (7525). P. 67-73. DOI: 10.1038/nature13947.

West P. et al. 2006. Parks and Peoples: The Social Impact of Protected Areas / Paige West, James Igoe, Dan Brockington // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 35. P. 251-277. DOI: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123308.

References

Aigina E.V., Tulskeya N.I., Bilenkina K.K. Current issues of ecotourism development in Russia's natural reserves, *Russian Journal of Education and Psychology*, 2015, no. 1 (45), pp. 380-393. (in Russ.). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-14.

Amos B., Bridgewater P., Green M.J.B., Phillips A. *Biosphere reserves and the IUCN system of protected area management categories*, Canberra, 1996, 25 p., available at: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/1996-081.pdf> (accessed February 22, 2021).

Butova T.V., Dunaeva A.I., Udachin N.O. Environmental safety providing on the municipal level, *International Research Journal*, 2014, no. 4, iss. 1 (23), pp. 122-124. (in Russ.).

Danilov-Danilyan V.I. On ecosystems stability, *Ecosystems: ecology and dynamics*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 5-12. (in Russ.).

Dets I.A. Tourism and other types of revenues of protected natural areas: opportunities and prospects, *Service and Tourism: Current Challenges*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 43-51. (in Russ.). DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10304.

Environmental protection in Russia, 2020, Statistical collection. Moscow, Rosstat, 2020, 113 p. (in Russ.).

Imyksenova E.B. Zoning of protected areas, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya. Geografiya*, 2008, no. 4, pp. 12-15. (in Russ.).

Maksakovskaya N., Maksakovsky N. The U.S. national park experience in heritage conservation and organization of tourism, *Nasledie i sovremennost'*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 61-95. (in Russ.).

Paramonova N. Protected areas in cities: problems and prospects, September 23, 2019, *Bellona*, available at: <https://bellona.ru/2019/09/23/oopt-v-gorodah/> (accessed February 22, 2021). (in Russ.).

Petrina O.A., Stadolin M.E. Comfortable urban environment: trends and problems of the organization, *Vestnik universiteta*, 2018, no. 6, pp. 34-38. (in Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2018-6-34-38.

Plotnikova V.S., Vasileva A.V. Recreational capacity as an organizational-economic instrument for the development of ecological tourism on protected areas, *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2191-2202. (in Russ.). DOI: 10.18334/eo.9.3.40950.

Pokrishchuk D.V. Specially protected natural areas in Europe, *Sovremennaya nauka*, 2017, vol. 8, no. 1-3, pp. 60-65. (in Russ.). DOI: 10.24411/2079-4401-2017-10012.

Shatrova A.I. Protected areas in the largest cities of the Russian Federation, *Antropogennaya transformatsiya prirodnoy sredy = Anthropogenic Transformation of Nature*, 2018, no. 4, pp. 113-117. (in Russ.).

Starikov A.A. Quality of life and comfortable urban environment, *Akademicheskiy vestnik UralNIIproekt RAASN*, 2017, no. 3 (34), pp. 46-49. (in Russ.).

State report "On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2018", Moscow, Minprirody RF, NPP «Kadastr», 2019, 844 p. (in Russ.).

Stishov M.S., Dadli N. *Protected areas of the Russian Federation and their categories*, Moscow, Vsemirnyy fond dikoy prirody (WWF), 2018, 248 p. (in Russ.).

Watson J.E.M., Dudley N., Segan D.B., Hockings M. The performance and potential of protected areas, *Nature*, 2014, no. 515 (7525), pp. 67-73. DOI: 10.1038/nature13947.

West P., Igoe J., Brockington D. Parks and Peoples: The Social Impact of Protected Areas, *Annual Review of Anthropology*, 2006, vol. 35, pp. 251-277. DOI: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123308.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Михайлович Рой

доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1885-7865>; ResearcherID: S-3643-2016;
SPIN-код: 2404-7079;
E-mail: roi_omsk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg M. Roy

doctor of social sciences, prof.; Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Omsk State F.M. Dostoevsky University; Omsk, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1885-7865>; ResearcherID: S-3643-2016;
SPIN-код: 2404-7079;
E-mail: roi_omsk@mail.ru



Грошевая В.К. Борьба со злостными неплательщиками алиментов силами оперативных подразделений милиции Донбасса в 1940–1950-е гг. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_109 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 109–127.

УДК 351.746.2:347.615(477.6)

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_109

Борьба со злостными неплательщиками алиментов силами оперативных подразделений милиции Донбасса в 1940–1950-е гг.

Виктория Константиновна Грошевая

Академия управления МВД России,

г. Москва, Россия

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Поступила в редакцию 22.09.2020, поступила после рецензирования 14.01.2021, принята к публикации 17.02.2021

В статье представлено всестороннее исследование организации работы оперативных подразделений милиции Донбасса по борьбе со злостными неплательщиками алиментов в 40–50-е гг. XX в. На основе анализа научных работ, а также нормативных правовых актов и архивных материалов сделано однозначное заключение, что исследуемый период является ключевым в становлении данного направления розыскной работы. Автором предпринята попытка детального освещения вопросов привлечения согласно действовавшему в тот период законодательству к ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов на содержание детей, с точки зрения социально-правового статуса отца в советской семье, а именно с учетом значения советского отцовства, определяемого в рамках семейной политики государства и партии. Особое внимание уделено организации местного и союзного розыска злостных неплательщиков алиментов. Кроме того, в статье отражено значение исследования истории организации указанной работы для современности.

Ключевые слова: алименты, уклонение от уплаты, злостный неплательщик, розыск, оперативные подразделения, милиция, Донбасс



© Грошевая В.К., 2021

The Fight of Operational Divisions of the Donbass Militia against Vicious Nonpayers of Alimony in 1940–1950s

Victoria K. Groshevaya

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Received 22.09.2020, revised 14.01.2021, accepted 17.02.2021

Abstract. The article provides a comprehensive study of the organization of the work of the Donbass militia operational units in the fight against malicious defaulters of alimony in 1940–1950s. Based on the analysis of the research sources, as well as regulatory legal acts and archival materials, an unambiguous conclusion was made that the period under study was a peak in the formation of that direction of investigative work. The author made an attempt to cover in more detail the issues of bringing to justice persons who evade paying alimony for the maintenance of children, in accordance with the legislation in force at that time in terms of the social and legal status of the father in the Soviet family, taking into account the position of Soviet paternity through the prism of the family policy of the state and the party. Particular attention is paid to the organization of management in the Internal Affairs Directorate of the implementation of law enforcement activities in terms of the local and federal search for malicious alimony. In addition, the article reflects the importance of considering the history of the organization of that work for the present.

Keywords: alimony; evasion of payment; malicious defaulter; search; operational units; police; Donbass

For citation: Groshevaya V.K. The Fight of Operational Divisions of the Donbass Militia against Vicious Nonpayers of Alimony in 1940–1950s, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 109–127. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_109.

Вопросы социально-правовой защиты прав детей, и в частности механизм правового обеспечения принудительного исполнения родителями алиментных обязательств, всегда привлекали внимание ученых и практиков. Эффективными инструментами борьбы со злыми неплательщиками алиментов на уровне государства являются розыск данных лиц силами оперативных подразделений органов внутренних дел и привлечение их к уголовной ответственности. При этом нарушитель не только лишается свободы передвижения, к нему применяются дополнительные меры материальной ответственности, предполагающие взыскание в доход государства средств, выплаченных по решению суда за весь период розыска должника.

Проблематика противодействия злостному уклонению от уплаты средств на содержание несовершеннолетних активно обсуждалась в широких кругах общественности в 40–50-х гг. XX в. На территории восточной Украины в означенный период наблюдалась сложная оперативная обстановка. Высокая степень урбанизации, обусловленная скоплением крупных

промышленных предприятий со значительной массой привлеченного капитала, большое количество беспризорников и антиобщественного элемента в крупных индустриально развитых городах Донбасса способствовали тому, что оперативная обстановка в регионе была более криминогенной, чем в других областях.

Постепенно борьба со злостными неплательщиками алиментов, будучи чисто социальным явлением, приобрела политическое значение. Осознавая всю важность данной проблемы, НКВД СССР направлял существенные усилия оперативных подразделений рабоче-крестьянской (далее – РК) милиции на розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, о чем свидетельствует анализ научных работ, а также нормативных правовых актов и документов того времени.

Вопросы становления и деятельности органов советской милиции в своих трудах осветили С.В. Биленко, А.В. Власов, Г.П. Георгиевский, З.С. Кельсон, В.Ф. Малаховский, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев, А.Н. Несмиянов, Н.И. Подвойский, А.В. Семенов, И.В. Токмаков. Проблемы выплат алиментов на содержание детей в разные периоды исследовались такими авторами, как Т.В. Долголенко, В.Я. Дорошенко, О.Ю. Ильина, А.И. Парышев, М.В. Коледина, И.В. Пантюхина, Е.А. Усачева, А.Н. Рубченко. Однако организация розыскной работы в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, оперативными подразделениями ОВД Донбасса в 1940–1950-е гг. до настоящего времени не исследовалась. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости проведения исследований в данном направлении.

Следует отметить, что впервые уголовная ответственность за деяние, которое в настоящее время преследуется уголовным законодательством, – неуплату средств на содержание детей – была предусмотрена в Соборном Уложении 1649 г., но само понятие «алименты» было сформулировано позже (Парышев 2006: 13–14).

После Октябрьской революции в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Постановлением второй сессии ВЦИК РСФСР IX созыва от 16 октября 1924 г. была введена ст. 165 «а», предусматривающая уголовную ответственность за неуплату алиментов. Она гласила: «Неплатеж алиментов (средств на содержание детей) и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки карается принудительными работами или лишением свободы до 6 месяцев или штрафом до 500 рублей» (Постановление ВЦИК, 1924).

В принятом в 1926 г. новом Уголовном кодексе РСФСР ответственность за неуплату алиментов предусматривала статья 158: «Злостное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от платежа присужденных судом средств на содержание детей – лишение свободы на срок до шести месяцев или штраф до 300 рублей» (Уголовный кодекс РСФСР, 1926: ст. 158).

Стоит согласиться с мнением М.В. Колединой, которая в своем исследовании пришла к выводу, что предустановленные в законах санкции, такие как арест и заключение, являются наименее эффективными мерами наказания в связи с тем, что интересы ребенка при этом по-прежнему

не соблюдаются: нерадивые родители, отбывая наказание, лишь копят свой долг (Коледина 2016: 109).

Правительство СССР уделяло серьезное внимание семье, защите интересов детей и иных лиц, находящихся на содержании трудоспособных членов семьи (Постановление ЦИК СССР № 65, 1936). Как отмечает И.В. Пантюхина, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей – самое распространенное преступление в сфере семейных отношений (Пантюхина 2003: 16). В связи с этим неплательщики алиментов подпадали под категорию лиц, в отношении которых органы НКВД проводили оперативные розыскные мероприятия.

Руководство НКВД систематически проводило анализ текущей ситуации, регулярно издавало приказы, направленные на устранение выявленных недостатков. Так, приказом НКВД СССР № 00729 от 1939 г. утверждена Инструкция о розыске лиц органами РК милиции НКВД СССР, которая была разслана органам РК милиции союзных республик, краев, областей и начальникам городских и районных отделов для выполнения возложенных на НКВД задач по охране государственной безопасности, борьбе с преступностью и по проведению розыска лиц, объявленных «контрреволюционным и преступным элементом», которые скрывались от суда, следствия, агентурного наблюдения, а также лиц, сбежавших из мест заключения, что было основным видом оперативной работы органов милиции (Приказ НКВД СССР № 00729, 1939).

Инструкция прописывала процедуру проведения розыска вышеперечисленных лиц, и в частности предусматривала розыск лиц, уклоняющихся от уплаты присужденных судом алиментов (раздел XIV Инструкции). В п. 5 выделены два вида розыска: местный и союзный (Инструкция «О розыске...», 1939).

В приказе Народного комиссара внутренних дел СССР № 0189 от 10 мая 1940 г. «О мероприятиях по улучшению розыска неплательщиков алиментов» отмечалось, что, придавая серьезное значение вопросу борьбы с неплательщиками алиментов, Правительство Союза ССР возложило на органы РК милиции производство розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Однако, несмотря на ряд мер, принятых НКВД СССР к улучшению розыска неплательщиков алиментов, и издание специальной инструкции по их розыску, устанавливающей порядок производства розыска указанных лиц, эта работа проводилась в недостаточном объеме, о чем свидетельствовал ряд фактов, изложенных в приказе. Согласно данному приказу всем органам РК милиции было дано указание провести повторный розыск неплательщиков алиментов, объявить их в союзный розыск, возложить работы по розыску неплательщиков алиментов на опытных и компетентных сотрудников. Кроме того, начальники управлений РК милиции республик, краев и областей предупреждались, что непринятие реальных мер для улучшения работы по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, отсутствие руководства данной работой и контроля над ней рассматриваются как невыполнение директив Правительства со всеми вытекающими последствиями (Приказ НКВД СССР № 0189, 1940).

Результатом анализа работы по организации и ведению всесоюзного розыска стал приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 9 декабря 1940 г. № 001530, которым с целью совершенствования работы уголовного розыска по раскрытию преступлений была введена в действие инструкция «О постановке всесоюзного розыска преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти». Приказ обязывал ознакомить с инструкцией всех оперативных сотрудников (Приказ НКВД СССР № 001530, 1940).

Согласно этой инструкции розыск лиц, злостно уклоняющихся от уплаты алиментов, лиц, без вести пропавших, уклоняющихся от исправительно-трудовых работ (осужденных без лишения свободы), производился только органами РК милиции и в общую систему всесоюзного розыска не включался (Инструкция «О постановке...», 1940).

Годы Великой Отечественной войны стали тяжелым временем для советской семьи. В данный период осуществить взыскание алиментов было практически невозможно. В связи с этим Верховный Суд СССР приостановил производство и исполнение дел о взыскании алиментов, так как в основном ответчики были призваны на службу в армию. Соответственно и розыск неплательщиков алиментов был малоактивным.

Высокая смертность мужского населения в военное время привела к увеличению количества неполных семей. Государство всеми силами пыталось поддержать семьи. Так, например, 8 июля 1944 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали Материнства» (Указ Президиума ВС СССР, 1944). Однако данным Указом устанавливалось, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, а фактические брачные отношения более не приравнивались к зарегистрированному браку. Указ отменил право матери на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. Таким образом, мужчины были полностью свободны в отношениях с женщинами, осознавая, что женщины не вправе требовать установления отцовства рожденного ребенка, а также претендовать на получение средств на его содержание.

Позже, 14 марта 1945 г., Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке», в котором одним из пунктов устанавливалось, что «иски матерей о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося до издания Указа от 8 июля 1944 года, от лица, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, при условии, если ответчик записан в качестве отца ребенка в книгах записей актов гражданского состояния, подлежат рассмотрению в судебных органах» (Указ Президиума ВС СССР, 1945).

Как мы уже подчеркивали выше, в военные и послевоенные годы значительно возросло количество неполных семей, а также беспризорных и безнадзорных детей. Например, согласно данным отдела демографии Центрального статистического управления СССР и итогам регистрации актов гражданского состояния в городских и сельских поселениях, в 1947 г. в Сталинской области Украинской ССР зарегистрировано: рождений – 58343; браков – 26580; разводов – 171 (Итоги регистрации... 1947). А по сведениям годового отчета о родившихся за 1947 г. число новорожденных, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, составило 10120; из них 8731 – в городских поселениях и 1389 – в сельской местности (Сведения о родившихся... 1947). Приведенные данные показывают, что в послевоенные годы количество разводов было незначительным. При этом доля детей, у которых в акте о рождении отсутствовала запись об отце, составляла более 17% от общей численности новорожденных за 1947 г., то есть каждый пятый ребенок в этот период рождался в неполной семье и воспитывался без отца.

В январе 1948 г. министр внутренних дел Союза ССР издал приказ № 0055 «О мероприятиях по улучшению розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов». В приказе отмечается, что органы милиции не принимают своевременных и достаточных мер к розыску неплательщиков алиментов. В связи с этим в целях усиления работы по розыску неплательщиков алиментов министрам внутренних дел республик, начальникам управлений МВД по краям и областям было приказано в трехмесячный срок затребовать из горрайотделов и отделений милиции все имеющиеся в производстве дела по местному и союзному розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов; проверить проводимые мероприятия и по каждому делу разработать план розыска, руководствуясь Инструкцией о розыске лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов (приложение к приказу МВД СССР № 0055 от 19 января 1948 г.). После тщательной проверки всех розыскных дел выслать в Главное управление МВД СССР списки: а) неплательщиков алиментов, в отношении которых местный активный розыск не дал в течение трех месяцев положительных результатов, – для объявления союзного розыска; б) лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, на которых союзный розыск был объявлен до 1942 г., – для переобъявления союзного розыска. Также в приказе указывалось, что в целях предотвращения возможности сокрытия зарегистрированного брака необходимо вносить в стандартные справки формы № 1 на выданные паспорта отметки о вступлении в брак, для чего обязать городские и районные бюро ЗАГС о каждом случае регистрации брака сообщать соответствующим отделениям милиции. Было прописано требование при выдаче паспорта впервые, взамен утраченного, при обмене по истечении срока действия паспорта или по другим причинам устанавливать семейное положение лица, получающего паспорт, и лицу, состоящему в зарегистрированном браке, в выдаваемом паспорте на листке «Особые отметки» делать соответствующую запись. А в ответах на запросы других органов милиции о подтверждении факта выдачи паспорта кроме прочих сведений обязательно указывать и данные о регистрации брака.

В соответствии с этим приказом работа по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, была возложена на оперативные отделы (отделения) органов милиции (Приказ Министра ВД СССР № 0055, 1948: л. 3об).

Инструкция о розыске лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, введенная в действие приказом МВД СССР № 0055 от 19 января 1948 г., включала в себя следующие разделы: общие положения; порядок производства местного розыска; порядок производства союзного розыска; прекращение розыска.

Согласно данной инструкции на основании статьи 26 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик на органы милиции был возложен розыск ответчиков по делам о взыскании алиментов на содержание детей.

На органы милиции возлагался также розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов на содержание детей, в том числе злостных неплательщиков алиментов, подлежащих привлечению к уголовной ответственности по ст. 158 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Если с 1940 г. эти мероприятия не входили в общую систему всесоюзного розыска, то с 1948 г. мероприятия по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, осуществлялись на уровне и местного, и союзного розыска.

Местный розыск являлся основным и производился независимо от объявления разыскиваемого в союзный розыск. Отметим, что союзный розыск производился по всей территории Союза ССР через кустовые адресные бюро. Объявление союзного розыска не приостанавливало производства местного розыска, который должен был продолжаться до момента обнаружения разыскиваемого.

Основанием для производства местного розыска неплательщика алиментов являлись: а) письменное обращение заявителя с приложением заверенной копии исполнительного листа о присуждении алиментов; б) письменное распоряжение прокурора или постановление суда о розыске ответчика (ст. 26 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик); в) возбужденное уголовное дело по ст. 158 УК РСФСР или соответствующим статьям УК других союзных республик.

Союзный розыск неплательщиков алиментов (ответчиков) объявлялся в тех случаях, если активными мерами местного розыска неплательщик алиментов (ответчик) не был обнаружен в течение 3 месяцев.

Местный и союзный розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, прекращался: а) по распоряжению прокурора или определению суда; б) по достижении совершеннолетия детьми, на содержание которых присуждены алименты; в) в случае смерти детей; г) в случае смерти ответчика (Приказ Министра ВД СССР № 0055, 1948: л. 4об, 5об, 6).

9 апреля 1948 г. министром внутренних дел Украинской ССР издан приказ № 0092 «С объявлением штатов отделений-групп оперотделов УМ (Управлений милиции. – В.Г.) МВД–УМВД УССР для ведения работы по розыску неплательщиков алиментов». В приказе указывалось, что

в соответствии с приказом МВД СССР № 0055 от 19 января 1948 г. отдельным приложением объявляются вышеуказанные штаты, которые должны содержаться за счет некомплекта органов милиции МВД–УМВД Украинской ССР (Приказ Министра ВД УССР № 0092, 1948).

Так, согласно приложению к приказу № 0092 от 9 апреля 1948 г. в штате отделений-групп оперотделов УМВД Ворошиловградской области по розыску неплательщиков алиментов состояли начальник отделения, старший оперуполномоченный и оперуполномоченный – всего три человека. (Приложение к приказу Министра ВД УССР № 0092, 1948).

Однако несколько позже приказом министра внутренних дел Украинской ССР № 00136 от 31 мая 1949 г. объявленные штаты отделений-групп оперотделов УМ МВД–УМВД УССР по розыску неплательщиков алиментов, содержащиеся за счет некомплекта органов милиции МВД–УМВД Украинской ССР, были отменены (Приказ Министра ВД УССР № 00136, 1949).

Вслед за приказом министра внутренних дел Украинской ССР № 00136 «Об отмене штатов отделений-групп оперотделов УМ МВД–УМВД УССР по розыску неплательщиков алиментов, содержащихся за счет общего некомплекта органов милиции» последовали приказы начальников управлений МВД по областям. Так, 21 июня 1949 г. вышеуказанные штаты были отменены в Ворошиловградской области (Приказ начальника... № 0047, 1949).

Организация розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, приказом МВД СССР № 00305 от 5 апреля 1949 г. «О мероприятиях по улучшению организации розыскной работы органов МВД и милиции» была возложена на оперативный отдел Главного управления милиции. В связи с изданием данного приказа некоторые приказы, циркуляры, директивы и распоряжения подлежали отмене – частично или полностью. В частности, приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 001530 от 9 декабря 1940 г. «С объявлением инструкции о всесоюзном розыске преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти» был полностью отменен (Приказ Министра ВД СССР № 00305, 1949: л. 124, 125об, 126об, 127об).

Кроме того, приказом № 00305 от 5 апреля 1949 г. была утверждена «Инструкция по агентурно-оперативному розыску преступников». Пункт 2 «Общих положений» инструкции определял подлежащие розыску органами милиции категории преступников и лиц, скрывшихся от органов власти. Подпункт «г» инструкции включал розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Агентурно-оперативный розыск в органах милиции осуществлялся специально созданными при оперативных отделах управлений милиции МВД–УМВД республик, краев, областей и городских управлений милиции сыскными отделениями (или группами), а также городскими и районными отделами (отделениями) милиции.

Среди прочих сыскные отделения (группы) разыскивали, также непосредственно своими силами, лиц, уклонявшихся от уплаты алиментов, в тех случаях, когда истицы проживали в республиканском, краевом и областном центре.

В инструкции указано, что для осуществления поставленных задач сыскные отделения (группы) обязаны: а) организовывать розыск преступников и лиц, скрывшихся от органов власти, путем агентурно-оперативных мероприятий, проводимых своими силами, или дачи розыскных заданий соответствующим органам милиции; б) руководить работой городских и районных отделов и отделений милиции по розыску преступников и лиц, скрывшихся от органов власти, посредством проверки и установления контроля за выполнением мероприятий по розыскным делам и розыскным заданиям; в) следить за своевременным объявлением органами милиции во всесоюзный розыск преступников и лиц, скрывшихся от органов власти, а также за прекращением ими розыска после обнаружения разыскиваемых.

Городские и районные отделы и отделения милиции производили розыск всех преступников и лиц, скрывшихся от органов власти, в том числе и лиц, уклонявшихся от уплаты алиментов.

Сыскные отделения (группы) к розыску таких лиц приступали лишь после того, как в отношении этих лиц органами, ведущими следствие, выносилось постановление о производстве розыска.

Третий раздел инструкции – особенности розыска некоторых преступников и лиц, скрывшихся от органов власти, осуществляемого органами милиции, – посвящен организации работы по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Основанием для розыска неплательщиков алиментов являлись письменное обращение заявителя с приложением заверенной копии исполнительного листа, письменное распоряжение прокурора и определение народного суда о розыске ответчика. Сыскные отделения (группы) или городские и районные отделы и отделения милиции, получив заявление о розыске неплательщика алиментов, обязаны были безотлагательно опросить заявителя, выяснить у него сущность дела, установить последнее место жительства и место работы лица, уклоняющегося от уплаты алиментов, адреса его родственников и других лиц, с которыми он может быть связан (ведет переписку, бывает периодически, укрывается и т.д.).

В соответствии с полученными сведениями о разыскиваемом и его связях сыскные отделения (группы) и горрайотделы и отделения милиции, ведущие розыск, принимали меры к обнаружению разыскиваемого на обслуживаемой территории и посылали розыскные задания тем органам милиции, на территории которых мог проживать, скрываться разыскиваемый или же проживали его родственники, знакомые и другие лица, которые могли сообщить о местонахождении разыскиваемого.

Для осуществления розыска неплательщиков алиментов проводились указанные в инструкции агентурно-оперативные мероприятия, такие как обеспечение агентурного наблюдения, агентурная разработка, направление завербованной агентуры и маршрутных агентов в места возможного появления или пребывания разыскиваемого, организация засад и др.

При обнаружении разыскиваемого орган милиции, установивший его местонахождение, сообщал об этом органу милиции, возбудившему розыск, и поступал согласно имеющимся в розыскном задании указаниям (Инструкция «По агентурно...», 1949).

Помимо этого приказом МВД СССР № 00305 от 5 апреля 1949 г. была утверждена «Инструкция о постановке всесоюзного розыска преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти». В примечании к документу указывалось, что розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, производится органами милиции без объявления во всесоюзный розыск через I Спецотдел МВД СССР. В инструкции, которая состояла из 11 разделов и 29 параграфов, перечислялись лица, которые объявлялись во всесоюзный розыск, основания и порядок объявления, организация розыска, основания для прекращения розыска и порядок отчетности. К инструкции прилагались формы учета (личная карточка, розыскное требование, агентурно-розыскное дело, постановление о прекращении розыска) и формы отчетов (Инструкция «По агентурно... 1949).

В приказе министра государственной безопасности Союза ССР № 0049 от 19 января 1951 г. «О перестройке Уголовного розыска и мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью» акцентировалось внимание на особой государственной важности борьбы с уголовной преступностью, а также указывалось, что «каждое преступление должно быть полностью раскрыто – таков закон оперативной работы, и им надо повседневно руководствоваться в борьбе с уголовной преступностью. Уголовный сыск надо сделать таким, чтобы преступники боялись его, зная, что, к каким бы уловкам и ухищрениям ни прибегали и как бы ни скрывались, они будут выслежены, разоблачены и наказаны, чтобы и впредь им было неповадно покушаться на жизнь советских граждан или совершать другие преступления против общественной безопасности» (Приказ Министра ГБ СССР № 0049, 1951).

Придавая большое значение уголовному сыску и борьбе с уголовной преступностью, приказ предписывал: создать в управлениях (отделах) милицеской службы отделы-отделения-группы дознания, укомплектовав их грамотными оперативными работниками уголовного сыска и милиции, знающими основы следствия и имеющими опыт расследования дел в уголовных преступлениях; в органах дознания милицеской службы в числе прочих дел вести дела и о таких преступлениях, как злостная неуплата алиментов (Приказ Министра ГБ СССР № 0049, 1951).

В качестве примера розыскной работы в Донбассе в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, можно привести данные архива Министерства внутренних дел Ворошиловградской области УССР.

Значительную поддержку в работе периферийным горрайотделам и отделениям милиции г. Ворошиловграда оказывало Отделение негласного состава Оперативного отдела УМ Министерства государственной безопасности (далее – МГБ). Так, согласно отчетам периферийных отделов только за январь 1951 г. выявлено 10 неплательщиков алиментов (Справка о проделанной работе... 1951).

Из доклада начальнику УМ МГБ Ворошиловградской области о результатах агентурно-оперативной работы по борьбе с преступностью за 1951 г. по Белолуцкому району, где речь шла также о результатах розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, можно увидеть, что за 1951 г.

были просмотрены все розыскные дела уклоняющихся от уплаты алиментов и активизирован их розыск. Указывалось, что периодически на беседу вызывались заявительницы, через которых устанавливались адреса неплательщиков алиментов. В начале 1951 г. было заведено 26 розыскных дел на неплательщиков алиментов, в течение года – еще 13 дел; в итоге разысканы 17 человек и остались в розыске 22 дела (Доклад начальника... 1951).

3 ноября 1952 г. начальником управления МГБ Ворошиловградской области был издан приказ № 0053 «О результатах проверки работы по розыску дезертиров промышленности и неплательщиков алиментов». Бригадой УМ МГБ УССР установлено крайне неудовлетворительное состояние работы отдела розыска УМ МГБ и горрайорганов милиции Ворошиловградской области по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Отмечалось, что розыск указанной категории лиц вплоть до текущего момента осуществляется плохо, а количество разысканных из квартала в квартал уменьшается. Если аппаратом отдела розыска УМ в 1-м квартале года было разыскано неплательщиков алиментов 20,4%, то в 3-м квартале – 17,5%, то есть на 2,9% меньше. Агентурно-осведомительный аппарат и доверенные лица в розыске неплательщиков алиментов почти не используются. Приказано объявить начальнику отдела розыска УМ МГБ Ворошиловградской области строгий выговор и предупредить: в случае немобилизации работников отдела на улучшение этой работы в ближайшее время будут приняты более строгие меры воздействия (Приказ начальника... № 0053, 1952).

Министерством внутренних дел СССР 22 сентября 1953 г. был направлен «Обзор о недостатках в работе по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов» № 36, в котором всем начальникам управлений милиции МВД союзных и автономных республик, начальникам управлений милиции УМВД краев, областей и городов предлагалось изучить представленные в нем результаты, принять меры к устранению недостатков в розыскной работе, указанных в обзоре, а также совершенствовать способы организации розыска. В обзоре указывалось, что в органы милиции поступает большое количество заявлений о розыске лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов на содержание детей. Быстрый розыск таких лиц – это прямая обязанность каждого органа милиции. Эта задача непосредственно вытекает из указаний партии и правительства о всемерной охране интересов и прав детей в стране.

Достигнуть успеха в работе по розыску неплательщиков алиментов можно лишь при условии сознательного и добросовестного отношения к своим обязанностям. Следующее условие – совершенствование методов розыска и устранение имеющихся в этой работе недостатков. В обзоре приводились примеры, демонстрирующие основные недостатки в работе по розыску неплательщиков алиментов, которые необходимо устранить. В обзоре отмечалось, что для достижения наибольшего эффекта при раскрытии преступлений, связанных с розыском лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, необходимо осуществление следующих мероприятий:

1) регулярная работа с истцами. Основным условием успешной работы по розыску лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, является постоянная связь с истцами. Работник милиции, занимающийся розыском неплательщиков алиментов, обязан внимательно относиться к заявлениям истцов, выяснять у них необходимые сведения, которые могут способствовать быстрейшему обнаружению ответчиков, и подробно записывать эти данные в протоколы опроса. Сообщаемые истцами сведения о розыскиваемых следует использовать как можно полнее;

2) планирование работы по розыскным делам. Правильная организация розыска немыслима без планирования работы по розыскным делам. План розыскных мероприятий обязывает сотрудника работать по определенной системе, что ускоряет обнаружение розыскиваемого. При планировании работы заранее предусматривается основное направление розыска: выявление данных о розыскиваемом в местах его жительства и работы, установление его родственных и иных связей и обеспечение их негласной разработки;

3) составление и исполнение розыскных требований. В большинстве случаев по делам о розыске неплательщиков алиментов приходится направлять задания и запросы в органы милиции других краев и областей для выявления связей розыскиваемого, наведения различного рода справок о личности розыскиваемого и т.д. Быстрое и четкое исполнение этих заданий является одним из основных условий розыска. Розыскные задания должны составляться оперативно, грамотно, с указанием правильных установочных данных о розыскиваемом и подробным изложением вопросов, подлежащих выяснению, проверке, расследованию или негласной разработке. Орган милиции, получивший розыскное задание, обязан без промедления и качественно его исполнить и своевременно и возможно более полно ответить инициатору розыска;

4) объявление во всесоюзный розыск и использование данных кустовых адресных бюро. После проведения необходимых мероприятий местного розыска, но не позднее чем через три месяца после получения заявления и копии исполнительного листа или определения нарсуда о розыске неплательщик алиментов должен быть объявлен во всесоюзный розыск. Своевременное объявление ответчиков во всесоюзный розыск значительно ускоряет их обнаружение;

5) установление розыскиваемых через родственные связи. Неплательщики алиментов, оставляя семью, часто вступают в брак вторично или сожительствуют с другими женщинами. Некоторые из них, уклоняясь от уплаты алиментов, прекращают связь со своими родственниками. Во многих же случаях родственники знают, где находится розыскиваемый, но скрывают это от истцов. Практика работы ряда управлений милиции показала, что неплательщиков алиментов можно быстро устанавливать через близких родственников новых жен и сожительниц, так как они почти всегда ведут переписку со своими родителями и другими родственниками. Данные о вторичном браке неплательщиков алиментов или об их связи с женщинами в первую очередь необходимо получать у самих истцов, которые в большин-

стве случаев располагают такими сведениями. При направлении розыскных заданий в органы милиции по местам прежнего жительства и работы ответчиков нужно обязательно требовать выяснения, имели ли они там вторую семью, и в этом случае получить полные установочные данные на вторую жену или сожительницу и ее близких родственников. В тех случаях, когда органы милиции пренебрегают этими правилами, розыск затягивается на длительные сроки;

б) своевременное оповещение истцов об обнаружении ответчиков. В случае обнаружения ответчика необходимо немедленно ставить об этом в известность истцу, объявляя ей точный адрес его жительства и работы. Истицам необходимо разъяснять, что исполнительные листы по месту работы ответчиков они должны направлять через судебных исполнителей, на которых возложена эта работа. Однако имеют место случаи, когда органы милиции по несколько месяцев не сообщают истцам об обнаружении ответчиков (Обзор о недостатках... 1953).

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что после Великой Отечественной войны многие женщины не могли выйти замуж и создать полноценную семью, что объяснялось сложной демографической ситуацией, так как миллионы советских мужчин погибли на фронте.

Руководство Коммунистической партии Советского Союза уделяло серьезное внимание семье, защите интересов детей и иных лиц, находящихся на иждивении трудоспособных членов семьи. Одной из важнейших социальных задач было обеспечение исполнения алиментных обязательств. Действенными мерами в борьбе со злостными неплательщиками алиментов являлись их розыск и привлечение к уголовной ответственности, что позволяло решать сразу две задачи: пенитенциарную (исправительную) и компенсационную.

Эффективную работу по розыску ответчиков по делам о взыскании алиментов на содержание детей в 40–50-е гг. XX в. в Донбассе осуществляли оперативные подразделения РК милиции НКВД СССР. Органами НКВД особое внимание уделялось работе по розыску злостных неплательщиков алиментов, проводился ее анализ, устранялись недостатки в данной работе. Для осуществления розыска неплательщиков алиментов использовались такие агентурно-оперативные мероприятия, как агентурное наблюдение, агентурная разработка, направление завербованной агентуры и маршрутных агентов в места возможного появления или пребывания разыскиваемого, организация засад и др. В тот период сформировалась уникальная практика агентурно-оперативной работы подразделений уголовного розыска и были заложены основы тактики оперативных подразделений.

Исходя из результатов исследования можно сделать вывод о том, что период 40–50-х гг. XX в. является ключевым в становлении розыскной работы по противодействию злостному уклонению от уплаты средств на содержание несовершеннолетних в стране в целом и в Донбассе в частности. В описанный период были заложены основы современного законодательства в сфере противодействия злостному уклонению от невыплаты алиментов на содержание детей. В правовом регулировании работы

по розыску и привлечению к ответственности злостных неплательщиков алиментов учитывался социально-правовой статус отца в советской семье, значение, которое получало советское отцовство в свете семейной политики государства в целом.

Как в исследуемый период, так и в настоящее время установление ответственности за указанное деяние имеет целью применение к правонарушителям не только исправительных мер, ограничения свободы передвижения, но и мер материальной ответственности, предполагающих взыскание в доход государства средств, выплаченных по решению суда за весь период розыска должника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коледина М.В. 2016. Современное состояние и некоторые проблемы взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей // Правовое государство: теория и практика. № 1 (43). С. 107-111. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25692040_38235909.pdf (дата обращения: 04.04.2020).

Пантюхина И.В. 2003. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zlostnoe-uklonenie-ot-uplaty-sredstv-na-soderzhanie-detei-ili-netrudospobnykh-roditelei-u-0/read> (дата обращения: 04.04.2020).

Парышев А.И. 2006. Злостное уклонение от уплаты алиментов: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zlostnoe-uklonenie-ot-uplaty-alimentov-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty> (дата обращения: 04.04.2020).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ред. от 05.03.1926). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 13.05.2020).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Сейчас.ру : [сайт]. URL: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/3096 (дата обращения: 13.05.2020).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Контур.Норматив : [сайт]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=26910> (дата обращения: 13.05.2020).

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р. // Собрание Указаний. 1924. № 79. Ст. 786. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2201.htm (дата обращения: 05.04.2020).

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР № 65, Совета Народных Комиссаров СССР № 1134 от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских

садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#WQ56GdS3eVN9WMm5> (дата обращения: 05.04.2020).

Список архивных документов

Доклад начальника Белолуцкого РОМ МГБ о результатах агентурно-оперативной работы по борьбе с преступностью за 1951 год // Архив МВД ЛНР¹. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 129-133.

Инструкция «О постановке всесоюзного розыска преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти» : Приложение к Приказу НКВД СССР № 001530 от 9 декабря 1940 года «С объявлением Инструкции о всесоюзном розыске преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 93-106 об.

Инструкция «О розыске лиц органами РК милиции НКВД СССР» : Приложение к Приказу НКВД СССР № 00729 от 1939 года «С объявлением Инструкции о розыске лиц органами РК милиции НКВД СССР» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9 об.-10.

Инструкция «По агентурно оперативному розыску преступников» к приказу министра внутренних дел СССР № 00305 от 5 апреля 1949 года «О мероприятиях по улучшению организации розыскной работы органов МВД и милиции» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 128-135.

Инструкция о постановке всесоюзного розыска преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти к приказу Министра внутренних дел СССР № 00305 от 5 апреля 1949 года «О мероприятиях по улучшению организации розыскной работы органов МВД и милиции» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 135-152.

Итоги регистрации актов гражданского состояния за 1947 год // ГА ДНР². Ф. Р-4249. Оп. 2. Ед. хр. 3095. Л. 60.

Обзор о недостатках в работе по розыску лиц уклоняющихся от уплаты алиментов» от 22 сентября 1953 года Главного управления милиции МВД СССР // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 104-109об.

Приказ Министра внутренних дел Союза ССР № 0055 от 19 января 1948 года «О мероприятиях по улучшению розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 3-6.

Приказ Министра внутренних дел СССР № 00305 от 5 апреля 1949 года «О мероприятиях по улучшению организации розыскной работы органов МВД и милиции» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 124-127 об.

Приказ Министра внутренних дел Украинской ССР № 00136 от 31 мая 1949 года «Об отмене штатов отделений-групп оперотделов УМ МВД–УМВД УССР по розыску неплательщиков алиментов, содержащихся за счет общего некомплекта органов милиции» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 42.

Приказ Министра внутренних дел Украинской ССР № 0092 от 9 апреля 1948 года «С объявлением штатов отделений-групп оперотделов УМ МВД–УМВД УССР для ведения работы по розыску неплательщиков алиментов» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 7.

¹ Архив Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики. – *Ред.*

² Государственный архив Донецкой Народной Республики – *Ред.*

Приказ Министра государственной безопасности СССР № 0049 от 19 января 1951 года «О перестройке Уголовного розыска и мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 12, 13-20 об.

Приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР № 0189 от 10 мая 1940 года «О мероприятиях по улучшению розыска неплательщиков алиментов» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 116 об.

Приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР № 001530 от 9 декабря 1940 года «С объявлением Инструкции о всесоюзном розыске преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти» // Архив МВД ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 90-93.

Приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР № 00729 от 27 июня 1939 года «С объявлением Инструкции о розыске лиц органами РК милиции НКВД СССР» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1.

Приказ начальника управления МВД по Ворошиловградской области № 0047 от 21 июня 1949 года «Об отмене штата отделения оперативного отдела УМ по розыску неплательщиков алиментов, содержащихся за счет общего некомплекта органов милиции» // Архив МВД ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 31.

Приказ начальника управления МГБ по Ворошиловградской области № 0053 от 3 ноября 1952 года «О результатах проверки работы по розыску дезертиров промышленности и неплательщиков алиментов» // Архив МВД ЛНР. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 64-65.

Приложение к приказу Министра внутренних дел Украинской ССР № 0092 от 9 апреля 1948 года «Штат отделений групп оперотделов УМВД Ворошиловградской области по розыску неплательщиков алиментов» // Архив МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 8.

Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, по возрасту и занятию матери за 1947 год // ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 2. Ед. хр. 3096. Л. 11-13 об.

Справка о проделанной работе за январь месяц 1951 г. отделением негласного состава оперативного отдела УМ // Архив МВД ЛНР. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 44-45.

References

Appendix to the order of the Minister of Internal Affairs of the Ukrainian SSR No. 0092 dated April 9, 1948 “The staff of departments of groups of operative departments of the Ministry of Internal Affairs of the Voroshilovgrad region to search for non-payers of alimony”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoy Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 2, single repository 74, sh. 8. (in Russ.).

Certificate of the work done for the month of January 1951 by the department of the secret staff of the operational department of the police, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoy Narodnoy Respubliki*, coll. 113, inventory 1, single repository 28, sh. 44-45. (in Russ.).

Criminal Code of the RSFSR of 1926 (as amended on 05.03.1926), available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (accessed May 13, 2020). (in Russ.).

Decree of the Central Executive Committee of the USSR No. 65 Council of People's Commissars of the USSR No. 1134 of June 27, 1936 “On the prohibition of abortion, increasing material assistance to women in labor, establishing state aid for multi-family, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, increasing criminal punishment for non-payment of alimony and some changes in divorce laws”, available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm (accessed April 05, 2020). (in Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On increasing state aid to pregnant women, mothers with many children and single mothers, strengthening the protection of mothers and children, establishing the honorary title «Mother Heroine» and establishing the Order of «Maternal Glory» and the Medal of Maternity” dated July 8, 1944, available at: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/3096 (accessed May 13, 2020). (in Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 14, 1945 “On the procedure for the application of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944 in relation to children whose parents are not in a registered marriage”, available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=26910> (accessed May 13, 2020). (in Russ.).

Information about those born for whom there are no records about the father in the birth certificate, by age and occupation of the mother for 1947, *Gosudarstvennyy arkhiv Donetskoj Narodnoj Respubliki*, coll. R-4249, inventory 2, single repository 3096, sh. 11 turnover-13 turnover. (in Russ.).

Instruction “On the organization of the all-Union search for criminals and other persons hiding from the authorities” annex to the Order of the NKVD of the USSR No. 001530 of December 9, 1940 “With the announcement of the Instruction on the all-Union search for criminals and other persons hiding from the authorities”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 21, sh. 93-106 turnover. (in Russ.).

Instruction “On the search for persons by the bodies of the RK militia of the NKVD of the USSR” annex to the Order of the NKVD of the USSR No. 00729 of 1939 “With the announcement of the Instruction on the search for persons by the bodies of the RK police of the NKVD of the USSR”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 54, sh. 9 turnover -10. (in Russ.).

Instruction on the organization of the all-Union search for criminals and other persons hiding from the authorities to the order of the Minister of Internal Affairs of the USSR No. 00305 dated April 5, 1949 “On measures to improve the organization of the search work of the Ministry of Internal Affairs and the police”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 135, sh. 135-152 (in Russ.).

Instructions “On the operative intelligence search for criminals” to the order of the Minister of Internal Affairs of the USSR No. 00305 dated April 5, 1949 “On measures to improve the organization of the search work of the Ministry of Internal Affairs and the police”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 21, sh. 128-135. (in Russ.).

Koledina M.V. Current status and some problems of alimony recovery for minor children, *The Rule of Law State: Theory and Practice*, 2016, no. 1 (43). pp. 107-111, available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25692040_38235909.pdf (accessed April 04, 2020). (in Russ.).

Main police department of the USSR Ministry of Internal Affairs “Review of shortcomings in the work on the search for persons evading the payment of alimony” dated September 22, 1953, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 239, sh. 104-109 turnover. (in Russ.).

Order of the head of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad region No. 0047 of June 21, 1949 “On the abolition of the staff of the department of the operational department of the Ministry on the search for non-payers of alimony contained due to the general shortage of police bodies”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoj Respubliki*, coll. 1, inventory 1, single repository 132, sh. 31. (in Russ.).

Order of the head of the Ministry of State Security department for the Voroshilovgrad region No. 0053 of November 3, 1952 “On the results of checking the work on the search for

deserters of industry and defaulters of alimony”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 113, inventory 1, single repository 36, sh. 64-65. (in Russ.).

Order of the Minister of Internal Affairs of the Ukrainian SSR No. 00136 of May 31, 1949 “On the abolition of the staff of the divisions-groups of operational departments of the UM Ministry of Internal Affairs – UMVD of the Ukrainian SSR for the search for non-payers of alimony contained due to the general shortage of police bodies”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 2, single repository 88, sh. 42. (in Russ.).

Order of the Minister of Internal Affairs of the Ukrainian SSR No. 0092 of April 9, 1948 “With the announcement of the states of the divisions-groups of the operational departments of the Direction of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR to conduct work on the search for non-payers of alimony”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 2, single repository 74, sh. 7. (in Russ.).

Order of the Minister of Internal Affairs of the USSR No. 00305 of April 5, 1949 “On measures to improve the organization of the search work of the Ministry of Internal Affairs and the police”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 135, sh. 124-127 turnover. (in Russ.).

Order of the Minister of Internal Affairs of the USSR No. 0055 dated January 19, 1948 “On measures to improve the search for persons evading the payment of alimony”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 118, sh. 3-6. (in Russ.).

Order of the Minister of State Security of the USSR No. 0049 of January 19, 1951 “On the restructuring of the Criminal Investigation Department and measures to strengthen the fight against criminal crime”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 184, sh. 12-20 turnover. (in Russ.).

Order of the People’s Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 001530 of December 9, 1940 “With the announcement of the Instruction on the all-Union search for criminals and other persons hiding from the authorities”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 1, inventory 1, single repository 21, sh. 90 turnover -93. (in Russ.).

Order of the People’s Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 00729 of June 27, 1939 “With the announcement of the Instruction on the search for persons by the bodies of the RK militia of the NKVD of the USSR”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 27, sh. 1. (in Russ.).

Order of the People’s Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 0189 of May 10, 1940 “On measures to improve the search for non-payers of alimony”, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Luganskoj Narodnoy Respubliki*, coll. 13, inventory 1, single repository 22, sh. 116 turnover. (in Russ.).

Pantyukhina I.V. Malicious evasion of funds for the maintenance of children or disabled parents: Criminal law and criminological problems abstract for the degree of candidate of legal sciences, specialty: abstr. of diss., Ryazan, 2003, 24 p., available at: <https://www.dissercat.com/content/zlostnoe-uklonenie-ot-uplaty-alimentov-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty> (accessed April 04, 2020). (in Russ.).

Paryshev A.I. *Malicious evasion of the payment of alimony: criminal law and criminological aspects: abstr. of diss.*, Moscow, 2006, 26 p., available at: <https://www.dissercat.com/content/zlostnoe-uklonenie-ot-uplaty-alimentov-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty> (accessed April 04, 2020). (in Russ.).

Report of the head of the Belolutsk ROM of the Ministry of State Security on the results of intelligence-operative work to combat crime in 1951, *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del*

Luganskoj Narodnoy Respubliki, coll. 113, inventory 1, single repository 28, sh. 129-133 (in Russ.).

Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924 “On approval of the Correctional Labor Code of the R. S. F. S. R.”, *Sobranie Ukazakonenij*, 1924, no. 79, art. 786, available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2201.htm (accessed April 05, 2020). (in Russ.).

Results of registration of acts of civil status for 1947, *Gosudarstvennyy arkhiv Donetskoj Narodnoy Respubliki*, coll. P-4249, inventory 2, single repository 3095, sh. 60. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Константиновна Грошева

кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России; г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4554-8657>;
E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria K. Groshevaya

Candidate of Law, Associate Professor, Ph.D candidate of the state legal relations department Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4554-8657>;
E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indentation, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 21.07.2021 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,7 Уч.-изд. л. 9,1
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.